

Борис МИРКИН

«ДЕРЖУ ОТВЕТ...»

Издание второе,
переработанное и дополненное

Б.Миркин. «Держу ответ...», СПб «Мемориал», 2005 год – 192 с., ил. Издание второе, дополненное и переработанное.

Книга содержит воспоминания Бориса Савельевича Миркина об аресте за стихи, в которых он критиковал советскую действительность. Описаны годы, проведенные в Пермских политлагерях, и люди, окружавшие его. Вторую часть книги составляют стихи Б.Миркина, в том числе те, за которые он получил срок в 1981 году.

К первому изданию книги, вышедшему в 2004 году, добавлены сведения о родителях Миркина, о годах его детства и учебы, а также включены дополнительно несколько стихотворений, написанных в разные годы на неполитические темы, и иллюстраций – фотографий из семейного архива Б.Миркина.

От автора. Предисловие ко второму изданию.

В ноябре 2004 года вышла моя книга воспоминаний и стихов «Держу ответ». К великому сожалению, из-за спешки (хотелось ее выпустить к 20-летию моего выхода из пермских лагерей) она оказалась «сырой», с опечатками и неточностями. Кроме того, на презентации мне были высказаны пожелания включить во второе издание сведения о родственниках и моем детстве.

В состав книги вошли некоторые ряд стихов из первого стихотворного сборника (2002 г.) и новые стихотворения, фотографии из семейного альбома. Очень надеюсь, что новая книга понравится вам больше, чем предыдущая.

В заключение хочу выразить глубокую благодарность моему неизменному редактору Галине Васильевне Дударевой, сотрудникам НИЦ «Мемориал» Татьяне Косиновой и Татьяне Моргачевой, а также Василисе Гольевой. Большое спасибо всем сотрудникам «Мемориала», которые мне помогли в создании этой книги.

Борис Миркин
Санкт-Петербург, август 2005

Борис Савельевич Миркин создал удивительное свидетельство.

Его бесхитростный рассказ о времени и о себе ценен не только достоверной информацией. Из простого повествования, по сути – последовательного изложения событий в их хронологической последовательности, складывается образ не только лживой советской системы, вымороченных будней в лагере общенародного, а затем и строгого режима, но в первую очередь образ честного, наивного и сильного человека, который просто не может жить во лжи. Он прекрасно знает, что, не проголосовав (как велено), подвергает себя преследованиям, но поступить иначе не может. Он прекрасно знает, что стихи могут довести его до тюрьмы, но не может не писать и не читать друзьям и знакомым.

Он догадывается, что вокруг него не только порядочные люди, но обидеть кого-то недоверием ему не под силу, до тех пор, пока иуда его не предаст.

Миллионы его современников отвернулись от факта вторжения Советской империи в Афганистан, – Борис Миркин промолчать не мог, и теперь, после лагерей, после развала Союза и конца страшного века, он – среди тех немногих, у кого тогда хватило силы и чистоты духа протестовать против советской агрессии.

В его воспоминаниях нет ни капли рисовки, Борис добросовестно, с любовью пишет о многих, кого встретил на своем непростом пути. Вся книга пронизана добротой и нетерпимостью ко лжи и фальши. Спасибо ему за стойкость, чистоту и талант.

Юлий Рыбаков

ГЛАВА I. ДЕТСТВО. ЮНОСТЬ. СЕМЬЯ

Я родился в Ленинграде на Васильевском острове в 1937 году. Возможно, этот год – год начала «большого террора» – как-то повлиял на то, что я впоследствии оказался в тюрьме и лагере за написание стихов, направленных против войны в Афганистане и режима Брежнева.

Мы жили тогда всей большой семьей на Васильевском острове, на 10 линии в доме 23, квартира 28. Мои родители – Савелий Абрамович Миркин (1896 года рождения) и Хася Шмуиловна (1900 года рождения) – родились в маленьком городке Велиже с населением 15 тысяч человек, расположенном на границе Смоленской и Витебской губерний Российской империи. Город стоит при впадении речки Велижки в Западную Двину*. В 1536 году русский воевода князь Иван Барбашин построил близ этого городка деревянный замок. Но в 1580 году, когда польский король Стефан Баторий шел воевать полоцкую землю, гетман Замойский сжег этот замок до основания.

В 1655 году город был взят русскими войсками, но по мирному договору с Польшей возвращен полякам в 1658 году. И только в 1772 году при первом разделе Польши был вновь присоединен к России в составе Псковской губернии, а затем, когда была образована Витебская губерния, вошел в ее состав как уездный город. Сейчас он относится к Смоленской области.

Велиж имел торговлю с Ригой, в основном хлебом. Фабрично-заводская промышленность была развита слабо и представлена мелкими предприятиями. Из культовых зданий – 11 православных церквей, 2 костела и одна еврейская синагога. В городе была частная женская гимназия, прогимназия, четырехклассное городское училище и еврейское училище. Основное население – великороссы, затем белорусы, евреи и другие. Велиж был в числе тех городов, где проходила так называемая «черта оседлости», которая касалась только евреев. Там, и только там они могли жить. Долгое время евреи жили в своих местечках совершенно обособленно, по своим религиозным обрядам. Но это не касалось евреев, принявших христианство («выкрестов»). В Российской империи не было понятия «национальность», а было понятие «вероисповедание».

Только при Николае I в 1845 году вышел указ, который предписывал евреям отказаться от своей традиционной одежды и одеваться как все. Кроме того, обучение русскому языку уменьшило изоляцию местечек. И все же устроить свою жизнь евреям было трудно, так как государственная служба для них была закрыта, а военная карьера невозможна. Занятие земледелием тоже было исключено, так как землю покупать евреям не разрешалось. Работать в промышленности они не могли, потому что им запрещалось селиться в крупных городах, где были заводы. Оставались медицина, наука и культура. Но не может же весь народ заниматься этим. Поэтому основная масса еврейской бедноты влачила жалкое существование. Они могли заниматься ремесленничеством и мелкой торговлей. Некоторым все же удалось «выбиться в люди» и сколотить состояние. Они могли учить своих детей в гимназиях и университетах (существовал определенный ценз на высшее образование по религиозному признаку), а иногда даже послать их продолжить обучение за границей. А имеющие высшее образование евреи могли селиться и в больших городах.

Поскольку мои родители были из бедных семей, их обучение ограничилось еврейской школой. Отца послали учиться на портного. В этом он преуспел и стал помогать семье. Его брат Роман стал парикмахером, а сестра Анна, в конце концов, выучилась на врача-рентгенолога. Самый младший Илья пошел учиться уже при советской власти и к началу войны окончил третий курс Электротехнического института в Ленинграде.

Дедушка с папиной стороны – Абрам Иоселевич Миркин, 1861 года рождения. Поскольку ортодоксальным евреям полагалось есть только кошерную пищу, то при синагоге имелся резник-мясник. Этим резником был мой дед. Тогда это была довольно почетная должность. Только ему

*

разрешалось резать птицу и скот (кроме свиней). У евреев имелась даже специальная посуда для приготовления кошерной пищи*.

Бабушка Фрума Сауловна, 1864 года рождения, не работала, на ней держался весь дом. Дедушка и бабушка жили потом вместе с нами в Ленинграде и умерли в блокаду. Нам известно только приблизительное место их захоронения.

Дедушка с маминой стороны, Самуил Бернштейн, был часовщиком, а также ювелирных дел мастером, членом Витебской гильдии ювелиров (я видел его визитную карточку у своих дальних родственников). Умер он молодым (в 1912 году), не успев нажить хоть какого-либо состояния. Оставшись без средств к существованию, бабушка отправила свою старшую 12-летнюю дочь (мою маму Хасю, имевшую четырехклассное образование) в Петербург к своей двоюродной сестре, которая владела шляпной мастерской. Так моя мама оказалась в Петербурге. Уже позже там же появились ее сестры Фаня и Сима, а затем бабушка. Сначала мама разносила заказы по клиентам, а затем выучилась на белошвейку. Жизнь ее протекала размеренно и обыденно. В ее памяти запечатлелось только одно событие – празднование 300-летия дома Романовых.

В 1917 году отца призвали в армию, которая на фронтах Первой мировой войны понесла очень большие потери. Ему пришлось участвовать в печально знаменитом наступлении русских войск в Прибалтике под командованием военного министра Временного правительства А.Ф. Керенского. Наши войска потерпели сокрушительное поражение, и Рига была взята немцами. При близком разрыве снаряда отец получил серьезную контузию (потерял слух, зрение и речь). Лечился в госпитале в Челябинске. После выздоровления в армию его не взяли, так как произошла революция, и в Челябинске установилась советская власть. Военно-революционным комитетом в городе руководил известный на Урале революционер С.М. Цвиллинг. Однажды его выступление, проходившее в помещении цирка, слышал мой отец, о чем потом рассказывал мне с восторгом. Устроился он работать по своей специальности портного. Когда город в ночь с 26 на 27 мая 1918 года заняли два чехословацких стрелковых полка во главе с подполковником Войцеховским С.Н.* , отец, страшась погромов, уехал в Оренбург. Но вскоре власть в городе захватили дутовские казаки, отцу пришлось бежать на Дальний Восток, и он оказался в Благовещенске, откуда вместе со своими друзьями, перейдя Амур, попал в Харбин. В Китае отец пробыл около двух лет и вернулся обратно, и тут ему повезло, так как Благовещенск относился уже к ДВР – Дальневосточной республике, которая образовалась в апреле 1920 года. Это буферное государство находилось между большевистской Россией и частью Дальнего Востока, захваченной японцами. Во главе ДВР стоял большевик П.П. Постышев, а военным министром был В.К. Блюхер. Отца мобилизовали, и он попал в Амурскую флотилию. В военных действиях моряки флотилии участия не принимали, ходили патрулями по городу. Отца в основном использовали как портного. Он мог шить все. Вскоре был заключен мирный договор с Японией, моряков демобилизовали и отправили в Россию. По дороге к дому отец остановился в Петрограде и решил остаться, пошел работать на фабрику «Красный швейник», где и познакомился с моей мамой. Возможно, их сблизило то, что они оба из Велижа, хотя там не были знакомы. Первым ребенком, родившимся в 1930 году, была моя сестра Соня. Затем на свет появился я, а в 1940 году – сестра Женя.

Отец сумел собрать в пятикомнатной ленинградской квартире всех родственников (кроме дяди Ромы). В 1937 году дядя Илья был призван в армию, в 1939 году участвовал в войне с Финляндией. Он провел на передовой все три месяца войны – с 30 ноября 1939 до начала марта 1940 года – и сильно обморозился. Сестра Соня рассказывала, что после окончания этой войны дядя Илья со своими друзьями-однополчанами пришли домой с винтовками и вещевыми мешками, бросили все в прихожей и, расположившись в соседней комнате, о чем-то оживленно разговаривали. Соня вместе с двоюродным братом Юрой стали осматривать оружие, дергать за все, что можно. Когда дядя Илья услышал эти металлические звуки, он выскочил и прогнал их.

В июне 1941 года мы отдыхали с мамой в Тайцах, и весть о начале войны отец принес нам туда. Когда мы вернулись в город, там уже царил паника. Понимая, что немцы будут бомбить город, Ленгорисполкомом было принято решение эвакуировать в первую очередь детей. Считали, что война закончится к осени нашей победой, а немцы будут наступать со стороны Финляндии, поэтому детей

* По версии моего двоюродного брата И.Р.Миркина, наш дед длительное время служил солдатом в царской армии и после выхода в отставку смог поселиться в Петербурге.

* Е.В.Волков, Н.Д.Егоров, И.В.Купцов. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны. М., Русский путь, 2003. С.66.

надо вывезти в лагерь. 27 июня началась эвакуация детей из Ленинграда в юго-восточные районы Ленинградской области (в то время вплоть до 1944 года в нее входили Псковская и Новгородская области)*, то есть навстречу врагу. Эвакуация детей продолжалась до середины июля. Собрали по домам всех детей от детского сада до 15 лет и, часто не спрашивая даже согласия родителей, вывезли в пионерские лагеря или в детские сады. Всего было вывезено 212200 детей без родителей. Так моя сестра Соня и двоюродная сестра Дина оказались в Яжелбицах, в 20 километрах от Валдая. Там их поместили в школьном здании. Дине было уже 15 лет, и ее как старшую послали с каким-то поручением в город Валдай. Она взяла с собой Соню. Ехали на полугрузовой «эмке», в которой стекло, находящееся сзади кабины, было простреляно двумя очередями пуль крест накрест, видимо, с самолета. По дороге в Валдай девочки видели большое количество детей разных возрастов, которые стояли за оградой домов или забирались на них и смотрели на дорогу, ожидая своих родителей.

Однажды дети пошли гулять с воспитательницей в соседний лесок, и вдруг налетели немецкие самолеты и стали сбрасывать парашютистов. Дети бежали вслед за воспитательницей из леса в ужасе, а навстречу им в сторону выброшенного десанта – мужчины с оружием в руках. Возможно, это был так называемый истребительный батальон. Вернулись в школу испуганные, но живые. Через некоторое время приехали на грузовике некоторые родители, в том числе и наша мама, и она забрала Соню домой. Дину не смогли быстро найти, и она вернулась в Ленинград позже. До начала блокады только половина вывезенных детей смогла вернуться в Ленинград. Об остальных ничего не было известно.

Отец был мобилизован в отряд МПВО. Они приезжали на пожары, а когда перестал работать водопровод, им оставалось только разбирать завалы и вытаскивать пострадавших. Весной 1942 года отец пошел в военкомат и, чтобы не умереть от голода, как его родители в зиму с 1941 на 1942 год, попросился в армию. Как бывшего моряка его направили в Кронштадт в Отдельный морской зенитный дивизион, защищавший город и флот от немецких самолетов. Как и в мирное время, ему приходилось шить и ремонтировать одежду для военнослужащих. Особенно если учесть, что большинство бойцов батальона были женского пола, поэтому форма требовала большой переделки.

Иногда отцу удавалось вырваться в Ленинград. Однажды он обнаружил, что наша квартира из-за поврежденной канализационной системы стала непригодной для жилья. Ему выделили вместо пятикомнатной квартиры одну большую комнату в коммунальной квартире на той же 10 линии в доме №25, квартира 22. Туда отец перетащил сохранившиеся в приличном состоянии наши вещи. В этой комнате мы и прожили после возвращения из эвакуации 30 лет, с 1944 по 1974 годы.

После снятия блокады дивизион, в котором служил отец, был отправлен под Нарву. Когда ее освободили, отца, как и некоторых других моряков, списали в морской гвардейский экипаж по возрасту, а дивизион отправили на войну с Японией. В 1946 году отца демобилизовали, и он стал работать портным в ателье мод на 6 линии Васильевского острова.

Дядя Илья, находясь в народном ополчении, куда пошел добровольно, в сентябре 1941 пропал без вести. Поиски его следов не увенчались успехом. (Я написал в Архив Советской армии в Подольске, но оттуда ответили, что он в армии не числился.)

Дядя Рома в блокадном Ленинграде работал в похоронной команде, и смог похоронить своих родителей (моих дедушку и бабушку) в отдельных могилах. Они похоронены на Смоленском кладбище, только в разных местах: дедушка на Братском кладбище, а бабушка на Лютеранском. На Васильевском острове существует целый комплекс кладбищ, объединенных одним названием «Смоленское», куда входят собственно православное Смоленское, Братское и Лютеранское (немецкое) кладбище. В 1942 году дядю Рому мобилизовали в армию, и маршевую роту направили на самый передовой участок фронта – отвоеванный у немцев плацдарм на берегу Невы, названный «невским пятачком». Он беспрерывно обстреливался градом немецких снарядов. Когда от роты осталось три человека, дядю Рому вернули в Ленинград, где он был в хозобслуге и стриг новобранцев в санпропускнике. Имея номер воинской части сына, Роман Абрамович написал письмо Сталину с просьбой направить его воевать в ту же часть, где служит сын. К его удивлению, просьба была выполнена, и он попал в ту же часть. Вместе с сыном они дошли до Берлина и оба вернулись живыми.

В августе 1941 года мы, мама с тремя детьми, уехали в эвакуацию, успев проскочить Мгу, которая была захвачена немцами 30 августа. Эта дорога была последней, еще не перерезанной фашистами.

* М.Ершов. Свидетельствуют дети блокады. /Тайны XX века. Октябрь 2004, № 17. С.12.

От Мги направились на Вологду, чтобы проследовать в Челябинск, куда нам рекомендовал поехать отец. Но так как эвакуированных старались не отправлять в большие города, наш железнодорожный маршрут закончился на станции Котельнич, откуда нас на подводах привезли в Яранск.

Яранск находится в 140 километрах от Котельнича, и железной дороги туда нет. Город небольшой, основан в 1584 году как крепость против черемисов (так в древности назывались марийцы). По первой переписи, проведенной в 1646 году, в городе насчитывалось 23 двора, 71 человек.

Когда мы приехали в Яранск, нас определили на частную квартиру. Хозяйка великодушно разрешила нам сделать в своем огороде несколько борозд для посадки картошки, и Соня за ними старательно ухаживала. Но когда пришла пора снимать урожай, хозяйка выкопала всю картошку для себя. Сестра очень долго переживала эту несправедливость. Отношение местных жителей к эвакуированным было разное, некоторые прямо говорили, что если немцы придут, они всех «кувированных» сдадут.

В самые сильные морозы часть дома, где мы жили, дала трещину и обрушилась. Когда мама пришла с работы (она подрабатывала в швейной мастерской), мы сидели на кровати, посиневшие от холода. С тех пор у нас у всех обмороженные руки и ноги очень чувствительны к холоду. Сильнее всех отморозила ноги Соня, их с трудом спас от ампутации старичок-доктор, применяя отвар дубовой коры. Нас переселили в дом, принадлежавший городу.

Сестра ходила в школу, по пути заводя меня в детский сад. Я очень не любил туда ходить, был медлителен и, вероятно, не имел там друзей. Сестра тащила меня насильно, я орал и сопротивлялся.

Из эвакуационных лет в моей памяти ярче всех осталось одно воспоминание. Недалеко от детского сада находился Горсовет Яранска. Однажды он загорелся. Как оказалось, уборщица вынесла недогоревшие головешки на балкон учреждения и ушла. Сухое дерево вспыхнуло мгновенно, и дом спасти не удалось. Горсовет выселил детский сад и занял его помещение. Куда расселили детей, я не помню.

Еще мне хочется вспомнить хлеб тех лет. Несмотря на то, что мы жили в глубоком тылу, нам по карточкам выдавали такой хлеб, который есть было невозможно даже на голодный желудок. Мы с сестрами отрезали для себя корки, а маме доставался несъедобный мякиш. До сих пор в хлебе я больше всего люблю корки, и самым большим лакомством является порезанный репчатый лук в подсолнечном масле с солью.

Старшая сестра рассказывала мне, как радостно отмечали в Яранске день снятия блокады Ленинграда. Эвакуированные из других городов обнимали и целовали ленинградцев. Даже при своих скудных сбережениях устроили складчину и праздновали это событие.

После снятия блокады в 1944 году папа прислал нам из Ленинграда вызов, и мы поехали на станцию Котельнич на газогенераторной машине. Это была полторка с деревянной кабиной и кузовом, в передней части которого по бокам кабины стояли две металлические колонки. В одной колонке была печка, топившаяся дровами. При неполном сгорании дерева образуется угарный газ. Он поступает во вторую колонку, где идет его грубая очистка. Газ попадает в специальное устройство под кузовом, где идет более тонкая очистка. Затем он поступает на мотор и приводит его в движение. Мы всю дорогу подбрасывали в топку сухие чурочки, и машина двигалась. Устройство этой машины мне объяснил Рудольф Немелков, за что я ему благодарен.

На станции оказалось, что войти в вагон даже при наличии заранее купленных билетов было очень трудно. Здесь нам очень помог Любарский – наш сосед, с семьей которого мы близко познакомились в Яранске, и с дочерью которого Соня вместе училась в школе. Он был в форме с орденами, его пропустили, и он провел за собой свою семью, и вместе с ними зашли наша мама и Соня, а нас с Женей передали через окно. Любарский, комиссованный по ранению, ехал со своей семьей до Ленинграда и оказывал помощь и нам тоже.

В Ленинграде мы поселились в той комнате, которую получил отец в 1942 году. В коммунальной квартире было 8 комнат и от 17 до 25 жильцов в разные годы. Наша комната была самая большая – 41 метр, бывшая гостиная с высоченными потолками и большими окнами. В углу находилась белая изразцовая печь, в центре комнаты стоял большой дубовый стол на толстых гнутых резных ногах на колесиках, который мог раскладываться, и если вставить доски (они были очень широкие), стол занимал пространство от стены до стены. На стене висела картина неизвестного автора в красивой резной раме, изображающая ночной пейзаж: пруд с камышами и кувшинками, лодка, яркая луна и

лунная дорожка на воде (куда-то она потом пропала). Стоял платяной шкаф с большим зеркалом. Это зеркало до сих пор висит у нас в прихожей квартиры, в которую мы переехали в 1974 году. А большой стол мы оставили соседям, так как его было не вытащить из комнаты, да и в малогабаритную квартиру он бы не влез.

Печь была старинная, но очень теплая, на всю зиму хватало двух кубометров заготовленных дров. Купленные дрова мы с отцом пилили и кололи во дворе дома, и складывали в поленницу. У каждой семьи имелась своя поленница в углу двора.

В школу я пошел в 1945 году, потому что в те годы принимали строго с 7 лет и старше, а мне не хватало месяца, чтобы пойти в 1944 году. Средняя школа № 31 находилась на углу 10 линии и набережной Лейтенанта Шмидта (сейчас эта школа под другим номером). Из тех детей, которые пришли со мной в 1 «В» класс, до 10-го доучилось только 4-5 человек. Остальные либо переехали в другие районы, либо ушли из школы после 7-го класса. В то время школы были с отдельным обучением, и девочки появились в нашей школе только в 1954 году, а десятым классам, в одном из которых я в то время учился, дали доучиться без них.

Учился я средне, по-разному относясь к школьным предметам: больше всего любил историю и географию, не воспринимал точные науки. Думал, что пойду на истфак университета, но после того, как моя старшая сестра, отлично писавшая сочинения и участвовавшая даже в литературных конкурсах, провалилась на сочинении при сдаче вступительных экзаменов на истфак, я оставил эти мечты. Правда, в Библиотечный институт Соня поступила и окончила его с отличием, после чего работала в разных детских библиотеках города.

Когда я учился в 8 классе, началось так называемое «дело врачей». 13 января 1953 года в газете «Правда» было опубликовано небольшое сообщение о «сионистском заговоре» среди профессорско-врачей и об аресте 9 января «врачей-вредителей» кремлевской больницы. Об этом известном деле опубликовано много материалов, поэтому я остановлюсь на том, как это «дело» коснулось лично меня. Услышав передачи по радио или пересуды взрослых, ребята устроили в школе погром, избивая своих же соучеников-евреев. Меня как самого малорослого не били, но трое ребят из старшего класса притащили смотреть на это безумие, приговаривая: «В следующий раз будем бить тебя». Это уже потом учителя бросились растаскивать эти клубки ненависти, в центре которых находились незащитные еврейские мальчишки. Испытанный мною ужас остался на всю жизнь. Окончив школу, я больше никогда не приходил в нее – мне просто не хотелось ни с кем встречаться.

В том же 1953 году я стоял 9 марта вместе с мамой на Большом проспекте Васильевского острова и слушал по громкоговорителю передачу о похоронах И.В. Сталина. Звучала траурная музыка, и Маленков, Молотов и Берия произносили прощальные речи. И каждый раз, когда Берия повторял, как заклинание, слова: «Уходя от нас, товарищ Сталин завещал...», мне становилось все тревожнее и тревожнее. Но после смерти Сталина произошло невероятное: врачей, которых хотели повесить на Красной площади, освободили из заключения и даже извинились перед ними. Многие из них вернулись на старые места работы.

ГЛАВА II. УЧЕБА. РАБОТА

В 1955 году я окончил школу и решил вместе с двоюродным братом Аркадием Лаговиером поступать в Технологический институт им. Ленсовета. Аркадий провалился на экзамене по химии, а мне не хватило баллов. В ноябре того же года я поступил в техническое училище № 3 при заводе им. Калинина учиться на токаря-универсала. После училища стал работать на заводе Калинина.

В армию меня не призвали по причине близорукости, выдав так называемый «белый билет», хотя я закончил школу радистов при военкомате.

В 1956 году коммунистов и комсомольцев собрали в «красный уголок», где мы по очереди читали «Закрытое письмо к XX съезду» Н.С. Хрущева. На меня это письмо о культе личности Сталина произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Но жизнь продолжалась, и я решил, что пора получать высшее образование. В 1959 году поступил в Ленинградский Химико-фармацевтический институт. Мне помогло при поступлении то, что у меня уже было почти 3 года трудового стажа. После окончания второго курса института мне предложили путевку в Лемболово, где находилась база отдыха и подсобное хозяйство нашего института. После возвращения с базы я поехал в экспедицию

по сбору лекарственного сырья Вологодской области. Этот сбор лекарственных растений был необходим руководителю нашей экспедиции для защиты кандидатской диссертации. Впервые я летел на самолете от станции Шарья до Никольска. Это был АН-2 («Аннушка»). Перед посадкой нас «обрадовали», что предыдущий самолет разбился, и все погибли из-за того, что летчик взял 5 лишних пассажиров. В салоне самолета были люди с мешками, коробками и даже с козой. Самолет бросало в воздушные ямы, ощущения у пассажиров были ужасными, многих тошнило. Хотя полет продолжался только 30 минут, когда самолет приземлился, я не смог устоять на ногах и сел на землю. Все вокруг кружилось и ходило ходуном. Так продолжалось около получаса, и все сотрудники экспедиции стояли вокруг меня и ждали, когда я смогу встать на ноги.

Дороги Вологодской области очень плохие, подпочвенные воды подходят близко к поверхности и размывают их, застрявшие машины тащат тракторами (эти места на дороге называются «волоки»). Поэтому местные жители вынуждены пользоваться самолетом.

С аэродрома мы поехали в Никольск – небольшой городок на реке Юг. Там встретились с предыдущей группой из нашего института, которая прибыла из Великого Устюга. Они возвращались в Ленинград. Перед отправлением в аэропорт они поделились с нами своими впечатлениями от поездки. Особенно я позавидовал им, когда они стали рассказывать о Великом Устюге и огромном количестве храмов и церквей в нем.

Не успел я отдохнуть от нашего тяжелого перелета, как мне предложили проплыть по реке Юг на самодельном плоту, сбитом из 3-х шпал. Река была неширокая, но с довольно быстрым течением. Согласилось 5 человек – 2 парня и 3 девушки. У одного в руках был шест. Проплыли с километр, затем ухватились руками за ветки прибрежных кустов. На берег успело выскочить три человека – парень с шестом и 2 девушки, а я и еще одна девушка замешкались, и плот поплыл дальше. На одном из поворотов реки плот подошел ближе к берегу, мы уцепились за кусты и смогли подтянуть плот. Обратились по берегу реки, пробираясь через бурелом.

Из Никольска мы через сутки поехали на машине в город Тотму на реке Сухона. Там нашу машину загнали на баржу, и буксир потащил баржу в Вологду. По дороге баржа несколько раз причаливала к берегу, и мы купались в реке или пытались ловить рыбу, двигаясь с сетью по холодной воде. Но ничего не поймали. Одна сотрудница нашей экспедиции, которая впервые держала удочку в руках, вытащила большого язя. Была сварена уха из язя и прочей мелочи, пойманной другими «рыбаками», но есть я ее не смог, так как сильно наперчил по примеру других. На соседней барже мужики закинули сетку, похожую на большой сачок, и с помощью лебедки вытянули ее полную рыбы. Возможно, они заранее прикормили рыбу около своей баржи.

Так мы доплыли до Вологды. К сожалению, город осмотреть не удалось, так как с утра выехали в сторону Грязовца, где должны были собирать лекарственные растения. Мне было дано задание собрать листья ландыша в различных местах обитания, засушить, точно указав место сбора. Кроме этого, сделать около 30 гербариев хвоща топяного. Около Грязовца я нашел только листья ландыша, хвоща топяного здесь не было. Следующим местом сбора трав был Кириллов на Сиверском озере. В городе к моему большому удовольствию я смог посмотреть Кирилло-Белозерский монастырь. Даже в полуразрушенном состоянии он производил грандиозное впечатление.

Хвощ топяной мне удалось найти в лесничестве недалеко от Устюжны на реке Мологе. При этом пришлось пройти около 10 километров, и уже повернув назад к реке, я наткнулся на нужные растения. По дороге я собирал листья ландыша, произрастающего в различных условиях. За 5 дней, проведенных в лесничестве, мы досыта наелись грибов, которых там росло большое количество. В основном это были моховики, практически все чистые.

В Ленинград возвратились перед самым началом занятий. Это путешествие мне так понравилось, что с этого времени я каждое лето после окончания занятий в отпуск ездил в туристические путешествия в места, где наличествовал какой-нибудь водоем. Таким образом, я объездил почти всю европейскую часть страны: был в Прибалтике, Белоруссии, Украине, Молдавии, Грузии и центральной России.

С третьего курса стал заниматься в студенческом научном обществе (СНО) на кафедре фармацевтической химии. В связи с тем, что много времени отнимала научная работа, возможности ездить в экспедиции у меня уже не было. По вечерам я занимался наработкой веществ, которые затем испытывались на кафедре фармакологии Военно-медицинской академии.

По окончании института тем, кто занимался в СНО, разрешено было не сдавать выпускные экзамены, а защищать диплом, предварительно пройдя собеседование по текущим мировым

событиям. Мне достался вопрос о положении в Китае. Получив зачет, был допущен к защите диплома. Руководителем дипломной работы был очень эрудированный научный сотрудник В.А. Сергеев, имевший много научных статей. В некоторых статьях фигурировала и моя фамилия. Моя дипломная работа была самой короткой в истории вуза – 13 листов, написанных от руки, включая титульный лист, и 2 из них – с перечнем справочной литературы и списком полученных мною препаратов. К работе было приложено заключение, подписанное начальником кафедры фармакологии Военно-медицинской академии имени Кирова профессором Арбузовым, о проведении испытаний полученных мною 13 препаратов, ранее не описанных в научной литературе. Судя по заключению, два из них имели действие, подобное стимуляторам центральной нервной системы, но без противопоказаний в отличие от уже существующих. Диплом я защитил на «отлично», но на кафедре для научной работы меня не оставили. Как я потом узнал от заведующего кафедрой фармацевтической химии А.М. Халецкого, по национальному признаку. Ректор института Егоров откровенно заявил Халецкому: «Вас и так слишком много работает в институте». Начальник отдела кадров аптечного управления Кондакова, несмотря на просьбу заведующей аптекой на Детской улице, где я проходил практику, направить меня к ней, отказала и направила работать химиком-аналитиком в аптеку города Зеленогорска с заработной платой в 65 рублей. Это была средняя зарплата бюджетника. В конце 1964 года вышло Постановление правительства об увеличении зарплаты специалистам с высшим образованием до 80 рублей.

Управляющей аптекой в Зеленогорске работала моя бывшая преподавательница Т.И. Янова, поэтому я не стал возражать против направления туда. Я знал ее как милую интеллигентную женщину. Приехав в Зеленогорск представиться управляющей аптекой, я договорился, что приду на работу с 1 июля (защита диплома у меня была 10 июня 1964 года) и буду работать по 12 часов в день три раза в неделю, чтобы иметь возможность продолжать заниматься научной работой на кафедре в институте. Тамара Ивановна не возражала. Так как через 11 месяцев у меня должен быть первый отпуск, я заранее купил путевку в турпоход на лодках по Оке от Алексина Бора до Калуги. Сначала все было хорошо, но с течением времени обстановка в аптеке стала накаляться, Янова не вынесла испытания властью и стала невозможным в общении с людьми человеком. Когда наступило время ехать в отпуск, она заявила, что меня не отпустит, поскольку Зеленогорск – курортный город, и мое присутствие необходимо, она имеет право раньше октября меня не отпускать. На мой вопрос, как мне быть с путевкой, она ответила: «Это ваша проблема. Найдите себе замену». Тогда я сказал, что искать замену – это ее проблема, и уехал, не взяв даже отпускных. После возвращения из отпуска Янова заявила, что я должен работать в аптеке каждый день. Так как при таком режиме работы я должен был прекратить занятия научной работой, то написал заявление об увольнении. Несмотря на то, что я не отработал положенных трех лет после окончания института, меня уволили по собственному желанию, и я ушел в никуда.

Работая в аптеке, я параллельно продолжал трудиться на своей кафедре. Результатом этой работы были публикации в научных журналах трех моих статей. В сентябре 1965 года меня взяли на ставку старшего лаборанта в НИЛ-1 (Научно-исследовательскую лабораторию №1) Военно-медицинской академии. Но работать со своими препаратами дальше я не мог, так как они были уже засекречены. На основании одного из полученных мною препаратов один из сотрудников ВМА (А.М. Апреленко) защитил диссертацию.

НИЛ-1 к моменту моего поступления туда переехала с улицы Лебедева на Лесопарковую в районе Ржевки. Так как добираться туда было далеко, многие сотрудники перешли на другую работу поближе к Академии, и места освободились, поэтому меня и взяли. Я стал заниматься синтезом необходимых препаратов и анализом уже полученных веществ. Не все было гладко и не все сразу получалось, но я старался хорошо выполнять поручаемую мне работу.

Отношение руководства ко мне стало меняться с 1970 года. 15 июня этого года в газете «Вечерний Ленинград» была напечатана маленькая заметка о попытке угона самолета в аэропорту «Смольное» (ныне «Ржевка»). Угонщиков арестовали. По делу проходил один из моих сослуживцев по НИЛ-1 В.И. Штильбанс. Я только что вернулся из Дагомыса – проводил там отпуск, и меня вызвали в особый отдел учреждения и попросили поехать в Большой дом на Литейный пр., 4 для дачи показаний по делу об угоне самолета, потому что я по работе знал Штильбанса. В КГБ меня встретил капитан Попов и провел в свой кабинет. Беседовали мы в общей сложности около двух часов, но, к его сожалению, я не смог дать нужных для капитана ответов на вопросы, так как ничего не знал о «самолетном» деле. Среди множества заданных мне вопросов были и такие: желал бы я выехать за

рубеж, знаю ли я иврит, какое у меня отношение к сионизму. На все вопросы я отвечал «нет», «не желаю», «не знаю». Подписав пустой, по сути, протокол, я ушел. На работе меня попросили выступить на собрании сотрудников лаборатории и заклеить Штильбанса позором. На мой вопрос, в чем он конкретно виновен, мне отвечали, что это тайна следствия. Тогда я отказался «клеить позором» Штильбанса, так как виновным может признать человека только суд. (Так и получилось: после года предварительного следствия его освободили прямо в зале суда, а впоследствии он уехал с семьей в США). Словом, на проведенном в моем учреждении общем собрании было сказано, что я отказался помогать органам. Некоторые сотрудники выступали довольно резко в отношении не только Штильбанса, но и евреев вообще, а некоторые произносили покаянные речи. Часть присутствующих сотрудников рукоплескала выступавшим с антисемитскими речами. Мне было стыдно за этот спектакль.

История повторилась в отношении научного сотрудника отдела И.Л. Слосмана, который учил иврит в ульпане в еврейском обществе и, как пытались доказать, должен был знать о готовящемся угоне самолета. За недонесение о готовящемся преступлении он был уволен с работы, а у нас в отделе опять по этому поводу было собрание, и опять требовали моего критического выступления. Я отказался выступать, потому что не видел криминала в изучении своего родного языка и не имел понятия, причастен ли он к угону самолета. Отказ обвинить Слосмана вновь был поставлен мне в минус.

Третьим отрицательным моментом, окончательно испортившим мои взаимоотношения с руководством, было дело старшего научного сотрудника, кандидата химических наук И.М. Лернера. По существу большая часть научной работы в отделе была связана с ним, большинство рацпредложений и научных заявок исходило от него. От своих сотрудников он строго требовал знания химии и исполнения служебной дисциплины. Исаак Моисеевич открыл химический состав вещества, которое обладало противорвотным действием. Открытие шло на присуждение Государственной премии, оставалось только наработать это вещество в количественном плане на одном из предприятий, с которым Лернер уже договорился. Но вмешался начальник отдела А.В. Гальцов, захотевший стать соавтором чужого открытия. Лернер отказался признать его соавторство, и тогда начальник сделал все, чтобы уволить ученого с работы «за неумение работать с кадрами». На профсоюзном собрании, где обсуждался вопрос об увольнении Лернера, я отказался голосовать за его увольнение. После собрания меня вызвал к себе начальник и потребовал объяснения. Я ему объяснил, что голосовал против увольнения потому, что считал необходимым оставить ученого в отделе как хорошего химика и самого активного изобретателя, проработавшего в отделе более 30 лет. Но начальник посчитал, что я голосовал против увольнения Лернера потому, что он тоже еврей. Впоследствии одна из сотрудниц Лернера за его работу получила орден.

В связи с тем, что я не служил в армии, после окончания института в 1964 году меня вызвали в военкомат и отправили на медкомиссию. Отобрав свидетельство об освобождении от воинской повинности («белый билет»), направили на медицинскую комиссию, которая признала годным к воинской службе в военное время с выдачей военного билета рядового состава. Но через некоторое время, узнав, что я работаю в аптеке, в приказном порядке предложили пройти медицинскую комиссию вновь с присвоением офицерского звания младший лейтенант, что давало им возможность призывать меня на сборы и в мирное время.

В феврале – марте 1970 года в Белоруссии проходили маневры «Двина». Я был призван на сборы и направлен в медсанбат дивизии начальником аптеки. С руководством медсанбата дивизии отношения у меня складывались не просто. Когда нас привезли в военный городок, и я еще не знал, кто будет командиром медсанбата, ко мне подошел начальник лазарета военного городка старший лейтенант Офштейн и сказал, что поскольку я работаю в Военно-медицинской академии, не смогу ли я посодействовать ему в поступлении в нашу Научно-исследовательскую лабораторию №1. Он стал уверять меня, что занимается научной работой, и нес всякую чушь о своих исследованиях на больных. Я не удержался от саркастического замечания и сказал, что у нас своих дураков хватает. Он, конечно, обиделся. Потом оказалось, что его назначили командиром медсанбата. Именно этим я объясняю обостренные отношения с комбатом и с моим непосредственным начальником Голубовым, который был начальником отделения медицинского снабжения медсанбата дивизии. Они подчеркнута относились ко мне как к нерадивому подчиненному, давали задания, не входящие в сферу моих обязанностей. Любые мои инициативы и предложения принимались в штыки. Являясь человеком сугубо гражданским, я привык относиться уважительно к окружающим и обдумывать свои действия,

а не бездумно отвечать «Есть!» на любой глупый приказ. Я пытался оспорить явно бессмысленные приказания начальника. Поскольку я впервые попал в армию, к тому же в условиях, приближенных к военным действиям, то считал необходимым хорошо подготовиться к выезду на маневры. Для этого я опросил опытных врачей медсанбата, какие препараты и лекарства могут потребоваться в полевых условиях. Составил список и пришел с ним к своему непосредственному начальнику капитану Голубову. Даже не посмотрев бумагу, он отбросил ее и сказал, что сам знает, с чем надо ехать. В общем, мы выехали на маневры в основном с пустыми коробочками, на которых были написаны только названия лекарств. И лишь в двух-трех ящиках были лекарства, предназначенные в основном для начальства.

Еще одним примером резкого неприятия моего предложения является отказ не брать неработающий термостат и прицеп от нашей машины, загруженный тяжелыми ящиками с медицинскими инструментами. Уговорить Голубова стоило больших нервов и труда. Согласившись в конце концов, он велел мне ночью раздать по подразделениям все наборы инструментов, находившихся в прицепе. На мое предложение сделать это днем и взять расписки от тех офицеров, кому я их передам, Голубов в грубой форме приказал выполнять его распоряжение. Потом мне после маневров не удалось собрать все в целостности и сохранности, так как никто ни за что не отвечал, а письменного приказа раздать инструменты я не взял. В итоге я оказался виновным в утрате инструментов, хотя, как я потом узнал, все они были списаны заранее.

Мне хочется рассказать об одном эпизоде, происшедшем во время маневров. Глубокой ночью командир батальона собрал всех офицеров и зачитал приказ командира дивизии о том, что нашему медсанбату предписано срочно выступить по указанному маршруту в определенный населенный пункт, развернуть полевой госпиталь для приема условно раненых. Были указаны определенные населенные пункты, через которые мы должны проехать. Некоторые офицеры записали названия этих деревень, другие понадеялись на командира. Выступила колонна из 42 машин, не приспособленных к езде по пересеченной местности. Дорога была разбита прошедшими накануне танками и ракетными установками. Как всегда, этот переход не был подготовлен: бензина было не больше полубака, никакой еды никому не выдали, не выпавшиеся и голодные шоферы засыпали на ходу. Одна из машин заехала в глубокую яму, а в нее на скорости ударились следующая. За ними шла наша машина, но шофер успел вовремя затормозить наверху. Колонна остановилась. Оказалось, что в ней только 20 машин. К нам подошел лейтенант из головной машины. Он доложил капитану Голубову, что ГТС (машина на гусеничном ходу для вывоза раненых с поля боя), на которой ехал командир батальона, не дошла до этого пункта назначения, а где-то свернула. Теперь капитан, как единственный кадровый офицер, должен взять руководство на себя. Голубов спросил у лейтенанта, знает ли он маршрут движения. Тот ответил утвердительно, и капитан велел ему вести колонну из оставшихся машин.

Как нам стало известно позже, комбат и ехавшие за ним несколько машин свернули не на ту дорогу и попали в плен к условному противнику, где и находились до конца маневров. Потерялись по дороге и приставленные к батальону кадровые офицеры. У некоторых машин произошли поломки, и они остались в лесу на несколько суток до прихода аварийной службы. Солдаты ходили по деревьям и просили еду.

Рано утром мы остановились на краю леса без бензина и еды. Голубов вышел из машины. Случайно мимо проезжал на газике знакомый ему офицер, от которого мы узнали, что находимся рядом с пунктом назначения. Вскоре подошла цистерна с бензином, и мы въехали в село, но ни о какой разбивке лазарета речи уже не шло – маневры заканчивались, и никаких условно раненых поступить не могло. Наш медсанбат во время этих маневров оказался недееспособным. Во время проведения в Минске парада в честь окончания маневров мы, изгнанные за неумелые действия нашего подразделения, уже находились около Ленинграда и слушали передачу о параде по приемнику.

В военкомате мне сказали, что я за время сборов получил плохую характеристику в личное дело за пререкания с начальством, за невыполнение некоторых приказов и за то, что не смог собрать розданных ночью без расписок по указанию Голубова медицинских инструментов.

В 1973 году меня вновь уже на полгода призывали на военные сборы, и военкомат направил меня на уборку урожая в Пензенскую область начальником аптеки автобатальона. Наш автобатальон имел численный состав 1000 человек и был приравнен к полку. В области было несколько таких батальонов. В основном это были шоферы, слесари-ремонтники и механики. Шоферы возили с полей свеклу, зерно и семена подсолнуха, а ремонтники и механики ремонтировали технику. Из медиков

батальон обслуживали: врач, начальник аптеки, дезинфектор и по фельдшеру и санинструктору на каждую роту.

Однажды меня вызвал командир батальона и сказал, что произошло ЧП: один из солдат вместе с местным комбайнером украл бункер зерна (220 кг) и продал жителю деревни за водку. Протрезвев, солдат пришел с повинной к командиру взвода, и зерно вернули. Но военной прокуратурой уже было заведено дело о хищении. Командир батальона назначил меня от офицеров народным заседателем трибунала. Отговориться, ссылаясь на то, что ничего не понимаю в юриспруденции, не удалось. Так я впервые столкнулся с органами правосудия в качестве одного из участников процесса. В совещательной комнате я спросил у судьи, какой срок грозит нарушителю. Оказалось, 6 лет ИТЛ. С учетом всех обстоятельств дела и того, что зерно было возвращено, мы со вторым народным заседателем от солдат потребовали условного осуждения. В итоге нашего нажима солдат получил 3,5 года условно. На самом деле его принудительно направили на работу в места, указанные МВД («на химию»). Я почувствовал себя обманутым, так как предполагал, что он будет работать по месту жительства, ведь у него дома жена и двое детей. Комбайнеру дали 2,5 года «химии», а местный житель не был наказан в связи с пожилым возрастом (1905 года рождения).

Когда я вернулся со сборов, начальником химического отдела был уже А.В. Гальцов. Первая наша встреча была многообещающей: Александр Васильевич сказал, что со сборов пришла благодарность за хорошую организацию работы в медчасти батальона, и мне выделена премия. Через некоторое время Гальцов предложил мне написать заявление, что я хочу стать ударником коммунистического труда. Я отказывался, но он настоял на своем, говоря о том, что ему моя работа нравится. (Кстати, потом, во время суда надо мной в 1981 году, он дал мне плохую характеристику. Я отказался признать ее, вспомнив его положительный отзыв о моей работе, агитацию стать ударником коммунистического труда, его рекомендацию выбрать меня культторгом отдела, доверие мне некоторых хозяйственных функций, требующих исключительной честности: выдача спирта, ядов, драгоценных металлов).

Отношение ко мне Гальцова стало меняться после моего отказа поддержать увольнение Лернера. Уже через некоторое время он предложил мне перейти лаборантом на очистные сооружения. Я пошел на прием к генералу Г.М. Стробыкину, который меня защитил, и я продолжал работать на старом месте. Но в августе 1980 года Стробыкин скоропостижно скончался, и гонения начались с новой силой.

Работа в НИЛ-1 (лаборатория переименовывалась за время моей работы трижды) вспоминается мне не только неприязненным отношением ко мне начальника отдела. Меня окружали хорошие, порядочные люди, со многими из которых я продолжаю поддерживать дружеские отношения до сих пор. Почти все годы работы в отделе я избирался культторгом, и в мои обязанности входило сочинение поздравительных адресов, праздничных спичей, организация вечеров, походов в музеи. Именно с подачи начальника группы А.И. Берлина я впервые попробовал писать стихи. Первыми стихами были поздравления сотрудников с днем рождения и женщин с 8 Марта.

В химическом отделе воинской части, в которую была преобразована НИЛ-1, было много хороших, отзывчивых товарищей, которым я благодарен за то, что они даже в трудную минуту (я имею в виду арест и последующие этапы моей жизни) оказали мне поддержку. Но были и такие, которые только притворялись друзьями, а на деле ради личной выгоды готовы были предать человека. В одном из отделов нашей воинской части работал младшим научным сотрудником В.Э. Фельд. У нас сложились довольно тесные дружеские взаимоотношения. Иногда мы ездили за город на его машине. Однажды он сделал мне любезность: отвез меня и И.К. Гибшман в Алеховщину, где был похоронен ее отец – известный артист К.Э. Гибшман, умерший там в госпитале, в котором лечился после ранения во время войны. Я был очень благодарен Владимиру. Так Фельд познакомился с моей приятельницей Ией Константиновной, которой впоследствии пришлось быть свидетельницей на моем процессе. Фельд слышал мои стихи, которые я читал у нее дома в его присутствии. Потом я давал ему стихи почитать дома.

После смерти Стробыкина несколько месяцев Фельд не подходил ко мне, и я ему не навязывался. 5 апреля 1981 года он подошел и спросил, написал ли я какие-нибудь новые стихи. Я назвал посвященные дню рождения мамы и женщинам в честь 8 Марта. Но его интересовали только стихи на политические темы. Я ему ответил, что не писал и собираюсь уничтожить все крамольные стихи, так как у меня появилось чувство, что надо мной сгущаются тучи. Он как-то даже испугался и попросил дать ему еще раз прочитать что-нибудь, а затем вместе это уничтожим. Не знаю почему, но я дал ему напечатанные на машинке стихотворения и попросил привезти их ко мне домой. Он дал

«честное слово». Но 13 апреля Фельд привез мои папки со стихами и вырезками на работу. Я спросил, за что он решил меня посадить? Он ответил что-то невразумительное о том, что стихи дома могла обнаружить жена. (Хотя ранее он спокойно брал их домой). Через полчаса после его ухода ко мне в комнату вошли работники секретного отдела воинской части Сычев и Жупанова. Они обыскали ящики моего стола, изъяли записи по политинформациям, велели открыть портфель и достали все папки, в том числе со стихами, отданными мне Фельдом. На вопрос, что это такое, я честно сказал: «Это мои стихи». Последовал ответ: «Это мы и ищем». Тут же при мне они составили протокол изъятия, переписали начало и конец каждого стихотворения и дали мне подписать протокол.

После этого меня привели в кабинет к особисту, который позвонил в КГБ. Вдруг приехала целая бригада во главе с начальником оперативного отдела КГБ: полковник, подполковник, два майора и один капитан. Начальник оперативного отдела КГБ кричал на меня, как я посмел плохо отзываться о Л.И. Брежнев. Затем они по очереди беседовали со всеми моими сослуживцами. В основном, их интересовал вопрос, кому я давал свои стихи и не отправлял ли их за границу. В заключение беседы, когда все вышли, полковник сказал, что я «все написал правильно, но он [имея в виду Брежнев] наверху, а ты внизу. Придется сидеть». В течение трех недель после этого ко мне на работу приходил дознаватель и допрашивал меня. Закончилось все это моей отправкой в КГБ.

Глава III. АРЕСТ. ОБИТАТЕЛИ СИЗО КГБ

После трехнедельных собеседований с дознавателем в особом отделе воинской части и допросов моих знакомых и сослуживцев, меня 6 мая 1981 года вызвал особист и сказал, что его начальство хочет со мной поговорить. Меня посадили в черную «Волгу», в которую сел капитан, начальник особого отдела, держа на коленях мою пишущую машинку «Москва» (я ее больше никогда не видел), и мы поехали через весь город на Литейный, 4. Оставив меня у проходной под охраной солдата, капитан пошел с докладом к начальству. Через минут 10 меня пригласили в комнату, где находились два подполковника. Один из них был мой будущий следователь Савельев, второй – будущий прокурор Серяков, старший помощник военного прокурора Ленинградского военного округа. Перекрестный допрос был достаточно продолжительным и включал такие вопросы: что я окончил, на какую тему был диплом, кто рекомендовал меня в академию после окончания института, какой начальник меня туда принимал на работу. Был вопрос и о моем отношении к интернациональной помощи республике Афганистан. Я ответил, что отношусь резко отрицательно, так как речь здесь идет не об интернациональной помощи, а о настоящей войне с народом этой страны. Когда прокурор Серяков возразил мне, продолжая настаивать, что это была интернациональная помощь, я спросил, продолжал бы он утверждать это, если бы в Афганистане убили его сына? Серяков заскрипел зубами и велел ознакомиться с ордером на арест. После тщательного обыска у меня забрали личные вещи и все документы, в том числе удостоверение ударника коммунистического труда и записную книжку с адресами и телефонами (через 20 лет мне удалось ее вернуть), и отправили в камеру. Сопровождающие охранники провели меня через столько переходов, подъемов и спусков по лестницам, что я даже не понял, в каком здании, и на каком этаже была камера № 199. Это была первая моя камера. Когда за мной захлопнулась дверь, я почувствовал себя в каменном мешке, отрезанным от всего мира. Окно было расположено выше моего роста, забрано решеткой и «намордником»*. В камере, рассчитанной на одного человека, находилось две уже занятых койки (третью принесли для меня позже), большой чугунный унитаз, раковина, тумбочки и табуретки. Заключенные играли в домино. При нашем появлении они встали.

Далее я описываю людей, с которыми меня свела судьба в следственном изоляторе (СИЗО) КГБ. В нем сидели в основном те люди, чьи действия, как считали власти, были направлены на подрыв безопасности государства (диссиденты, валютчики, взяточники, лица, совершившие попытку перехода границы и другие преступления).

Выводили нас из камеры только на допросы или на часовую прогулку. Между допросами мы читали книги, которые приносил библиотекарь. Среди них попадались книги с экслибрисами людей,

* «Намордником» называются жалюзи, которые одеваются на решетку окна в камере, чтобы заключенные не могли увидеть людей, находящихся во дворе тюрьмы или на воле, а только кусочек неба.

которых уже не было в живых. Эскилибрысы были зачеркнуты и поставлена печать внутренней тюрьмы КГБ. А также мы играли в настольные игры, писали письма. Жизнь шла своим чередом.

Сотрудники Большого дома – следователи, надзиратели и другие лица – приходили сюда каждый день на свою работу: подглядывать, подслушивать разговоры заключенных, допрашивать, стараясь поймать человека на любых неточностях, чтобы составить выгодный для следствия протокол, а то и сидеть в камере под видом заключенного. Надзиратели сопровождали нас в душ раз в неделю, в камеру для бритья два раза в неделю, на прогулку и на допросы, а также охраняли хозобслужбу при раздаче пищи и библиотекаря при выдаче книг.

Итак, рассказ об обитателях СИЗО.

Одним из моих сокамерников был мужчина средних лет, невысокого роста и с большим животом. Это был капитан дальнего плавания **Ершов**. Он сидел за взятки, которые дал начальнику отдела кадров Северо-Западного речного пароходства для того, чтобы получить двухкомнатную квартиру, а также назначение на более новый грузовой корабль. Ершов хотел вновь жениться, а их общую квартиру оставил бывшей жене при разводе и жил на даче. Он не знал, что начальник отдела кадров заносил в записную книжку всех людей, от которых получал взятки (от них он набрал 200 тысяч рублей – по тем временам деньги очень большие). На очной ставке с Ершовым начальник отдела кадров заявил, что записывал взяткодателей, чтобы вывести их на чистую воду. По рассказу Ершова, 70 капитанов пароходства успели после ареста начальника ОК придти в отведенный законом трехдневный срок в органы с повинной и сообщить о вымогательстве у них взяток. Этих капитанов не судили, но исключили из партии и отправили работать на берегу. На их место набрали капитанов с Енисея, Оби и Лены. Ершов же, считавший начальника отдела кадров своим приятелем, с которым вместе отдыхали на даче, ели шашлыки и выпивали, счел подлостью доносить на него, и оказался единственным, кто «не раскололся» на допросах. Капитана арестовали в Одессе, куда прибыло в тот момент его грузовое судно, и этапировали в Ленинград самолетом. КГБ вплотную занялся Ершовым, когда он отказался сотрудничать с органами: были подняты все его большие и малые проступки за годы работы на гражданском флоте, несмотря на 30 лет партийного стажа и награды. При обысках в квартире, на даче и в гараже изъяли пустую канистру, бочку с машинным маслом и взятые когда-то на складе калькуляторы; припомнили и обмененный старый полушубок на новый, и данную им взятку в сумме 2 тысячи 500 рублей. Учли, конечно, и то, что он привозил начальнику отдела кадров из-за границы по его просьбе различные вещи, аппаратуру и даже газовый пистолет.

Несмотря на довольно большую упитанность, Ершов был очень подвижным и экспансивным человеком. Разволновавшись от предъявленных ему обвинений, он бегал по камере и, заламывая руки, восклицал: «Обложили! Окружили!» Это было настолько комично, что я, несмотря на драматичность момента, не выдержал и спросил: «Теплом и заботой?».

Ершов был человеком общительным, контактным и совершенно неконфликтным. Но... Самым ярким воспоминанием о нем остался у меня в памяти его могучий и все сотрясающий храп. Засыпал он почти мгновенно, иногда прямо посередине общего разговора. Если не удавалось заснуть раньше него, то вся ночь проходила без сна. К тому же мешал отойти ко сну постоянно горевший в камере свет.

Впоследствии я узнал, что начальнику отдела кадров Северо-Западного речного пароходства дали 12 лет, а Ершову – 8 лет лагерей.

Вторым сокамерником был инженер N, фамилии которого я не помню (до ареста он жил в Ленинграде в одном из домов около Академии художеств), сотрудник какого-то закрытого учреждения, которое в своей работе использовало западногерманскую пленку. Использованные бобины с записанными на них секретными данными по военной тематике должны были сдаваться для уничтожения в секретный отдел. Начальник отдела доверилась на слово сотрудникам, что бобины ими уничтожены. Инженеры, в том числе и N, бобины не разрубали, а продавали для записи на них музыки. Продано или обменено на книги было около 200 бобин. Было возбуждено групповое уголовное дело по обвинению в разглашении военной тайны без признаков измены Родине (статья 75 УК РСФСР), по которому прошло три начальника участков и женщина – начальник секретного отдела, получившая за свою халатность самый большой срок. Махинации с пленкой получили огласку по чистой случайности. Один из клиентов N, работавший директором книжного магазина в Вильнюсе и достававший ему за пленку технические книги по его работе, решил перебраться за

границу, что в те времена, мягко говоря, не поощрялось. К нему нагрянули с обыском. Сотрудники органов обнаружили пленки с музыкальными записями, а на обратной стороне были совершенно другие записи. Экспертиза установила, откуда эти пленки. И хотя без знания кода прочесть секретные записи было невозможно, уголовное дело возбудили.

Арестованного директора Вильнюсского книжного магазина заставили позвонить в Ленинград инженеру N и попросить привезти еще несколько бобин пленки. Инженер отказывался от поездки, ссылаясь на занятость, но директор настаивал. Приехав в Вильнюс и не найдя на вокзале заказчика, который по предварительной договоренности должен был его встречать, N поехал к нему домой, где его уже ждали сотрудники КГБ.

Для того чтобы N получил минимальный срок, ему предложили написать список всех лиц, кому он продал или передал пленки. При мне в камере он занимался составлением этого списка. Вспомнил только 60 человек. Это были люди разных профессий.

Через три месяца меня перевели в другую камеру, и дальнейшей судьбы инженера N я не знаю. Возможно, суд учел, что у него была язвенная болезнь желудка, которая сопровождалась частыми приступами, во время которых он кричал от боли и корчился на полу. Обычно это происходило почему-то в выходные дни, и когда мы стучали в дверь и просили охрану позвать врача, нам отвечали, что его нет и ничем помочь не могут. Вероятно, пытаясь заглушить боль, инженер очень много курил, при чем махорку. Дым висел в камере, как густой туман. Каково было мне, некурящему?

Из наших разговоров мне хорошо запомнился его рассказ о родном дяде, который был капитаном первого ранга, служил в Таллинне. В 1941 году корабли Балтийского флота уходили в Кронштадт, а малокаботажный флот взрывали и топили в бухте, чтобы он не достался врагу. Моряков, которые служили на уничтожаемых судах, оказалось несколько тысяч, и забрать их с собой не представлялось возможным. Было решено создать из них заградительный отряд и использовать как морскую пехоту для задержки немецких войск на подступах к Таллинну. И тут выяснилось, что обмундирование и оружие уже вывезены из города или уничтожены. Отдав остающимся устный приказ следовать на военные склады, находящиеся в 50 километрах вглубь страны, руководство флота отбыло на последних кораблях в Кронштадт. Эти небооруженные и не обученные вести бой матросы, по существу гражданские люди, двинулись к складам, на подходе к которым были встречены шквальным огнем врага. Живыми из этой бойни удалось выйти немногим более двухсот моряков. Капитан первого ранга, оставленный командовать моряками, оказался «крайним», на него свалили всю вину за гибель такого большого числа людей. Он был осужден к 10 годам без права переписки и отправлен в концлагерь. Высадили заключенных на пустынном берегу реки Лены и велели самим строить лагерь. Люди умирали от холода и голода.

Родные не знали ничего о судьбе капитана и считали его погибшим на войне. Только после смерти Сталина он списался с ними и вернулся домой. Но стал нелюдимым молчуном, ничего не рассказывал о лагере. Это был довольно редкий случай, когда человек, приговоренный к 10 годам без права переписки, остался жив. Служить и восстанавливаться в партии он отказался, несмотря на то, что ему вернули звание и награды. Реабилитировали его в 1956 году.

Все камеры в Большом доме однотипные, подготовленные для одиночной отсидки. Единственная камера, в которой не было «намордника» – № 193, так называемая «ленинская камера», в которой до революции сидел В.И. Ленин. Она была превращена в камеру-музей. Однажды, когда нас проводили мимо на прогулку, дверь музея была открыта, я заглянул и увидел цветы на тумбочке, покрытой скатеркой, и аккуратно застеленную кровать.

В камере, куда меня перевели, находился один заключенный. Первое, на что я обратил внимание, когда вошел, был большой полупрозрачный мешок с импортными сигаретами. В основном это были болгарские сигареты «ВТ», «Опал», «Родопи» и др. На тумбочке громоздились толстые книги по атрибутике икон. Потом я обратил внимание на крепкую спортивную фигуру поднявшегося нам навстречу мужчины. Когда охранники ушли, он представился: «Осипенко». Оказалось, что он уже полтора года просидел в «Крестах» по обвинению в спекуляции, но суда еще не было. Во внутреннюю тюрьму КГБ его перевели, чтобы попытаться предъявить ему более серьезные статьи УК (валютные операции, незаконные операции с иконами и т.п.), и осудить на более длительный срок.

Осипенко – бывший мастер спорта по боксу, был однажды даже чемпионом мира или Европы. Я очень часто смотрел по телевизору спортивные соревнования, в том числе и бокс, и видел его

выступления. Тем приятней было мне с ним познакомиться. Он окончил суворовское училище с углубленным изучением французского языка. Его распределили в какое-то военное училище, но он продолжил учебу в гражданском вузе (надоела муштра). Живя в общежитии при вузе, познакомился со студентами, которые, имея большие деньги, подкармливали Осипенко и давали в долг. Когда наступили летние каникулы, эти люди потребовали отработать долг. Они оказались ворами-гастролерами. Он вынужден был вместе с ними участвовать в квартирных кражах. Совершив кражу, преступная группа сразу же уезжала из города, поэтому их долго не могли задержать. Однажды они совершили повторную кражу в одном и том же городе и попались. По суду Осипенко получил 7 лет. Это была его первая судимость. Поскольку он был человек сообразительный и не хотел утруждать себя тяжелой работой в лагере, то купил себе место библиотекаря, научился играть во все азартные игры и, с учетом этого и благодаря большой физической силе и уму, сумел выиграть большие деньги. По окончании срока перед ним встал вопрос, как вынести эти деньги с зоны, потому что все охранники знали, что у него они есть, но найти не могли даже во время неоднократных шмонов. Начальник лагеря несколько раз вызывал его к себе и требовал отдать деньги. В день выхода на свободу его держали до вечера, а когда выпускали, перед самым выходом снова тщательно обыскали, но денег не нашли. А деньги с зоны вынес совсем другой совершенно незаметный человек, на которого никто из охранников не мог даже подумать. Этот зэк знал, что выносит, и мог сбежать с деньгами. Но он дождался выхода Осипенко и вернул деньги, за что получил щедрое вознаграждение.

Вернувшись в Ленинград, Осипенко, используя свои старые связи в спортивном мире, устроился тренером в детскую спортивную школу. Попутно вместе с новыми друзьями организовал нелегальную фирму по изготовлению записей музыкальных произведений на японской аппаратуре, купленной за выигранные в зоне деньги. Качество записей было идеальное, и они пользовались большим спросом, что давало хорошую прибыль. Примерно в это же время Осипенко поругался с директором спортшколы и уволился. Несмотря на большие деньги от продажи музыкальных записей, он вынужден был устроиться на работу, так как в Уголовном кодексе была в то время статья о тунеядстве. Осипенко устроился художником на Охтинский химический комбинат. Конечно, он не был художником, но оплачивал работу профессиональных художников-оформителей на комбинате. За их хорошую работу он получал от начальства премии, которые превышали все его затраты. Почувствовав, что прибыль от музыкальных записей стала уменьшаться, он продал аппаратуру и стал заниматься покупкой и перепродажей икон. Возможно, что к этому его склонило знакомство с профессиональными художниками.

Из этого периода жизни Осипенко рассказал мне несколько эпизодов.

Однажды во время обеда в ресторане он услышал разговор за соседним столиком о том, что в деревне умерла одинокая пожилая женщина, у которой имелись старинные иконы. На похороны приехал ее племянник – офицер, служащий за границей, которому дали всего несколько суток отпуска, и он не знает, как распорядиться имуществом тети. Здесь же в разговоре был назван адрес деревни. Осипенко, не теряя времени, поехал в эту деревню и предъявил офицеру документ, что он является сотрудником музея. Наследник показал ему иконы, при виде которых он пришел в восторг, но сделал вид, что эти иконы у бабушки уже видел. Иконы были в золотых и серебряных окладах с драгоценными камнями. Он предложил за них несколько тысяч рублей и попросил расписку. Офицер не думал, что иконы стоят так дорого, и был доволен сделкой. По дороге домой Осипенко несколько раз останавливал машину и вновь рассматривал доставшиеся ему сокровища, при взгляде на которые у него тряслись руки. Позже он перепродал их за большие деньги (у него уже была своя надежная клиентура).

Второй случай был связан с иконой-великаном, представляющей из себя большую черную доску с почти неразличимым рисунком, которую ему отдал в возмещение долга в 20 рублей один из знакомых. Осипенко поставил эту доску дома у окна за штору и долго не обращал на нее внимания. Но однажды она упала от сквозняка, и от удара отскочил кусочек краски. Под ней оказался изумительного цвета оригинал, скрытый под черным слоем. Осипенко отнес доску знакомому художнику-реставратору. После реставрации дорого продал эту великолепную старинную икону своему клиенту.

Но в тюрьму во второй раз Осипенко попал не за иконы. В один из дней ему позвонили по телефону с вокзала с сообщением, что для него привезли из ГДР посылку с тысячей цветных полиэтиленовых мешков. (Вероятнее всего, это было по его заказу или договоренности, т.к. такие мешки с картинками были у нас в стране дефицитом). Послать за посылкой в тот момент было некого,

и он поехал сам. Оказалось, что курьер находился под наблюдением, и при получении посылки Осипенко был задержан. Статью ему предъявили за спекуляцию. Когда его из «Крестов» перевели на Литейный, я с ним и познакомился.

Во время нашего совместного пребывания в камере мы играли в разные игры, но меня он обыгрывал моментально, играть со мной ему было неинтересно. Для того чтобы играть в нарды, он ездил в Баку, поскольку в Ленинграде не было достойных противников, и вообще был очень ловкий и сообразительный игрок. За три недели, что мы сидели вместе, мне только один раз удалось сыграть с ним вничью в шахматы, что его очень удивило, играть в шахматы я не умел совсем. Жена Осипенко работала начальником цеха кондитерской фабрики. Как-то она принесла передачу, в которой были две палки колбасы твердого копчения. Утром мы съедали по ломтику колбасы, которые по просьбе Осипенко отрезал для нас охранник, так как холодильник, где она лежала, для нас был недоступен. Я давно уже забыл ее вкус – в свободной продаже такой колбасы не было. Первая палка у нас кончилась быстро, а про вторую охранник сказал: «Колбаса кончилась».

В это время шел судебный процесс по моему делу, и по окончании процесса нам пришлось расстаться. На меня этот человек произвел приятное впечатление, несмотря на свои неблагоприятные занятия. Кстати, позднее именно благодаря ему я узнал о сроках, которые получил капитан Ершов и начальник ОК Северо-Западного речного пароходства. Как это ему удалось узнать, для меня загадка.

ГЛАВА IV. СУД. ПОСЛЕ СУДА

28 августа 1981 года в Ленинградском городском суде начался процесс по моему делу. Меня посадили в автозак, и он, качаясь, поехал по улицам города. По дороге заехали в «Кресты» со стороны улицы Комсомола, где забрали 5 или 6 человек уголовников, дела которых рассматривались в этот же день. Точное число людей, перевозимых в автозаке, сказать невозможно благодаря его устройству. Маленькое окошечко есть только в дверях, расположенных сзади кузова. За дверью слева скамейка для охранников с собакой, а справа – два металлических «стакана» с глазком на дверях. Вторая половина автозака отгорожена провололочной сеткой, и там перевозили остальных эзков. Вот в одном из таких «стаканов» везли меня на суд. Он продолжался два дня и завершился приговором: 3 года и 6 месяцев строгого режима по статье 70 часть 1 УК РСФСР.

Это был не суд, а некий фарс. Я получил именно тот срок, который мне обещал с самого начала следователь КГБ подполковник Савельев. О том, как проходил суд, я подробнее написал в главе «Знакомство с уголовным делом».

После суда меня перевели в другую камеру, где я просидел сутки в одиночестве. Утром подселили человека высокого роста, показавшегося с моей кровати достающим до потолка. Он представился как Герман **Обухов**. Как он рассказал мне, его арестовали в Москве и только что привезли самолетом. Родился Герман в 1949 году на Урале. Окончил Ленинградский электротехнический институт имени Ульянова (Ленина) по специальности инженер-радиоконструктор. Затем работал в 1-ом ЛМИ инженером по медицинской аппаратуре. Увлекался историей и философией. Написал книгу о конституции нашей страны «Погасший рассвет» и хотел передать ее иностранной журналистке в Москве. Познакомился с ней Герман при посещении иностранной выставки, где долго разговаривал с этой женщиной на английском языке и, конечно, обратил на себя внимание соответствующих спецслужб. Перед тем, как передать ей свою рукопись для печати на Западе, Обухов позвонил невесте и рассказал ей о своих планах, не догадываясь, что его телефон уже прослушивают, и он находится «под колпаком». В вагоне поезда попутчики угостили его перед прибытием в Москву шампанским, в которое явно было что-то подмешано, потому что ему стало плохо, когда он вышел на перрон. Герман пошел в буфет выпить кофе, после чего его вытошнило, и когда он вышел из туалета зеленый и пошатывающийся, его остановил милиционер и как пьяного отвел в дежурную часть, где Обухова уже ждал сотрудник КГБ. У Германа забрали рукопись, о которой были очень хорошо осведомлены, и в наручниках на милицейской машине доставили в аэропорт к самолету на Ленинград.

Арестовали Обухова в сентябре 1981 года, и уже в ноябре он был осужден по статье 70 части 1 УК РСФСР к 4 годам колонии строгого режима и двум годам ссылки.

За то небольшое время, что нам пришлось провести вместе, мы быстро нашли точки соприкосновения. Обухов сразу расположил меня к себе. Потом мы встретились в 37 зоне, но жили и работали в разных местах. Он больше общался с Г.М. Кокориным.

Через некоторое время нас перевели в другую камеру, где сидел один подследственный. Он был небольшого роста, похож на цыгана, очень заросший, как будто не брился неделю, хотя на самом деле, как оказалось, такая щетина вырастала у него за сутки. Фамилия его была **Кормаков**. Обвинялся в измене родине и помощи иностранному государству (статья 64 УК РСФСР). Кормаков нам рассказывал, что служил в армии шифровальщиком, был участником событий на острове Даманском в период вооруженного конфликта с Китаем. Там впервые услышал, как стреляют установки «Град», спалившие остров и китайский берег Амура после того, как китайцы уничтожили военно-полевой госпиталь на нашем берегу. После демобилизации Кормаков стал работать шифровальщиком в Управлении железной дороги и знал обо всех военных перевозках. Каким-то образом связался с агентами ЦРУ и стал передавать им секретные сведения. Он назвал даже два «почтовых ящика», где оставлял для них сведения, когда приезжал в Ленинград: телефонная будка на Московском вокзале и мост через Мойку на Невском проспекте. Кормаков рассказывал, что одно время был футболистом и играл в дублирующем составе «Спартака», а также много всяких случаев из своей жизни.

Однажды в камере меня посетила Муза, и я написал стихотворение. Переписав его на чистовик, я показал Обухову. Стихотворение ему понравилось, но когда за листком протянулась рука Кормакова, сработало чувство самосохранения, и я отказался дать прочесть, сказав, что он не любит стихов, о чем сам мне говорил, и читать ему ни к чему. Через некоторое время его вызвали якобы на допрос, и когда за ним закрылась дверь, я взял листок со стихотворением, разорвал в клочки и выбросил в туалет. Вдруг в камеру ворвались трое охранников и бросились ко мне, требуя отдать бумагу. Я сделал вид, что не понимаю, о чем речь. Они устроили шмон, раздели нас с Обуховым догола. Ничего не найдя, потащили меня к начальнику тюрьмы. Тот орал, что если мне мало срока, они добавят. Я сделал непонимающий вид и сказал, что срока мне достаточно, и я ничего не нарушал. Так как я разговаривал с ним спокойно и без страха, то начальник перестал орать, меня вернули в камеру, и инцидент остался без последствий. Когда меня привели обратно в камеру, я бросил взгляд на кусок хлеба на тумбочке, лежащий на листке бумаги. Это был... черновик моего стихотворения. Недаром говорится: если хочешь что-нибудь спрятать от посторонних, положи на самое видное место. Черновик я уничтожил от греха подальше, и стихотворение, к сожалению, было для меня потеряно. Благодаря этому случаю, мы узнали, что Кормаков является «подсадной уткой». Возможно, что все, рассказанное им о себе, была его легенда. Когда мы в лагере вспоминали тех, с кем сидели в СИЗО, то выяснилось, что Кормаков то же самое рассказывал всем, с кем сидел в Москве и в Ленинграде в разное время, но на зоне он так и не появился.

На другой день меня перевели в камеру под № 198 с одним обитателем. Это был очень странный человек, фамилии которого я не помню и не уверен, что он мне ее называл. Он мне рассказал, что вышел на волю 10 месяцев назад. После освобождения ему очень были нужны деньги, и он согласился на предложение каких-то ребят отвезти украденную на предприятии проволоку по адресу в Ленинград за тысячу рублей. Прилетев в аэропорт «Смольное», пошел в толпе к выходу. Вдруг увидел, что какой-то человек переходит от одного пассажира к другому. Когда этот человек подошел ближе, то оказалось, что у него в руках счетчик Гейгера, который затрещал. Сразу несколько человек кинулись к моему соседу, и в результате он снова очутился в тюрьме. Оказалось, что проволока – из технической платины, к тому же облучена.

Первая его судимость, по моим предположениям, была за фарцовку. На прогулке я услышал какие-то крики на финском языке. Я спросил у соседа, что кричат, и он мне перевел, что этот парень (назвал его имя, которое тот выкрикивал) просит сообщить кому-то о том, что находится здесь. А кричит на финском, чтобы не поняли охранники. Когда мы вернулись в камеру, он мне показал русско-финский словарь. Я называл какое-нибудь слово по-русски, и он его переводил на финский язык. Многие финские слова были переписаны мною в тетрадь, которую мне впоследствии вернули при освобождении из зоны.

Через некоторое время сосед изменил ко мне отношение. Видимо, получил соответствующее указание. Я в это время ожидал решения на мою кассационную жалобу. Сосед стал читать нравоучения с запугиванием, описывая, что со мной могут сделать в пересыльных тюрьмах, если я не

последую его советам, а затем стал на мне тренироваться как на боксерской груше, не обращая внимания на мои протесты. В конце концов, мне это надоело, и я написал заявление на имя начальника тюрьмы и передал охраннику. Когда меня пригласили на беседу с начальником, я решил напрямую спросить, зачем ко мне подсаживают таких людей и чего хотят добиться. В конце разговора я заявил, что обращаюсь к прокурору по надзору, чтобы тот разрешил возникший конфликт (как я понял, из-за того стихотворения, о котором донес начальнику Кормаков). Начальник ответил, что не надо прокурора, и обещал, что я проеду до зоны без пересылок. Так и получилось, но, как я узнал позже, политических вообще полагается отвозить на зону без пересылок.

В конце октября мне сообщили, что кассация отклонена, приговор вступил в силу, и я буду отправлен на этап. Мне дали возможность встретиться с сестрой Соней, мы с ней обговорили все интересующие нас вопросы на бытовые темы. Сестра спросила у присутствовавшего при нашей встрече офицера, какую одежду надо принести и куда меня повезут. Из его ответа я узнал, что буду направлен в Пермские лагеря. Затем меня постригли наголо. Принесенную Соней посылку мне не выдали, потому что приговор вступил в силу, и я уже не имел права на получение посылки. На дорогу выдали путевой паек: несколько пакетиков чая, сахар, 5 жирных сочных селедок и 2 буханки хлеба, которые почти сразу зачерствели.

Во внутренней тюрьме КГБ мне оставалось сидеть одну ночь...

Глава V. СТОЛЫПИНСКИЙ ВАГОН

Утром 28 октября 1981 года после завтрака принесли мои вещи из хранилища – пальто и сшитый моей матерью вещевой мешок с нательным бельем, свитером. Скомандовали: «На выход с вещами!» – и вывели во двор. От камеры меня сопровождал охранник, который передал конвоиру конверт с моим делом. Опять посадили в «стакан» автозака и повезли в «Кресты», где забрали несколько уголовников, отправляемых в том же направлении. Нас привезли на Московский вокзал на дальнюю специальную платформу, вывели из машины и посадили на холодную землю. Вокруг стояли охранники с собаками на поводках. Подошел почтово-багажный поезд, к которому прицепляется тюремный вагон, называемый «столыпинским». В него стали заводить людей, подгоняя их криками, матом и прикладами. Эти действия сопровождалось яростным собачьим лаем.

Что представляет из себя «столыпинский» вагон? Обычный купейный вагон, только купе изолированы от коридора металлической решеткой, двери купе также решетчатые, а окна вагона со стороны купе – из матового стекла, сквозь которое ничего не видно. Прозрачные стекла находятся в окнах со стороны коридора, по которому постоянно мимо решетки проходят охранники. Первое купе – для охраны; затем идет купе побольше, в котором находилось несколько женщин-уголовниц. Следующее купе – «тройник» (три полки по одной стороне), в котором ехал я. Дальше шло купе-одиночка для смертников, в котором везли заключенного в тюрьму Свердловска для исполнения приговора. Далее располагались купе более вместительные, в каждом из которых находилось по несколько уголовников. Они сидели очень тесно, и я предложил охраннику посадить кого-нибудь ко мне, но тот ответил, что это запрещено. Последняя дверь вела в туалет. Когда меня туда водили, я видел сквозь решетку сидящих в купе заключенных.

Однажды к моему купе подошел молодой охранник, назвал меня по фамилии и спросил, знаю ли я художника Осипенко. Я ответил, что знаю. Тогда охранник сказал, что Осипенко провозили в лагерь в этом же вагоне, и он просил передать мне привет и сказать, что ему дали за спекуляцию пять лет.

В течение всей дороги нам ничего съестного не давали, только кипяченую воду из титана. Каждый ел то, что получил в сухом пайке. Селедку есть в пути нельзя, когда у тебя нет свободного доступа к воде и туалету, а хлеб был таким черствым, что раскусить его было крайне затруднительно. У меня было немного печенья, которое я растягивал, сколько возможно. Сахар и чай мы отдали смертнику – такая существует традиция. Воду давали 2-3 раза в сутки. Поезд продвигался очень медленно, на многих остановках выводили одних заключенных и загоняли новых, как всегда сопровождая загрузку криками, ударами ног и прикладов. До Вологды поезд тащился более суток, с нами ехал ленинградский конвой. Этот конвой почему-то меня и «смертника» ни разу не выводил в туалет. Когда выводили женщин и уголовников во второй раз, я стал проситься в туалет, но конвой к моему купе даже не подошел. Только когда он сменился, двое охранников выполнили мою просьбу.

Из разговоров через стенку с соседом-смертником я узнал, что он приговорен за то, что «погулял с оружием». Как я понял, это был «бандеровец». Он уже отсидел в зоне 13 с половиной лет из 15 по приговору, а потом 15-летний срок отсидки ему за какой-то криминальный поступок в зоне заменили «вышкой». Узнав, что я еврей, он заявил, что если бы я попался ему в то время, когда он был с оружием, то убил бы меня на месте. В ответ я сказал, что отдаю ему чай и сахар, несмотря на такие слова.

Когда ленинградский конвой сменился, ко мне стали подсаживать разных ээков, осужденных в основном за убийство. Первым посадили одного осетина, который совершил убийство из кровной мести. Мы разговаривали с ним о Кавказе и кавказских обычаях. Он спросил меня, за что я сижу. Я сказал, что за стихи. Когда он не поверил, я прочитал ему одно стихотворение. Он сказал: «Молодец, хорошо написано». Через несколько перегонов его увели, а ко мне подсадили другого человека, которого везли на новое расследование. Суть дела он мне объяснил так: Когда он отбывал свой срок, то за хорошую работу и примерное поведение ему сократили срок с высылкой под надзор на поселение. Он работал на заводе и жил в общежитии. Придя однажды с работы усталым, хотел лечь спать, но двое его соседей по комнате пили водку и настойчиво предлагали ему выпить. Он отказался, но те продолжали настаивать. Тогда он одного оттолкнул, второго ударил и лег спать. Оказалось, что тот сосед, которого он оттолкнул, при падении ударился головой обо что-то твердое и умер. Второй попал в больницу со сломанной ключицей. Протрезвев, тот заявил дознавателю, что это не они, а мой сосед по купе был пьяным и именно он затеял драку. Сосед плакал, повторяя, что ему оставалось только 20 дней до окончания срока, и он уже отправил телеграмму домой, что скоро вернется. Утешить его мне было нечем. Через некоторое время его вывели из вагона на одной из остановок.

На третий день пути ко мне подошел охранник и приказал забраться на третью полку. В купе ввели пятерых молодых ребят. Они были крайне возбуждены и оживленно обсуждали какую-то драку. В разговор с ними я не вступал. Вскоре их вывели. На третьей полке я нашел лезвие от безопасной бритвы и отдал охраннику, когда спустился вниз. Тот удивился, что я отдаю, но я сказал, что мне не нужно лишних неприятностей.

На одной из остановок ко мне в купе посадили молодого парня. Мы с ним разговорились. Его перевозили из обычной зоны общего режима в «ментовскую», поскольку он был шофером на пожарной машине. Получил парень четыре года за грабеж, хотя по существу никакого грабежа не было, была просто чистая случайность. Во время одной из встреч с приятелем они вечером гуляли по городку, и к ним привязались какие-то ребята. Так как все были выпивши, то словесная перепалка быстро переросла в драку. На снег полетели шапки. Потом кто-то крикнул: «Милиция!» Все похватали шапки и разбежались. Дома он обнаружил, что схватил чужую шапку, но не знал, кому она принадлежит. Через некоторое время за ним пришли и забрали в милицию по заявлению владельца дорогой шапки, так как доставшаяся тому чужая шапка оказалась дешевле его собственной. То, что это произошло случайно, во внимание принято не было. Его сначала направили в общую зону. Но однажды кто-то из проверяющих обратил внимание, что он относится к пожарной охране, входящей в систему МВД, и должен отбывать срок в колонии для сотрудников правоохранительных органов.

Мой попутчик рассказал мне, что очень голодал в общей зоне. Как он выразился, «в супе один рыбий скелет болтается и морковка за капустой гоняется, но догнать не может». Действительно, выглядел он истощенным. Я предложил имеющуюся у меня селедку и черствый хлеб. Он их съел с большой жадностью. Довольно скоро его тоже вывели из вагона.

Глава VI. «ПЕРМСКАЯ ОБИТЕЛЬ»

К вечеру третьего дня пути поезд подошел к Перми, и нас стали выводить из вагона. Первыми вывели уголовников и усадили на снег. Затем вышло несколько женщин, а потом вывели меня, и все как-то странно смотрели в мою сторону. Может быть потому, что из-за трехсуточного неподвижного сиденья ноги у меня были как ватные, а возможно, и от голода меня качало при каждом шаге. Поезд ушел, в арестантском вагоне остались те, кто должен был следовать дальше, в том числе и сидевший в одиночке смертник. Нас посадили в поджидавшие автозаки (меня – опять отдельно) и повезли в городскую тюрьму. Из автозака выводили в том же порядке, как и из вагона. Войдя в помещение типа распределителя, я увидел стоящих у окна женщин. Мне приказали подойти к окошку, где сидели

регистраторши. Когда я подошел, услышал голос одной из зэчек: «А кто здесь самый страшный?». Я ответил: «Наверное, я». После регистрации меня провели через вахту мимо охраны и посадили в «шкаф» – маленькое помещение с одной скамейкой. Там я просидел несколько часов, и было ощущение, что обо мне забыли, занимаясь другими заключенными. Я пытался напомнить о себе, стучал в дверь. Наконец за мной пришли и отвели в камеру-одиночку. Дали чистое постельное белье и велели идти в баню. Она представляла из себя довольно большое помещение, не разделенное на кабинки, со спускающимися с потолка по всему периметру моечного отделения насадками (на зоне их называли соскáми). Я мылся один, но вода текла из всех соскóв одновременно, и я перебегал от одной струи к другой, получая исключительное наслаждение.

В одиночке пермской тюрьмы я просидел дней 20, ни с кем, кроме дежурной, не общаясь. В этой тюрьме охранниками в основном были женщины, их называли постовыми. Они же выводили меня на прогулку. Однажды, вскоре после моего водворения в одиночку, я услышал разговор постового по телефону, смысл которого сводился к тому, что у нее своих уголовников хватает, а тут еще какого-то политического привезли, наверно, убил кого-то. Надо сказать, что мое вежливое обращение ее удивляло, а на каждое «спасибо» она вытаращивала глаза.

Камера в пермской тюрьме, в которой я сидел один, отличалась от одиночки в ленинградском СИЗО. По размеру камера была больше, вместо кроватей – нары в два ряда посередине помещения. Возможно, потому, что стены были сырые и подтекали, по ним ползали слизняки и мокрицы. Нары двойные, разгороженные посередине сверху донизу перегородкой. На нарах вырезаны фамилии сидевших там ранее заключенных. Сажали в эту камеру только политических. Я не стал вырезать свою фамилию, да и нечем было.

Когда однажды ко мне в камеру пришел прокурор по надзору и спросил, какие у меня есть претензии по содержанию в тюрьме. Я ответил, что поскольку у меня нет соседей, то претензий предъявлять не к кому, я доволен и счастлив. Ответ очень удивил прокурора. По выражению его лица я понял, что он сомневается, все ли у меня в порядке с мозгами после одиночки.

Перед отправкой в зону меня перевели в маленькую камеру и подселили другого политического. Им оказался Василь **Овсиенко**, член Украинской Хельсинкской группы из Житомира. Хельсинкские группы организовались из представителей интеллигенции после подписания Л.И. Брежневым в 1975 году в Хельсинки соглашения по защите прав человека. Соглашение подписали руководители многих стран Европы и США.

Мы проговорили с Овсиенко очень долго, рассказали каждый о своем деле и причинах, приведших нас в лагерь. Он был очень интересный собеседник. Свой первый срок – 4 года – Василь получил в 1973 году за выпуск самиздатовского журнала «Украинский вестник». Филолог по образованию, Овсиенко после первого срока работал художником (скорее, маляром) в колхозе в селе Ленино под Житомиром. Находился Василь под надзором. Однажды к нему приехали из Киева две известные правозащитницы, среди них одна из основателей Украинской Хельсинкской группы Оксана Мешко. Когда Овсиенко провожал их, вдруг подкатили две милицейские машины, и сотрудники затолкали его в одну из них, а женщин в другую. В милиции Овсиенко протестовал, сопротивлялся, оторвал пуговицу милиционеру. За сопротивление сотрудникам милиции он получил свой второй срок – 3 года. Но не был освобожден по окончании срока в связи с возбуждением нового дела: за содействие Украинской Хельсинкской группе его осудили по статье 62 часть 2 УК УССР к 10 годам особого режима и 5 годам ссылки.

Мы с Овсиенко встретились на пересылке, когда его этапировали к месту заключения в лагерь особого режима. Он произвел на меня большое впечатление своей интеллигентностью, открытостью и умением слушать и понимать собеседника.

Через пару дней нас с Овсиенко взяли на этап и повезли в зону. Несколько перегонов мы ехали вместе. Потом на одной из остановок его вывели, чтобы везти в зону с особым режимом, а меня повезли дальше. Я думал, что мы больше не увидимся. Но в 1992 году, когда отмечалось 20-летие со дня прибытия первого пермского этапа, «Мемориалом» была организована встреча политзэков на территории бывших лагерей и открыта памятная доска. 35 и 37 зоны были уже уголовные, а в 36-ой находилось лечебное учреждение для людей с психическими отклонениями, и нам удалось ее посетить. Особая зона находилась недалеко, и мы решили туда сходить. Лагерь был закрыт, все разгромлено, даже выдраны доски из пола. Несколько человек из питерского «Мемориала» зашли в одно из помещений, чтобы найти какие-нибудь экспонаты для нашего музея. Ничего не найдя, мы уже собрались уходить, когда я увидел в куче мусора прислоненные к стене три деревянные бирки с

веревочками, на которых написаны фамилии: на двух – “Овсиенко В.В.”, а на одной – “Федоров Ю.П.” Такие бирки вешались на кроватях заключенных этого лагеря в изголовье и в ногах. Эти бирки хранятся теперь среди экспонатов Санкт-Петербургского “Мемориала”. Так произошла наша заочная встреча.

На станции Всесвятская вывели из вагона и меня. Около станции поджидал автозак. По ухабистой дороге меня повезли в зону. Машина подъехала к зданию, которое оказалось лагерной больницей. Здесь в изоляторе я провел 10 дней. Поместили меня в одиночку. За все время карантина я не видел ни одного заключенного, хотя мне разрешалось гулять по территории при больнице и даже заходить в комнату, где находилась библиотека больницы. Просмотрев литературу, стоявшую на полках, я обратил внимание на книгу М. Шагинян «Семья Ульяновых». Об этой книге я много слышал, так как в ней есть сведения о Ленине, ранее от нас скрываемые. С разрешения охранника я взял ее в палату и прочитал с любопытством. Кстати, на металлической кровати у меня в камере была выцарапана надпись: «Огородников и Пореш. Голодовка за библию». У них отняли библию, они голодали в знак протеста.

Перед выходом из изолятора ко мне пришел капитан с охранником, забрали вещевой мешок и все мои гражданские вещи и выдали робу, бушлат, шапку и сапоги. В карман пальто я положил свой приговор, потому что не хотел нести его в зону, думал, что так будет сохраннее. Оказалось, что я ошибся, и мой приговор пропал вместе с пальто и другими вещами.

Глава VII. ЗОНА

Итак, я в зоне.

Пермские лагеря возникли в 1972 году и считались «политическими». Название пишу в кавычках, потому что в Уголовном кодексе нет такого раздела, а есть «Особо опасные государственные преступления» (статьи 64-75 УК РСФСР) Первых эзков привезли из Мордовии. Везли столыпинскими вагонами в сопровождении вертолета. Через некоторое время в Пермском лагере возникла система зон: 35-я, 36-я и 37-я. Среди них одна – 36-я – штрафная. Тут же была и особая зона 36-1 для «рецидивистов», так называемых «полосатиков» (они носили полосатую одежду). Для заключенных, совершивших серьезные нарушения уже в лагере, существовали ШИЗО (штрафной изолятор, куда помещали на срок до 15 суток), ПКТ (помещение камерного типа, как бы тюрьма в зоне, срок пребывания в котором мог достигать до 6 месяцев), и, кроме того, тюрьма в Чистополе.

Что собой представляет зона? Участок земли, окруженный колючей проволокой, деревянными заборами с колючей проволокой сверху и «путанкой» (скрученная валиком тонкая проволока), КСП (контрольно-следовая полоса) и тропа из досок, по которой ходит охранник и смотрит, нет ли нарушений границы. По углам расположены вышки, где сидят часовые с автоматами. По ночам граница освещается мощными лампами по всему периметру. На вышках можно было включить прожектор и направить его луч в нужном направлении. С внешней стороны зону охраняют солдаты внутренних войск, и оттуда я слышал лай собак. Устройство границы между свободой и зоной я рассмотрел сверху, когда зимой счищал снег с крыши жилого дома. Тогда я насчитал 11 полос-заграждений. (В 37 зоне – 7 полос.) За ними виднелся поселок.

Внутри находятся различные постройки. Среди них один большой жилой дом, в котором живут все заключенные и находятся служебные кабинеты. В жилых комнатах стоят железные кровати с панцирными сетками, тумбочки и табуретки. Сетки кроватей очень растянуты, поэтому у меня от неудобной позы при лежании болела спина. Сетки можно было подтягивать, но мне никто этого не подсказал. На втором этаже на лестничной площадке стоял стол, а на нем электрическая плита с закрытой спиралью, на которой можно было что-нибудь приготовить. Из жилых помещений только в одной комнате были нары на четырех человек. На нарах спать гораздо удобнее, чем на кровати с провисающей сеткой. Вначале меня поместили в большой комнате вместе с эзками-кочегарами, моя кровать стояла рядом с кроватью известного правозащитника и писателя Анатолия Марченко, пришедшего на зону в шестой раз. Через некоторое время меня перевели в комнату с нарами, и я устроился на нижнем ярусе. В этой комнате находились те, кто работал на станках: Богачев, Пашенко, Холявка и я.

Из хозяйственных построек были прачечная и кочегарка. Причем, кочегарка отапливалась углем, и тепло шло и в зону, и в поселок. В поселке жили сотрудники и их семьи.

Все трудоспособные зэки работали в промышленной зоне. Это был цех Свердловского инструментального завода, и находился он за пределами жилой зоны. Каждое утро нас будили в 6 часов (отбой в 35 зоне был в 22 часа; в 37-й – подъем был в 7 часов, отбой – в 23 часа) и после проверки и завтрака строем по пять человек вели в цех. На вахте охранники обыскивали и при входе в промышленную зону, и при выходе из нее. Я работал на токарном станке, точил фрезы (в 35 зоне) и метчики (в 37 зоне). Норма выработки давалась, но наказывали за ее невыполнение только тех, кто демонстративно отказывался от работы или объявлял голодовку. Заключение, которые не могли работать на станках, шили на швейных машинках фильтры из асбеста или чехлы для пилы «Дружба». Кроме этого, некоторые зэки по личным заказам администрации лагеря резали сувенирные шахматы или делали ящики с аппликациями для рыбаков. Для аппликаций на ящиках и шахматных досках использовались кусочки разноцветного шпона. Шпон – тонкий слой луба из подкорковой части деревьев разных пород и разного цвета. Картинки обычно делались по трафаретам. В основном это были русалка на камне в воде или мальчик-рыбачок с медведем, незаметно воруящим его улов. Сувенирные шахматы делал в основном А.В. Уваров*, а картинки на рыбацких ящиках и шахматных книгах – М.А. Конкин**. Расплачивались заказчики с этими умельцами лагерной валютой – чаем. Такие поделки дарились местным городским или лагерным начальникам на юбилей.

Были среди заключенных инвалиды или достигшие пенсионного возраста, которые вообще не работали или использовались на самой легкой работе: на уборке, на приготовлении пищи, хлебобрезками, санитарями при врачах. В основном это были доверенные лица администрации.

Обедать водили в жилой корпус. После обеда работа продолжалась до вечера. Вечер был свободен для личных нужд: писали письма, читали, что-нибудь готовили на электроплите, стирали или просто разговаривали.

Главным был начальник зоны в звании подполковника, затем замполит, начальник оперативного отделения, дежурные по смене офицеры, прапорщики. В 35 зоне, с которой начался мой срок отсидки, начальником был Осин, а в 37 – Згогурин. При каждой зоне находился представитель КГБ. В 35 зоне это был майор А.М. Балабанов, а в 37 – Годеев. Сидели в этих зонах заключенные, в основном, за измену Родине: служившие в восточных войсках, власовцы, бывшие полицейские, бандеровцы из Западной Украины, «лесные братья» из Прибалтики; а также за переход границы или добровольное возвращение обратно после побега; за религиозную пропаганду и принадлежность к сектам. Небольшую часть заключенных составляли «антисоветчики» – диссиденты. Я относился к последним.

Основная масса людей, работавших на немцев во время войны, была расстреляна по приговорам судов. Остались в основном те, кто согласился сотрудничать с органами. Им давали срок до 25 лет. При мне выходили последние «двадцатипятилетники», которые были выявлены и осуждены не сразу после окончания войны. Им давали две справки – на 15 и 10 лет осуждения, так как по новому Уголовному кодексу такого наказания (25 лет) уже не было предусмотрено. После окончания срока они уезжали домой или в ссылку. Некоторые даже не хотели уходить, т.к. на гражданке у них не было возможности получить ни прописки, ни работы, а родственников не осталось. Эти бывшие изменники родине, стараясь выслужиться, следили за нами и сообщали администрации зоны обо всех готовящихся политических акциях (голодовки, письма протеста, письма-жалобы прокурорам по надзору). У них на это был профессиональный нюх.

Среди диссидентов были люди из разных республик СССР, разных национальностей и вероисповеданий. Мы знали, кто за что сидит, и старались между собой поддерживать нормальные отношения. Но я никогда не встречал диссидентов из Азербайджана, Средней Азии, Белоруссии и Молдавии.

Одним из первых, с кем я познакомился после выхода из изолятора в зону, был Марк Аронович **Морозов** из Москвы. Он стал водить меня по зоне и советовать, с кем можно разговаривать и общаться, а кем не стоит. О себе почти ничего не рассказывал. Единственное я знал, что он входил, или даже возглавлял, диссидентскую группу, которая, как он говорил, боролась с советской властью.

* Аркадий Васильевич Уваров, 1932 года рождения, осужден по ст.ст. 64 п. «а», 88 ч. 1 УК РСФСР к 10 годам лагерей.

** Михаил Александрович Конкин. 1945 года рождения, осужден по ст.ст. 64 п. «а», 88 ч.1 УК РСФСР к 10 годам лагерей.

О нем мне рассказали другие зэки довольно неприятные вещи. Его группа была «под колпаком» у КГБ. Один из сотрудников КГБ, капитан Виктор Орехов, узнав на службе, что готовятся обыски, а возможно и аресты диссидентов, позвонил Морозову и предупредил об этом. Морозов не поверил ему, обзвонил всех друзей, говоря им, что это ложь и провокация. В результате обыски были действительно проведены, а диссиденты не были к ним готовы и не спрятали компромат. Сам Морозов получил по статье 70 часть 2 УК РСФСР 8 лет и 8 месяцев лагерей. Капитан Орехов был разжалован и получил срок 8 лет*, который он отбыл в спецзоне Марийских лагерей от звонка до звонка**. У меня с Морозовым, хоть я тогда и не знал об этом случае, отношения не сложились. Однажды я ему достаточно откровенно рассказал о своем деле, некоторые детали которого я никому больше не рассказывал. Как-то я сидел в комнате отдыха и писал письмо домой. За дверью услышал голос Морозова. К моему ужасу, он рассказывал кому-то то, о чем я поведал ему в порыве откровения. Причем в своем рассказе постоянно ссылался на меня. Я выскочил в коридор и увидел, что слушателями его были самые отъявленные стукачи. Отозвав Морозова в сторону, выразил ему свое возмущение. Он удивился, сказав, что я уже получил срок, и второй раз за это же не посадят. Но мое доверие он потерял.

В другой раз Марк опять меня подставил. Он часто приходил и просил дать ему сухарей. Я не отказывал. Но, узнав, что Марк держит сухую голодовку (без употребления пищи и воды), спросил его, зачем тогда он берет у меня сухари. Он ответил, что голодовка касается только его одного. Я возразил, что такая его «голодовка» подводит тех, кто действительно голодает, потому что сотрудникам в зоне наверняка станут известны его хитрости. Больше ко мне за сухарями он не приходил. Позже мы встретились с Морозовым в 37 зоне, но уже не разговаривали. После освобождения я узнал, что Марк покончил жизнь самоубийством в Чистопольской тюрьме.

Вскоре после моего появления в 35 зоне ко мне подошел один из диссидентов и попросил об одолжении. Я должен был пронести из промышленной зоны в жилую пять килограммов мяса, взял его у мастера, который то ли купил его для них, то ли получил в посылке для передачи в зону. Была такая нелегальная форма получения дополнительных посылок, когда посылка присылалась на имя мастера, а он передавал ее зэку, получая за это свою долю, чаще всего мануфактурой. Сначала я согласился это сделать, не видя в этом ничего криминального. Но потом отказался, почувствовав здесь какую-то провокацию или подвох. И действительно, меня утром вытащили из строя, привели на вахту и приказали раздеться. Охранники что-то искали. Эта процедура обыска продолжалась несколько раз в день при входе и выходе из промышленной зоны. Продолжались обыски почти три недели. На мой вопрос, что они ищут, мне не отвечали или говорили: «Не твое дело». Я даже в шутку сказал, что принесу то, что им надо, только пусть скажут, что ищут. В ответ получил удар кулаком в живот. Тогда я понял, что шутками здесь не отделаешься. Видимо, они искали причину, чтобы посадить меня в штрафной изолятор, то есть провести процедуру приобщения к зоне, которая часто ломала человеческое достоинство и давала материал для превращения человека в стукача или безвольное ничтожество.

Видя, что обыски не прекращаются, я написал письмо представителю КГБ в зоне майору Балабанову с просьбой вызвать меня по личной просьбе (была такая форма общения с начальством). Войдя в его кабинет, я задал вопрос: «Что случилось?». Услышав встречный вопрос: «А в чем дело?», – я ответил, что меня уже три недели подряд раздевают на вахте. Майор сказал, что он не в курсе. Я, конечно, ему не поверил, так как обо всем происходящем на зоне он всегда знал, и добавил, что все равно не взорвусь. Балабанов обещал разобраться. И в самом деле, со следующего дня меня перестали обыскивать. Даже при переходе в другую зону меня больше подобными процедурами не донимали.

Как я узнал позже, за подобные махинации с отправлением посылки на имя мастера и передачи ему части присланных продуктов или вещей уже получил 3 года дополнительно к сроку В.И. Свердлов, а также условный срок с увольнением с работы мастер-взятчик.

Переписка с родными и знакомыми ограничена в зоне двумя письмами в месяц со стороны заключенного (получать разрешалось неограниченное количество писем); можно получить только одну посылку в год, начиная с середины срока. Посылки могли лишить за любое нарушение.

* См.: Е. Альбац. Мина замедленного действия. Политический портрет КГБ СССР. М., Русслит, 1992. С.193-197.

** В.А. Орехов 21.07.1995 получил 3 года за хранение огнестрельного оружия (найденный у него пистолет был неисправен). Вскоре после освобождения он был вынужден эмигрировать.//30 октября (Москва), 2005. №54.

Бандероли можно присылать два раза в год. Когда сестра присылала мне ко дню рождения вафельный торт, он всегда был изломан на части – видно, искали какие-нибудь вложения. Нельзя было присылать шоколад, шоколадные конфеты, чай, кофе, сигареты. Дешевые сигареты продавались в ларьке. Так как я не курил, то этой статьи расходов у меня не было. На покупки в ларьке разрешалось снять со счета ежемесячно 5 рублей из тех денег, которые ты здесь заработал. Кроме этих денег станочнику можно было снять еще два рубля, а после половины срока и в праздники – еще по два рубля. Но это все только при условии «хорошего поведения». В ларьке можно было приобрести растительное масло, печенье, карамельки, повидло, рыбные консервы, а иногда бывала дешевая халва. В те времена баночка минтая в масле стоила 50 копеек, 100 граммов подушечек – 10 копеек, грузинский чай 2 сорта – 38 копеек.

За работу на станке в промышленной зоне я получал около 300 рублей в месяц. Половина денег уходила «хозяйину» (государству). Из оставшейся суммы я отправлял матери, которая получала 24 рубля пенсии, 50 рублей раз в два месяца.

К некоторым заключенным приезжали родственники. В доме приезжих – «вахте свиданий» – они оставались ночевать. Свидания бывали короткие (до 4 часов) и длинные (от суток до трех). Разрешалось давать в год одно длинное свидание и два коротких. Но не всегда это выполнялось. Администрация лагеря старалась количество свиданий сократить за различные нарушения, а то и объявляла в зоне карантин. Таким образом хотели воспрепятствовать утечке информации о различных акциях и обо всех нарушениях прав человека в зоне. Иметь свидания, писать письма, снимать деньги на ларек могли только те заключенные, которые не совершали никаких правонарушений в зоне, а придраться можно было к чему угодно. Ко мне на свидание никто не приезжал из-за отсутствия в семье средств на дальнюю дорогу. Да я и сам не хотел этого.

С момента прибытия в Пермские лагеря отношения с окружающими меня заключенными складывались ровно, бесконфликтно. Но всему когда-то приходит конец. Произошел конфликт с моим сокамерником В. **Пашенко**. Стучал он буквально на всех, поэтому его ненавидели и боялись. Однажды привезли к нам на 35 зону Льва **Шефера*** из Свердловска. Он захотел уехать за рубеж на свою историческую родину, вероятно, не зная, что прямого пути в Израиль нет, а есть только круглой путь – через Пермские лагеря. Так Лева оказался у нас в зоне. Поставили его работать на самый большой токарный станок, а он так высоко заготовку поднять не может. Крана для подъема заготовок у нас не было. Я несколько раз ему помогал, хотя и сам невысокого роста, а потом пошел к мастеру Ивану Ивановичу и объяснил ему, что эта работа не для маленького слабосильного Шефера. Мастер посодействовал его переводу на кухню мыть посуду, хотя это занятие тоже тяжелое: таскать воду, мыть огромные чаны на всю зону. Однажды мы сидели в комнате и что-то ели из своих запасов, и вдруг Пашенко говорит: «На кухне всегда воровали, а с появлением там жиденка Шефера воровать стали больше». Я внутри хоть и закипел, но взял себя в руки и говорю ему: «Вы, Пашенко, не правы. Шефер моет посуду и никакого отношения к продуктам не имеет. А потом, мне очень не хотелось бы, чтобы вы так неуважительно относились к моему народу. Я бы вас попросил, по крайней мере, при мне, такие вещи не говорить». (Когда я кем-то возмущен, я перехожу в обращении с ним на «вы»). В ответ услышал: «Подумаешь, ты жидом был, жидом и останешься». Несмотря на мое повторное предупреждение, на следующий день опять все повторилось. Уже соседи по комнате пытались остановить Пашенко, но он продолжал оскорблять мою нацию. И тогда я ему сказал, что придется мне принимать собственные меры. Вот тут он почему-то испугался и побежал жаловаться начальству, что я его обижаю.

Вечером после работы все начальство, кроме начальника зоны и представителя КГБ, подошли ко мне в жилой зоне для выяснения причины нашего конфликта с Пашенко. Я объяснил, что произошло. Присутствовавшие при моем конфликте с Пашенко свидетели приняли мою сторону. На вопрос, почему я не обратился по этому поводу к начальству, я ответил, что привык все подобные проблемы решать сам. Замполит поинтересовался, что бы я сделал в этой ситуации. Так как у меня еще не созрел какой-либо план, то я решил сымпровизировать и сказал, что взял бы бумагу и конверт, подписал его на имя прокурора по надзору и, ссылаясь на статью уголовного кодекса 77 «прим», изложил происходящее в зоне следующим образом: «Находящийся со мной в 35 зоне В.Пашенко, который отбывает наказание за пособничество оккупантам во время войны и участие в расстрелах советских граждан, в том числе и лиц еврейской национальности, продолжает моральный террор

* Лев Григорьевич Шефер, 1931 года рождения. Осужден по ст. 70 ч.1 УК РСФСР на 4 года за стихи, статьи, прослушивание передач западного радио и распространение антисоветской информации.

против евреев и в зоне. А начальство зоны потворствует его безобразиям». После этих слов начальники стали на меня кричать, что я их шантажирую. Я сделал удивленное лицо и сказал, что пока ничего не написал, но если они очень попросят, то я могу направить такое письмо прокурору. На другой день меня вызвали к майору Балабанову, который выразил свое недовольство моим поведением. Я ему также объяснил свое отношение к этому вопросу. Через некоторое время меня вдруг снимают с работы у станка, приносят вещи со склада. Тут обнаружилось, что нет моего пальто, шапки и вещевого мешка. Когда я стал протестовать, мне ответили, что разберутся. Но и позже этих вещей я не получил. Причиной моего расстройства было в основном то, что в кармане пальто был документ – копия моего приговора. Меня перевезли на 37 зону, где я сразу поставил в известность сотрудников госбезопасности зоны о пропаже этого документа.

Любого заключенного могли перевести в другую зону Пермских лагерей. Как показали мои наблюдения и списки заключенных, изученные мною, единственный человек, который все 5 лет отсидки провел в 37 зоне, был Глеб Якунин.

В 37 зоне я также работал на станке. Поскольку было две подзоны (малая и большая), заключенные разных подзон не пересекались. Я жил в большой зоне, количество заключенных в ней было 25-30 человек. В малой зоне – 13 человек. Работающих в промышленной зоне было немного, так как старики и инвалиды не работали, остальные либо сидели в ШИЗО, либо болели. Когда я работал в вечернюю смену, мне иногда приходилось оставаться в ночь одному, так как надо было обязательно закончить партию деталей (партии бывали от 50 штук до 1000), которая уже включена в список сделанной работы. В одну из таких ночных смен у меня на точиле разорвало абразивный круг, и его кусок с большой скоростью просвистел мимо, ограничитель отломался от удара и стукнул по животу. Я даже не успел испугаться, только когда понял, что могло и убить, меня пробил дрожь.

Однажды я пришел на смену, открыл рабочий стол, а там не оказалось ни одного инструмента, без которого нельзя работать на станке. Я обратился к мастеру. Он достал из кармана связку ключей и подвел меня к одной из тумбочек. Когда мастер открыл ее, я увидел, что она битком набита всяким инструментом. Я отобрал все, что было мое. На другой день в моей запертой тумбочке опять ничего не было. Оказалось, что в малой зоне нашелся один клептоман – Владимир Иванович Константиновский. Он тащил в свою тумбочку всё, что ему приглянулось. Это был бывший морской офицер, получивший 15 лет строгого режима по статьям 64 и 93 УК РСФСР*. После повторного хищения инструментов из моей тумбочки таких случаев больше не было, видимо, мастер сделал ему серьезное внушение. Как мне рассказывали знавшие его зэки, Константиновского подсаживали в камеру к вновь прибывшим заключенным, чтобы он втирался к ним в доверие и выведывал для КГБ что-либо ценное и компрометирующее.

Глава VIII. ВСТРЕЧИ

Встречи... Мы, словно листья, сорванные с дерева жестоким порывом ветра, несемся куда-то, сталкиваемся с подобными нам бедолагами, что-то торопливо рассказываем друг другу из того, что кажется нам интересным и запомнившимся, а потом следующим порывом ветра вновь нас разносит в разные стороны и уносит в неизвестность. Попав в зону, по существу напоминающую коммунальную квартиру, в которой нас собрали, не спросив нашего желания, мы должны прожить в ней тот срок, который каждому из нас определил суд. Некоторым, правда, повезло: им за «хорошее поведение» сократили срок и отпустили в большую Зону, где колючая проволока несколько дальше, чем у нас.

В моих воспоминаниях все имена и фамилии подлинны, и все, что я здесь пишу, действительно имело место, рассказано о себе самими зэками или находившимися со мной в заключении людьми. Поэтому я надеюсь, что не будет на меня обид со стороны описываемых мною людей, поступки которых выглядят не всегда этичными.

Некоторые добавления взяты мной из «Списка политзаключенных СССР» от 30 октября 1985 года*.

* По УК РСФСР, действовавшего с января 1961 г., «хищение государственного или общественного имущества, совершенного путем мошенничества» – предусматривает наказание лишением свободы сроком от 3 до 15 лет.

* Список политзаключенных СССР. Под редакцией К.Любарского. Мюнхен, 1985.

Недавно ко мне в руки попали списки заключенных, отбывавших наказание в Пермских лагерях в разные годы. Списки составлены директором Мемориального центра истории политических репрессий «Пермь-36» В.А. Шмыровым и присланы мне членом Екатеринбургского «Мемориала» бывшим политзаключенным Виктором Пестовым, за что я им очень благодарен. Из этих списков я выбрал только тех людей, которые были вместе со мной в 35 или 37 зонах и запомнились в связи с какими-нибудь событиями в их прежней или нашей совместной жизни в лагере. Сведения о них я располагаю в алфавитном порядке; год рождения и статьи Уголовного кодекса ** указываю из списков Шмырова – Пестова.

Андросик Георгий Петрович. Родился в 1926 году в Белоруссии.

Служил фашистам во время Великой Отечественной войны, получил за верную им службу бронзовую медаль, а затем в связи с большими потерями личного состава в войсках СС был зачислен в их ряды. Его послали воевать против итальянских партизан. Там Андросик был ранен, попал к итальянцам в плен, а затем был передан советским войскам. За неимением в то время доказательств его преступлений, направлен в Красную армию, где дослужился до сержанта. После окончания войны демобилизовался и завербовался на работу на Север, так как вернуться в Белоруссию боялся. Но и там кто-то его опознал, он был арестован и отправлен в Белоруссию. Андросика осудили по статье 61 часть 1 УК БССР на 15 лет исправительно-трудовых лагерей строгого режима, что являлось в то время самым большим сроком заключения. В Пермские лагеря Георгий попал в 1979 году. Работал токарем на станке, точил протяжки (вес этих деталей доходил до 70 кг). Кроме того, исполнял обязанности культорга. Практически все, служившие фашистам, в период проведения дознания и суда соглашались работать на органы. В противном случае они по приговору подлежали расстрелу. Андросик не был исключением.

В лагере он многим делал гадости, выслуживался по мелочам. Так, например, после просмотра фильма по телевизору про работу милиции Андросик сказал дежурному по вахте, что вчера зэки смеялись над действиями сотрудников милиции, поэтому сегодня он не советует показывать подобный фильм. Когда заключенные попросили включить телевизор, Георгий объявил, что начальство не разрешило просмотр данного фильма. И так было не раз. О том, что это сделано с его подачи, он, конечно, не говорил.

Кстати, когда я сидел уже в 37 зоне, то переведенные из 35 зоны заключенные рассказали, что Андросик уронил тяжелую заготовку и сломал себе ногу. После этого его перевели на изготовление шахматных досок из шпона.

Анищенко Владимир Владимирович. Родился в 1962 году в Ростовской области.

Окончил 2 курса вуза, но потом был призван на действительную службу в армию. Служил в Чехословакии. Был спортивного телосложения, знал приемы каратэ. «Деды» в армии пытались заставить его плясать под их дудку, но не смогли, он давал сдачи. Тогда ему однажды сделали «темную». Избитый Анищенко покинул территорию части и с помощью знакомых чехов пробрался в американское посольство. Представитель советского посольства при беседе с Владимиром пытался уговорить его вернуться, обещая направить в другую часть. Под воздействием органов и матери, которая написала сыну письмо с просьбой не бросать ее, так как он у нее единственная опора, Анищенко вышел из американского посольства, и его отправили служить под Оренбург. Там он узнал, что его мать умерла от переживаний еще в Чехословакии, куда ее привезли из СССР для встречи с сыном, но встреча почему-то не состоялась, ему передали только письмо, из-за которого он и решил вернуться.

Через некоторое время в армейской газете его части появилась статья с фотографией Владимира, где говорилось о его благополучной службе. Но на самом деле издевательства продолжались, его откровенно вызывали на ответные действия, и когда он дал отпор, применив каратэ, его арестовали. За это в совокупности с попыткой измены родине его приговорили по пункту «а» статьи 64 УК РСФСР к 10 годам колонии строгого режима.

** Содержание статей УК, по которым чаще всего привлекались граждане по политическим обвинениям, а также номера статей, идентичных статьям 64 и 70 УК РСФСР в УК союзных республик, приводятся в Приложении.

Работал Анищенко токарем на станке, но в связи с тем, что он хорошо рисовал, начальство зоны чаще использовало его в оформительской работе. Мы жили с ним и с Володией Свердловым одной коммуной. В связи с тем, что я посылок из дома не получал, Анищенко попросил своего отца посылать для него дополнительные посылки на мое имя, получив на это разрешение начальства, так как он как оформитель находился на особом счету. Мне посылка еще не разрешалась, так как не отбыл половину срока. Я успел получить всего одну посылку от отца Владимира потому, что через год меня перевели в другую зону. Отдал ее Анищенко, и большая часть ее содержимого пошла в общий котел.

С Анищенко связано одно неприятное происшествие в 35 зоне. Поваром был заключенный Алоиз **Зельч**. Это был «лесной брат», ненавидевший русских и старавшийся делать им гадости. Он получил 15 лет по статье 58, пункт 8 УК РСФСР, статьям 59 части 1 и 67 УК Латвийской ССР. Однажды он сварил бычий член и подал Владимиру с гарниром. На вопрос, что это такое, Зельч нагло заявил: «Ничего, не свинья, сожрешь». Тогда Анищенко опрокинул тарелку с горячим варевом ему на голову. Тот закричал, охранники хотели схватить виновника, но мы все встали и заявили, что если этих воров не уберут, мы больше в столовую ходить не будем и объявим голодовку. Зельча на другой день увезли в другую зону, Анищенко наказан не был. Между прочим, новым поваром поставили заключенного **Поздеева** Виталия Михайловича, который получил срок за угон почтового самолета в Турцию. Правительство Турции выдало его нашим властям, он был осужден на 12 лет по статьям 56 часть 1 и 86 часть 1 УК УССР. После назначения поваром Поздеев стал готовить хорошо, вкладывая в котел все полагающиеся продукты. Это не понравилось руководству лагеря, и через три недели Поздеева отстранили. На наши возражения начальник лагеря сказал: «Вы не на курорте». Поваром поставили В.И. Лукина*, и воровство продуктов продолжилось. Иногда приготовленное им приходилось выливать в мусорный бачок, так как есть было невозможно.

Когда я вышел из лагеря на свободу, то переписывался с отцом Анищенко, которого знал заочно. Потом переписка прервалась. Володя после отбытия наказания занялся бизнесом в Москве. В одной из статей Германа Обухова в газете я прочитал, что Анищенко был найден убитым на улице. Мне было очень жаль его.

Бегун Иосиф Зиселевич. Родился в 1932 году.

Инженер-электронщик, кандидат технических наук. Самостоятельно изучил иврит и решил открыть в Москве курсы по изучению этого языка. Когда он пришел в соответствующие органы за разрешением, ему отказали. Бегун стал нелегально помогать изучать иврит евреям, желающим уехать за рубеж. В этом деле значительно преуспел и даже получил какую-то награду в престижном американском университете за пропаганду еврейского языка и сионизма. Но в нашей стране этого делать не разрешалось. Бегуна арестовали 6 ноября 1982 года и отправили в лагерь на 7 лет по статье 70 часть 1 УК РСФСР с последующей ссылкой на 5 лет*.

Взаимоотношения у нас были нормальные, но я не разделял его сионистских идей и никуда не собирался уезжать из СССР. О происшествии с ним незадолго до моего выхода на свободу я расскажу ниже в главе «Освобождение».

Сейчас Бегун живет в Израиле, является главным редактором журнала «Новый век», который недавно стал выходить в Хайфе. Об этом я узнал из израильской газеты «Вести» от 20 марта 2003 года, присланной мне одной знакомой из Израиля.

Бердник Александр Павлович. Родился в 1927 году на Украине.

Писатель-фантаст, член Киевской Хельсинкской группы. Его рост составлял 2 м 4 см. Отбывал срок второй раз. При первой посадке вел себя на зоне достойно. Во второй раз, когда сел по статье 62 часть 2 и статье 70 часть 2 УК УССР на 6 лет, сломался. Видимо, надоело сидеть, и он написал письмо, которое было опубликовано в украинской «Литературной газете». В нем Бердник выступил против своих бывших единомышленников, сравнив их с кукушкой, несущей яйца в чужие гнезда. Его освободили досрочно. Причину освобождения мы узнали уже после его отъезда: в получаемой на зоне по подписке украинцами газете я обнаружил опубликованное это письмо-донос. Он был хороший художник, рисовал плакаты и портреты вождей к датам красного календаря. Помню три его картины: большой плакат к 60-летию СССР, портрет Ленина с очень злым выражением лица, и

* Лукин Виктор Иванович, 1955 г.р., осужден по ст.64 п. «а» УК РСФСР к 10 годам лагерей.

* И.Бегун ранее дважды отбывал ссылку по политическим мотивам: в 1977-1978 и 1978-1980 г.г.

мальчик, играющий звездами в Космосе. Я с Бердником практически не контактировал из-за его откровенно антисемитских взглядов. Его письмо в газету особого удивления у меня не вызвало. После освобождения Бердник организовал на Украине какую-то партию националистического толка. Был одним из участников антидиссидентского документального фильма (по-моему, он назывался «Заговор против страны Советов»), показанного по телевидению в середине 1980-х. Я видел этот фильм по телевидению, мне запомнился эпизод из фильма: по берегу Днепра идет Бердник с мальчиком, они молча проходят мимо бандуриста, который играет какую-то душещипательную мелодию.

Бобарыкин Николай Григорьевич. Родился в 1932 году.

Был дьяконом общины пятидесятников. Я считал, что он сидит за религиозную агитацию и пропаганду, и только получив списки от Пестова, узнал, что он был осужден по 1 части статьи 70 УК РСФСР к 6 годам лагеря и 5 годам ссылки*.

Исключительно порядочный и добрый человек. Сразу же после моего появления на зоне он, даже зная, что я атеист, принес безо всякой просьбы с моей стороны теплый бушлат. Для меня бушлат был очень длинный, как пальто, и в холодные дни я им укрывался. Благотворительность Николая Григорьевича была очень трогательна. Он раздавал всем нуждающимся содержимое посылок, которые получал от родственников. В семье у него было 10 детей. Бобарыкин был «подельником» Горетого и вместе с ним и другими пятидесятниками после освобождения уехал в Канаду.

Богачев Владимир Владимирович. Родился в 1958 году.

Арестован во время прохождения срочной службы. Часть, в которой он служил, находилась в одной из стран Варшавского договора. В ее обязанности входило задерживать советских солдат, покинувших свои подразделения. Володя рассказывал мне, что во время службы были случаи продажи солдатами местным жителям целых цинков (металлических ящичков) с патронами, а иногда и автоматов, украденных у своих товарищей. Владелец автомата попадал в дисциплинарный батальон, а воры получали деньги. У офицеров, служивших два года после окончания вуза и называемых «волчками», солдаты воровали продовольственные пайки. Никого из воровавших боеприпасы и пайки так и не поймали.

При одном из медицинских осмотров у Богачева обнаружили плоскостопие, и он был переведен в штаб писарем. Ему пришла в голову «блестящая» идея подзаработать на секретных документах, проходивших через его руки. Владимир стал старательно переписывать их в записную книжку. Когда Богачев решил, что пора с собранными секретными сведениями уходить через западную границу, он стал искать напарника. Договорился с одним из солдат, посулив ему, что за границей они будут жить хорошо, продав собранные им секретные сведения. Тот согласился. Но тут к ним в часть на гастроли приехала артистка Касаткина. Ей показали художественную самодеятельность, в которой принимал участие и этот солдат. После концерта солдат с букетом цветов подошел к Касаткиной и попросил посодействовать в поступлении в театральное училище. Она обещала помочь. Вскоре солдат съездил на побывку домой, и всякое желание совершать побег у него пропало. Он пошел к командиру и выдал Богачева. Военный трибунал осудил Володю по статье 64 пункт «а» УК РСФСР к 7 годам заключения – ниже минимального срока за это преступление. Видимо, учли, что он только готовился совершить побег и секреты не попали врагу.

Надо отметить, что на зоне Владимир трудолюбивым не отличался и спрашивал у меня, как уйти от станка, к которому его приставили. Я в шутку посоветовал сказать мастеру, что у него кружится голова, когда он смотрит на вращающийся патрон токарного станка. Владимир пошел к мастеру с этой жалобой, и его действительно перевели на уборку стружки. Конечно, мастер не поверил высокому крепкому Богачеву, но кто-то должен был убирать стружку. Освободили его из лагеря досрочно по заявлению о помиловании уже после моего выхода из зоны.

Ведута Богдан Иванович. Родился в 1949 году во Львове.

Служил в пограничных войсках на границе с Ираном. За отличную службу начальство назначило его старшим нарядом. Тем не менее, Ведута связался с контрабандистами и переводил их через границу в известных ему местах. Деньги за это ему переводили на заграничный счет в банке. Богдан рассказывал, что бойцов, с которыми он проверял границу, направлял в разные стороны, а сам в это

* В 1961-1966 г.г. Н.Бобарыкин был в заключении за религиозную деятельность.

время переводил контрабандистов и заметал за ними следы. Все шло хорошо, пока не пришла пора демобилизации. Контрабандисты забеспокоились. Они подобрали из числа молодых солдат замену и направили к Ведуте, чтобы тот подучил его и указал места, наиболее удобные для перехода границы. Богдан стал его обучать. Но вот однажды, когда он возвращался с наряда, увидел в открытом окне кабинета замполита этого солдата, который что-то рассказывал, а, заметив подходившего Ведуту, показал на него рукой. Затем солдат выскочил на крыльцо с пистолетом в руке и выстрелил в его сторону, но промахнулся. Богдан же из своего автомата не промахнулся и, вскочив на коня, поскакал в сторону границы. Пограничники преследовали его по территории Ирана километров на 60 в глубь страны. Ведута стрелял по лошадям, убил несколько лошадей, и преследователи отстали. Загнав своего коня, он пошел дальше пешком. Питался в дороге той пищей, которую по мусульманскому обычаю принято оставлять на перекрестке для дервишей, паломников.

Так он дошел до Тегерана в военной форме с автоматом, и никто его не остановил даже в людном городе. Он искал американское посольство. Потом Ведуту стали окружать иранские полицейские (видимо, кто-то из нашего посольства сообщил о его побеге). Сопrotивляться он не стал, положил автомат. Его поместили в местную тюрьму. На допросе он сказал, что хотел просить политического убежища у американцев, и ему ответили, что ночью он прошел мимо американской базы, не заметив ее. Через месяц его передали представителю советского посольства, так как у Ирана времен шаха была договоренность о выдаче перебежчиков. Ведуту судили. На следствии он узнал, что солдат, которого он ранил, умер. Богдану начислили к уплате ущерб за убитых лошадей в несколько десятков тысяч. Военный трибунал по совокупности преступлений приговорил его к смертной казни и в связи с этим снял штраф. Год он просидел в камере смертника, но затем высшая инстанция его помиловала и заменила расстрел 15 годами лагеря по статьям 107, 286 пункт «а», 250 часть 2 и статье 62 часть 1 УК Туркменской ССР. Видимо, учли, что погибший солдат стрелял первым без предупреждения. А штраф, к счастью Ведуты, так и остался снятым. Это был примерно 1967 год. Часть срока Ведута просидел в тюрьме, а потом вышел в зону.

Впервые я услышал о нем в 1981 году в 35 зоне от Володи Богачева. Меня очень заинтересовал сам факт его хождения по городу Тегерану в советском армейском обмундировании и с автоматом. Встретился я с Ведутой уже в 37 зоне, и он подтвердил все, что рассказал Богачев, и пошутил, что открывает курсы по переходу границы, и предложил поступить на них. Оценив его шутку, я отказался. Через некоторое время Богдана перевели в «малую» зону, и мы по-дружески с ним распрощались. После освобождения Ведуту по этапу отправили под административный надзор в Измаил, куда переселились к тому времени его родственники. Одному из солагерников – Мельникову из «малой зоны» – пришло от него письмо. Он писал, что все равно уйдет за границу, где его ждет хороший счет в банке. Побег ему, вероятно, удался, потому что всех, кто общался с ним в «малой» зоне, вызывали на допросы, пытались узнать, говорил ли Ведута с кем-нибудь о своих намерениях.

Волохонский Лев Яковлевич. Родился в 1945 году.

Учился на геологическом факультете ЛГУ, но диплом не защитил. Работать пришлось геологом, кочегаром, лесорубом, шофером, лифтером. Знание жизни простых людей подтолкнуло его к основанию СМОТа (Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся).

Первый раз Волохонского арестовали через четыре дня после того, как он побывал в Москве в квартире Марка Морозова, и где было объявлено об основании СМОТа. Недаром я подозревал из рассказов связанных с Морозовым заключенных, что на квартире у него был установлен «жучок» или кто-то из его окружения был стукачом. В марте 1979 года Волохонскому было предъявлено обвинение по статье 190 «прим» УК РСФСР, и Ленгорсуд приговорил его к 2 годам заключения.

На свободе Волохонский пробыл только полтора года, и вновь был арестован по той же статье. В 1982 году следственные органы переквалифицировали статью 190 «прим» на статью 70 УК РСФСР. Он получил 5 лет колонии строгого режима с последующей ссылкой на 4 года, и был направлен в Пермские лагеря. Там в 37 зоне и состоялась наша встреча. Общались мы редко, так как он не работал в промзоне, а СМОТ меня мало интересовал.

Лев Волохонский был освобожден в 1987 году досрочно по Указу ПВС СССР «О помиловании», ссылку не отбывал. В 2003 году умер в Москве.

Гаврилюк Владимир Анастасьевич. Родился в 1921 году на Украине.

За службу у немцев во время Великой Отечественной войны был приговорен к 15 годам лагерей по статьям 56 часть 1 и 194 часть 2 УК УССР. В зоне работал распределителем работ. Именно его я первым встретил, попав в 35 зону. Он выдал мне постельное белье и рабочую спецодежду. Через некоторое время Гаврилюк спросил у меня о впечатлении от зоны. И я, по существу имея в виду Марка Морозова, сказал, что это смесь дурдома и детского сада. Гаврилюк со мной согласился.

Больше наши пути в зоне не пересекались. Находясь уже в 37 зоне, я узнал, что Гаврилюк умер – остановилось сердце, когда мылся в душе в день своего освобождения. В зоне его уже ждали приехавшие за ним родственники.

Гаджиев Камил Магомедович. Родился в 1906 году в Дагестане, по национальности аварец, исповедовал ислам.

Во время войны добровольно сдался в плен. Служил у немцев в мусульманском батальоне, участвовал в карательных операциях. Первый срок Гаджиев получил после войны – 10 лет за измену родине. В брежневские времена он вновь был арестован за то же преступление, и должен был «досиживать» до 15 лет – срока, который стали давать всем изменникам родины. В лагере постоянно читал Коран на арабском языке, бормоча молитвы. В связи с преклонным возрастом не работал. Его несколько раз из зоны возили на судебные процессы над вновь пойманными немецкими прислужниками, и он выступал «свидетелем» их злодеяний. Однажды после одной из таких «командировок» я спросил Гаджиева, действительно ли он был свидетелем преступлений всех этих людей. Он ответил, что никого из них раньше не видел, но так велел ему полковник. Ведь все они неверные (гяуры), и чем больше он их уничтожит таким образом, то есть руками таких же неверных, тем вероятнее попадет в рай. В зоне у Гаджиева случился инсульт, его забрали в больницу. Освободили досрочно по болезни. За ним приехали сыновья и увезли на родину.

Гогия Сулико (Зураб) Сергеевич. Родился в 1946 году в городе Рустави.

Окончил исторический факультет Тбилисского университета, был главным редактором газеты в Рустави. Участник многочисленных выступлений жителей города в связи с принятием «Брежневской» конституции в 1977 году, на которых они требовали, чтобы вторым официальным языком (после русского) в конституции Грузинской ССР был записан грузинский язык. Гогия состоял в нелегальной организации, которая занималась распространением антисоветских листовок. В то время первым секретарем ЦК КП Грузии был Э.А. Шеварнадзе. Несмотря на то, что Брежнев был против, Грузинская и Армянская ССР внесли в свои конституции пункт о втором языке – национальном. Но через пару лет активисты этого движения были арестованы, в том числе Гогия и его подельник Читава в марте 1980 г. (О Читаве смотри ниже). Осуждено три человека, Гогия получил по статье 71 часть 1 УК Грузинской ССР 6 лет лагерей строгого режима и 3 года ссылки.

В зоне Гогия работал на разных работах, в том числе плел на специальном станке металлические сетки для кроличьих клеток. Он пытался писать исторический роман на основе малоизвестных эпизодов грузинской истории. Великолепные иллюстрации к его будущей книге сделал кандидат искусствоведения А.А. Манучарян (о нем также будет написано ниже).

На зоне Гогия выращивал кинзу, мы с ним меняли чай на острый перец у тех, кто его выращивал, и Зураб делал острую приправу. Отношения у нас были хорошие, дружеские.

В 1991 году Гогия приезжал в Ленинград на встречу бывших политзаключенных. Он состоял в Народном фронте Грузии, разошелся во взглядах с Читавой, который поддерживал Звиада Гамсахурдиа – президента Грузии в то время.

Горетой Николай Петрович. Родился в 1921 году.

Во время войны был водителем грузовика, участвовал в перевозках по ленд-лизу американских грузов через Иран. На их машины часто совершались нападения со стороны враждебно настроенного населения. Горетой мне рассказывал, что в поездках молился Богу, прося спасти его, и обещал после войны посвятить себя Ему. Николай искренне верил, что остался жив благодаря помощи Бога. Сдержав обет, он создал в Барнауле общину пятидесятников, стал пресвитером. Так как верующие подвергались гонениям со стороны властей, Горетой решил вместе со своими единомышленниками выехать за рубеж, пообещав им всяческие блага в Америке, и написал президенту Дж. Картеру письмо с просьбой предоставить им политическое убежище. Пятидесятники распродали свое имущество и поехали в порт Находка, где несколько дней тщетно ждали «белые корабли», которые

якобы должны были увезти их в землю обетованную. Корабли не пришли, а пресвитера Горетого и дьякона Бобарыкина за религиозную пропаганду отправили отбывать срок в лагеря*. После отбытия наказания Горетой с остатками общины уехал в Краснодарский край. Когда мы встретились на зоне, это была его вторая ходка. По статье 70 часть 1 УК РСФСР он получил 7 лет в колонии строгого режима и 5 лет ссылки*.

Перебирая домашний архив после выхода на свободу, я нашел в журнале «Человек и закон» № 3 за 1980 год статью В. Коники «Прикрываясь именем бога...». В ней много говорилось о пятидесятнике Горетом. Например, такой абзац: «Стремясь создать видимость, что в капиталистические страны хочет выехать значительное количество советских граждан, отдельные прислужники миссии, подобные Горетому, оказывают на рядовых верующих психологическое давление с целью заставить их написать заявления о желании выехать из СССР».

Находясь на зоне, Горетой рисовал пейзажи, натюрморты и портреты. На его полотнах обычно были изображены вода, лес и олени. Во всех помещениях жилого сектора висели его картины. Как рассказывал мне Николай, он окончил художественную школу. Взаимоотношения у нас сложились хорошие, он даже несколько раз просил меня отредактировать его стихотворные послания, написанные на основе Евангелия для паствы. Но то, что я однажды прочитал в его письме, которое правил, повергло меня в шок. Почти дословно: «Дорогие братья и сестры! Живу я среди бандитов, разбойников и психически неполноценных людей...». Я ему сказал, что так писать об окружающих некрасиво, а если он пишет для гзбистов, то бесполезно, так как они его и так хорошо знают, ведь он сидит второй срок. Вначале он удивился, но потом со мной согласился. Больше он меня не приглашал корректировать его стихи и письма.

После освобождения Горетой с другими членами общины уехал в Канаду, где вскоре умер.

Долинин Вячеслав Эммануилович. Родился в 1946 году в Ленинграде.

Закончил заочное отделение экономического факультета Ленинградского технологического института целлюлозно-бумажной промышленности. Занимался журналистикой, редактировал подпольный информационный бюллетень СМОТа, печатал статьи в ряде независимых изданий, участвовал в религиозно-философском семинаре. Работал экономистом, токарем, механиком, кочегаром.

Арестован в 1982 году за авторство статей в самиздате и распространение запрещенной литературы, в частности «Архипелага ГУЛАГ»; за участие в выпуске бюллетеня СМОТа. Получил в марте 1983 года 4 года лагерей и 2 года ссылки по статье 70 часть 1 УК РСФСР. Срок отбывал в Пермских лагерях, где мы и познакомились. На зоне Вячеслав работал токарем, грузчиком, а потом кочегаром. Участвовал во всех акциях протеста, несколько раз сидел в штрафном изоляторе. У нас сложились хорошие товарищеские отношения. Он давал мне читать письма Елены Пудовкиной с ее стихами, которые она, будучи его женой, посылала на зону.

В феврале 1987 года Вячеслав Долинин освобожден из ссылки в республике Коми по Указу ПВС СССР «О помиловании» вместе с большой группой политзаключенных. После освобождения он участвовал в создании Ленинградского Народного фронта. Один из авторов-составителей книги «Самиздат» по материалам конференции «30 лет независимой печати» (1993 год) и книги «Сумма», в которой собраны материалы машинописного реферативного журнала, выходившего подпольно с 1979 по 1982 год. Кроме того, Долинин является одним из авторов-составителей вышедшей в 2003 году литературной энциклопедии «Самиздат Ленинграда». Член редколлегии журнала «Посев». В то же время продолжает работать оператором котельной в Санкт-Петербурге. В 2005 году написал книгу «Не столь отдаленная кочегарка».

Дюкарев Михаил Николаевич. Родился в 1955 году.

Проходил срочную службу на границе с Ираном в строительной команде. Однажды, уже накануне демобилизации, решил посмотреть, что из себя представляет за граница, чтобы было о чем рассказать дома. Перейдя границу, наткнулся на иранских пограничников. Они ему на ломаном русском объяснили, что он заблудился и нужно идти назад. А Михаил вдруг поднял руки и сказал: «Хочу к вам». Он сам толком не мог объяснить, как это получилось. Потом с ним разговаривали

* В 1960-х годах Горетой получил 6 лет лагерей за религиозную деятельность.

* Срок получен за составление документов с требованиями об эмиграции пятидесятников и передачу их иностранным корреспондентам и американским дипломатам.

представители с нашей стороны, но Дюкарев, испугавшись наказания за незаконный переход границы, отказался вернуться. Иранцы передали его американцам, которые вывезли его в США. Поскольку Михаил ничего интересующего ЦРУ не знал, его передали Толстовскому фонду в Нью-Йорке. Там его определили на работу санитаром в хоспис. Хотя платили хорошо, но больше десяти месяцев ухода за умирающими он не вынес и пошел учиться на таксиста. За шесть лет жизни в Америке Дюкарев не приобрел даже минимальных знаний английского языка, поэтому купил план города Нью-Йорка, и ему указывали на плане место, куда нужно ехать. Он не завел ни семьи, ни друзей, и такая жизнь ему надоела. Дюкарев поехал в советское посольство и попросил помочь вернуться на родину.

Родина встретила его тюрьмой. Его судил Военный трибунал по статьям 57 часть 1 пункт «а» и 242 УК Азербайджанской ССР (по месту его службы) и приговорил к 12 годам колонии строгого режима.

С Дюкаревым я встретился в 35 зоне в 1982 году. Он работал токарем, наши станки стояли рядом. Это был спокойный и малообщительный парень, но мы с ним нашли общий язык. Михаил рассказал мне обо всех перипетиях своей жизни. На мой вопрос, зачем вернулся, он ответил, что не мог там больше оставаться и рассчитывал получить только 2 – 3 года за незаконный переход границы.

Когда я находился уже в 37 зоне, переведенные из 35 зоны заключенные рассказали мне, что Михаил повесился. Оказалось, что, отсидев три года в заключении, он подал прошение о помиловании. Ему было отказано, и он покончил жизнь самоубийством. Позже я посвятил ему стихотворение «Дюкареву», публикуемое ниже. В 1992 году, находясь на территории Пермских лагерей по приглашению местного «Мемориала», мы посетили кладбище, где хоронили и заключенных тоже. К сожалению, его могилы найти не смогли, так как на столбиках прибиты дощечки без фамилий, только с номером. Об этом посещении мною было написано стихотворение «Зэковское кладбище».

Егиазарян Самвел Элибекович. Родился в 1958 году в Армении.

Работал металлургом на заводе. Арестован за то, что входил в Союз молодых дашнаков, призывавших к расправе с «турками» (турками они называли азербайджанцев, захвативших у Армении Нахичевань и Нагорный Карабах). Эта группа успела собраться несколько раз, и их кто-то выдал. Вся группа была, по словам Егиазаряна, арестована, но в Пермских лагерях я его подельников не встречал*. Самвел сидел по статьям 65 часть 1 и 67 УК Армянской ССР. В промзоне он вместе с Гогия плел металлические сетки для кроличьих клеток. Он был простым добрым парнем, у нас сложились дружеские взаимоотношения. Мы общались сначала в 35 зоне, потом в 37. Когда я выходил на свободу, у меня собралось большое количество газетных и журнальных вырезок и купленных в книжной лавке книг, и Егиазарян отдал мне свой вещевой мешок, который я впоследствии передал в музейный фонд «Мемориала». Дальнейшей судьбы Самвела я, к сожалению, не знаю.

Ермаков Георгий Иванович. Родился в 1931 году.

Морской радиоинженер. Первый срок получил за критические отзывы, которые писал в газеты на различные публикации. Писал анонимно, но достаточно резко. Одним из его псевдонимов был «Веревкин-Удавкин». Копии своих отзывов оставлял у себя дома. Однажды он поругался с женой, и она, решив ему отомстить, отнесла эти копии в милицию. Срок – 4 года – он получил по статье 70 часть 1 УК РСФСР. Вышел досрочно по амнистии, развелся с женой и с новой подругой жизни уехал в Люберцы. Но на этом Ермаков не утомился, стал собирать острые слова, выражения и анекдоты на политические темы. Все это заносил в толстую тетрадь, которую особенно не прятал. Эта улика ждала своего часа. Очередная ссора с женой – и тетрадь попала в руки органов. Теперь он был осужден по второй части статьи 70 и первой части статьи 196 (клевета) на 4,5 года, и опять попадает в 35 зону Пермских лагерей. Это было в 1982 году. Рассказывая мне о своей жизни, Ермаков жаловался, что за чужие слова и мысли можно получить срок.

Лагерный срок Георгий отсидел от звонка до звонка. Был освобожден из ссылки в Кара-Калпакии в 1987 году по Указу «О помиловании». После освобождения жил в Ленинграде у дочери, потом получил комнату в коммуналке. Работал точильщиком режущего инструмента, расхаживая с

* Подельники Егиазаряна: О.Агабабян, М.Арутюнян, В.Арутюнян и И. Мкртчян.

точильным станком по городу. Мы долгое время встречались на проводимых «Мемориалом» мероприятиях. После инсульта он перестал появляться в «Мемориале».

Казачков Михаил Петрович. Родился в 1944 году в Ленинграде.

После окончания вуза работал в Физико-техническом институте им. Иоффе.

Была у Михаила светлая мечта: уехать за рубеж и увезти коллекцию живописи, которую собрали отец и два дяди. Однажды, прогуливая собаку на собачьей площадке, он встретился с таким же собачником, который оказался вице-консулом Лофтиным из расположенного поблизости американского консульства. Они познакомились и стали встречаться. Казачков попросил вице-консула оказать ему помощь в отъезде за границу с коллекцией. Тот обещал помочь. В процессе общения с американцем Казачков попал в поле зрения тех гэбэшников, которые по долгу службы наблюдали за консульством. Как рассказывал мне на зоне Казачков, он был арестован потому, что руководство органов искало способ изъятия принадлежащей ему коллекции живописи. Коллекцию при аресте действительно конфисковали. Судили Михаила 1 октября 1976 года в Ленгорсуде (судья Исакова) сразу по нескольким статьям УК РСФСР: 64 пункт «а» (измена Родине), 78 (контрабанда), 15-78 (приготовление к контрабанде), 88 часть 1 (нарушение правил о валютных операциях), 154 часть 2 (спекуляция) и приговорили к 15 годам строгого режима. Так он оказался в Пермских лагерях. Матери Михаила потом удалось вернуть часть конфискованной коллекции.

В зоне Михаил повел свою борьбу с администрацией. Неоднократно сидел в ШИЗО и ПКТ. Голодовку объявлял по разным поводам, считая, что ущемляются его права. Когда его лишили переписки с матерью из-за «условностей в тексте его писем», он объявил очередную голодовку. Считая несправедливым решение администрации, мы поддержали голодовку коллективом человек в 16. Но, узнав, что коллективная голодовка была объявлена в его поддержку, Казачков потребовал прекратить ее, заявив, что за свои права он должен бороться сам.

Из-за его неуживчивого характера администрация предпочитала видеть его в ШИЗО, поэтому специально устраивала ему провокации. Например, выпустив его вечером из ШИЗО, отправляют на кухню мыть посуду, а воду отключают. Казачков на вечерней поверке заявляет, что вода выключена, и посуда к утру будет невымытой. Его снова отправляют в ШИЗО «за отказ от работы», а на кухню посылают другого зэка и включают воду. Казачков открыто говорил, что собирается выехать за рубеж как подвергающийся гонениям борец за права человека.

Пока Михаил еще находился в зоне, на воле был создан комитет по его освобождению, куда входили работники его института, представители общественности. В зоне, где он сидел, в 1985 году была организована встреча с журналистами, и фильм с записью интервью с Казачковым показывали в Доме журналистов в Ленинграде. Там же выступала его мать с рассказом о сыне, благодарила за поддержку. Я был там и познакомился с ней. После всей шумихи его освободили на несколько месяцев раньше основного срока и сняли дополнительный срок (кажется, 3 года), который он получил уже в зоне.

Когда Казачков освободился, различные средства массовой информации охотно печатали его статьи. Некоторые из них есть у меня в архиве. Однажды ко мне в руки попала еврейская газета «Народ мой» с его статьей «Евреи в ГУЛАГе». В ней, между прочим, говорилось о том, что Казачков якобы помог мне лично в одной достаточно неприятной ситуации, случившейся в зоне. Хотя в это время, я знаю точно, он находился в СИЗО и как-то повлиять на ситуацию вряд ли мог. А дело было вот в чем. Один из зэков, Виктор Иванович **Тарасенко**^{*}, долгое время провел в уголовном лагере. В его зоне произошел бунт «мужиков» (по статусу уголовного мира воры в законе не должны работать, работают «мужики»), которым надоели вечные поборы со стороны воров. Они сделали ножи и заточки и стали их убивать. Спасая свою жизнь, Тарасенко убежал на «запретку». Стрелять с вышки в него не стали, а перевезли в другую уголовную зону, где его также должна была настичь смерть. Тарасенко решился на отчаянный поступок: попасть в политический лагерь. Он разбросал несколько листовок, оканчивающихся словами «Смерть Брежневу!» Состоялся суд, и ему по ст.70 УК РСФСР дали 7 лет строгого режима и перевели в Пермские лагеря. Все его замашки, приобретенные в уголовном лагере, где он был «шестеркой» у воров в законе, он пытался применять у нас в зоне.

^{*} Отец Тарасенко из бывших казаков атамана Дутова, которые ушли в Монголию и там служили в армии. Виктор Иванович закончил пограничное училище в Монголии и стал служить на границе с СССР. Переводил через границу контрабандистов. Во время одного из переходов был ранен при перестрелке на советской территории и попал в плен. Возможно, он убил кого-то из советских пограничников, так как получил большой срок ИТЛ. Долгое время сидел в уголовном лагере. По словам Виктора Тарасенко, его общий срок был равен 27 годам.

Однажды Тарасенко приходит ко мне и говорит, что мне пришла посылка. Я пошел в свою комнату, хотя знал, что посылок мне никто не присылает. На тумбочке лежал пакет, перевязанный шпагатом, как посылка. Когда я его развернул, там оказалось грязное женское белье. Я понял, что значит этот намек, и выкинул содержимое упаковки в туалет. Вернувшись обратно, спросил у Тарасенко, где посылка. Тот сказал, что лежала на тумбочке. Я ответил, что там ничего нет, и что он мне соврал. Через некоторое время в комнате, где мы смотрели телевизор, произошел другой случай, связанный опять же с ним. Он подошел и неожиданно сел ко мне на колени. Я попросил его слезть, но он не отреагировал и стал смотреть по сторонам, как победитель. Тогда я схватил его за руку и за шиворот и отшвырнул в сторону. Вместе с ним упало два ряда пустых кресел. Тогда он вскочил и с кулаками хотел кинуться на меня, но ребята схватили его за руки. Я ему спокойно сказал: «Я же попросил тебя слезть», – и ушел. Он догнал меня и спросил: «Ты что, обиделся на меня?». Я ответил, что нет. Больше никаких поползновений в отношении меня он никогда себе не позволял.

Эти два случая описывает Казачков в статье «Евреи в ГУЛАГе» как провокацию КГБ в отношении меня, и подчеркивает, что он заступился за меня, и только поэтому Тарасенко больше ко мне не приставал. Я позвонил редактору газеты и сказал, что Казачков никакого отношения к описанным случаям не имеет, и впредь прошу ничего обо мне не печатать, не показав текст заранее. Редактор ответил, что Казачков живет уже за рубежом, и предложил побеседовать с корреспондентом газеты. Мы встретились с ним в Еврейском обществе, и он стал спрашивать о моем отношении к сионизму, к отъезду на «историческую родину». Получив отрицательные ответы, перестал мною интересоваться. Однажды одна моя знакомая попросила дать ей мое стихотворение, написанное на смерть Г.В. Старовойтовой, чтобы опубликовать в газете «Народ мой». Я дал стихотворение, но предупредил, что его не напечатают. Так оно и получилось.

После перестройки Казачков уехал в Америку.

Калеп Вельо Александрович. Родился в 1934 году в Эстонии.

Сельский архитектор (проектировщик сельскохозяйственных построек), состоял в одной из диссидентских организаций в Эстонии. Однажды, набравшись храбрости, позвонил в местный КГБ и, назвав себя, заявил, что нельзя так угнетать маленький эстонский народ. Его пригласили для беседы. В итоге своего поступка он получил 4 года лагерей по статье 68 часть 1 УК ЭССР. Я с ним встретился в 35 зоне в конце 1981 года. О нем мне рассказали интересную байку. Однажды выстроили эзков и спросили, кто из них художник или архитектор. Отозвался Калеп. Ему дали кисти и краску и велели покрасить стены в комнатах жилого корпуса. Он старательно работал, пока не кончилась краска. Тогда он подошел к начальнику, поручившему ему эту работу, и сказал со своим характерным прибалтийским акцентом, чтобы тот не расстраивался, он напишет своим друзьям-диссидентам, и они за счет организации пришлют краску из Эстонии. Услышавшие это заключенные посмеялись над ним и сказали, что пусть лучше его организация пришлет нам колбасу. Вообще Калеп был тугодум, шутки до него доходили с трудом. Зато свои убеждения он менял быстро: утром он мог быть демократом, а к вечеру – монархистом.

После зоны Калеп уехал в Швецию, где стал работать по специальности.

Квецко Дмитрий Николаевич. Родился в 1935 году на Украине.

По образованию учитель, работал в сельской школе в Западной Украине. Однажды во время экскурсии со школьниками они обнаружили в горах заброшенный бандеровский схрон, где было большое количество националистической литературы. Квецко стал перепечатывать ее и распространять. За это, а может быть, было за ним что-нибудь еще, по статьям 56 часть 1 и 64 УК УССР он получил 15 лет строгого режима и 5 лет ссылки. По другим источникам, он сидел за создание Национального фронта на Украине и написание статей в самиздатском журнале «Воля и батькивщина».

Квецко был невысокий, полный, даже какой-то рыхлый. Мне запомнилось, что он постоянно собирал и сушил лекарственные травы, делал из свежих трав витаминные салаты. От него я научился употреблять в пищу одуванчики, крапиву, тысячелистник и пр. При мне у Дмитрия закончился срок, и он уехал в ссылку.

Квило Харальд Аугустович. Родился в 1928 году в Эстонии.

Один из последних «лесных братьев» Эстонии. Сонным во время облавы его вытащили из схрона. Все его товарищи по оружию были либо убиты, либо схвачены, либо сдались сами. За вооруженную борьбу с режимом он получил 25 лет (смертная казнь была отменена в мае 1947 года) по статье 58 часть 1 «а», 8 и 11 УК РСФСР. В зоне он был заточником, точил резцы, фрезы. Был хорошим работником, делал все качественно. В последний год перед выходом на свободу он сильно переживал, что после 25 лет колонии ему будет трудно привыкать к новой жизни на воле. К тому же его все время провоцировали и по любому поводу сажали в СИЗО, чтобы не выпускать на свободу самостоятельно, а отправить по этапу. Так, в конце концов, его по этапу и отправили прямо из СИЗО, я даже не смог с ним попрощаться. В Эстонии его встречала у ворот КГБ с цветами группа националистов, для которых он был национальным героем. А Кивило вывели черным ходом и в машине увезли в Латвию. Там Харальда и вынудили остаться, он поселился недалеко от границы с Эстонией. Женился Кивило на женщине с ребенком подросткового возраста, с которым не нашел общего языка. Он стал жить в лесу и разводить пчел. Именно о такой жизни он мечтал в лагере, когда думал об освобождении.

Колпакбаев Ахметжан Ходжабаевич. Родился в 1960 году в Туркмении.

По национальности казах, принадлежал к младшему жузу (союз племен). Старший и средний жузы испокон веков преследовали представителей младшего жуза, и тем приходилось убегать от притеснений в Туркмению. Так его предки и оказались там. Он хвалился, что его предок командовал охранной сотней у хивинского хана.

С детства Колпакбаев был религиозен и настроен националистически. Его мать работала заведующей РОНО. Во время Первомайской демонстрации он вывел первоклассников, где был вожатым, в зеленой одежде (цвет знамени ислама). Националисты были в восторге и кричали: «Аллах Акбар!». После прохождения колонны милиция загнала детей во двор и стала расспрашивать, кто их научил. Дети указали на Ахметжана, и он был арестован. Матери удалось его «отмазать», но он был поставлен на учет в милиции. Будучи призванным в армию и проходя службу в Сарапуле Удмуртской АССР, Колпакбаев был назначен водителем танка. Однажды во время учебных маневров его танк взбирался на гору. Ахметжан не справился с управлением, танк стал сползать назад, сбил командирскую машину и ткнулся в жилой дом. Его вытащили из танка и отправили на гауптвахту. Повстречавшийся им по дороге командир дивизии разобрался в ситуации и отменил наказание, посчитав причиной действий водителя его неопытность. Видимо, потом командир раскаялся в этом. Оказалось, что: «17 декабря 1981 года в 13 часов 30 минут в городе Сарапуле Удмуртской АССР военнослужащие Советской армии рядовые Мельников А.Г., 1962 года рождения, и Колпакбаев А.Х., 1960 года рождения, покинули свой пост и, вооруженные двумя автоматами Калашникова со 120 патронами, в средней школе № 12 захватили в качестве заложников 25 учеников 10 класса. Выдвинув требование выдать им заграничные паспорта, визы на выезд и отправить их самолетом в США или любую другую капиталистическую страну, угрожали в противном случае расстрелять заложников». (Из статьи в «Литературной газете – Досье» № 2 за 1991 год*.) За это Колпакбаев получил 12 лет колонии строгого режима по статье 15-64 пункт «а» УК РСФСР. Об этих событиях рассказывалось в документальном фильме, снятом в 2003 году в связи с тем, что это был первый случай захвата заложниками детей.

Я встретился с Колпакбаевым в 1982 году в 35 зоне, когда он прибыл в Пермские лагеря. В одном из разговоров с ним я спросил о захвате заложников, и он мне объяснил, что в то время сидел на гауптвахте, и ему пришла в голову мысль сбежать за границу. Охранником на «губе» был Александр Геннадиевич **Мельников**, и Ахметжан сагитировал его на побег. Они взяли в оружейной комнате автоматы и отправились в соседнюю школу, решив взять детей в заложники. Как сказал мне Ахметжан, он, конечно, не стал бы стрелять в заложников. При задержании Мельников сдал автомат не сопротивляясь, поэтому и получил 6 лет ИТЛ, а Колпакбаев вел какую-то агитацию среди захваченных школьников, к тому же по просьбе ребят один раз выстрелил в потолок. Поэтому срок получил вдвое больший. Возможно, суд учел и то, что он отговаривал солдат-мусульман от принятия присяги.

Александр Геннадиевич Мельников работал в лагере электриком, поэтому бывал по служебной необходимости во всех зонах.

Лещинский Николай Адамович. Родился в 1925 году в Белоруссии.

* Заметка посвящена 10-летию описанного события.

Когда в Белоруссию пришли фашисты, Николай был еще несовершеннолетним. Немцы боялись партизан, поэтому дали Николаю ружье без мушки и велели обходить село и докладывать, если заметит посторонних. Позже зачислили в полицию, и он должен был охранять железную дорогу. Делал Лещинский это под страхом расправы с матерью и сестрой. После окончания войны Николай был арестован, осужден на 5 лет по статье 61 часть 1 УК БССР и отправлен на Колыму. Их везли в трюме баржи, битком набитом заключенными, и умершие люди стояли вместе с живыми, так как упасть было некуда. Отхожих мест не было, на оправку не выпускали. Когда заключенных привезли на место, то живых обмывали водой из шланга, а мертвых кидали в воду.

Лещинский отбыл на Колыме 5 лет. Получив по «брежневским» законам дополнительные 10 лет за те же преступления по статье 61 часть 1 УК БССР, он попал в Пермские лагеря.

В 35 зоне мы сидели вместе только один год. Однажды он рассказал мне, что на Колыме библиотекарем работала женщина, которую звали, как ему сказали, Фанни Каплан. Это, наверняка, одна из многих легенд.

Лещинский показывал мне газету «Советская Белоруссия», в которой описан процесс по его и других политикам делу, где было сказано, что у него руки по локоть в крови. Николай уверял меня, что это неправда, он никого не убивал. Возможно, так оно и было.

Магдеев Роберт Билялович. Родился в 1958 году.

Когда служил в армии, оставил свою часть и сбежал за границу. Как это ему удалось, он не рассказывал. Побывав в Турции и Италии, он через американское посольство получил визу для въезда в США, но не решился уехать так далеко от своей родной деревни и обратился в советское посольство в Италии, предложив свои услуги. Но его услуги не потребовались, его вернули по месту службы и судили. Получил 12 лет по статье 65 часть 1 УК Груз. ССР. В Пермском лагере Роберт был киномехаником. Однажды он написал письмо в «Литературную газету» с характеристиками тех политзаключенных, которые с ним сидели. Когда я появился в 37 зоне, с Магдеевым большинство эков не разговаривало, ему была объявлена обструкция. Я поинтересовался, что он совершил. Мне рассказали, что его письмо, которое он всунул в прорезь почтового ящика, через который вся корреспонденция попадала сначала на стол цензора, вытащили заключенные и прочли содержание. Я решил уточнить, насколько объективными были характеристики. Оказалось, характеристики он дал правильные. Тогда я всех стал убеждать, что им не за что устраивать Магдееву бойкот, к тому же чтение чужих писем также некрасивый поступок. Постепенно у Роберта восстановились нормальные отношения с остальными заключенными.

Манучарян Александр Арамович. Родился в 1929 году в Армении.

Кандидат искусствоведческих наук (докторскую диссертацию защитить ему не дали); занимался раскопками, писал книги и статьи по искусству Древнего мира. Получил 4 года ИТЛ и два года ссылки по статье 65 часть 1 УК Армянской ССР за статьи «Все о национальном вопросе», «Империализм», «Азгапатум» и другие, в которых писал, что «самым страшным заблуждением является отрицание частной собственности», а также научно обосновал принадлежность Нахичевани и Нагорного Карабаха Армении. Эту последнюю статью, опубликованную в «самиздате», он дал почитать одному из своих знакомых, который отнес ее в КГБ.

Манучарян – человек исключительно порядочный, имел обширные знания в разных областях истории и искусства. Он даже прочел нам в 35 зоне несколько лекций по истории искусства Урарту, Армении, Персии и других древних стран. Было очень интересно, но чтение лекций запретили. Общаться с ним было одно удовольствие. Он любил кошек. Беспокоился о своей семье.

После завершения лагерного срока Манучаряна отправили в ссылку, по дороге в пересылочной тюрьме города Кизил он просидел четырнадцать дней один в полной темноте и без пищи, так как о нем все забыли. А когда, наконец, обнаружили, то отвезли в город Ташкент, в изолятор КГБ. Оттуда Александр Арамович был направлен в ссылку в Кара-Калпакию.

После окончания срока Манучарян вернулся в Армению и занимал какой-то пост в Министерстве культуры. Однажды я прочитал в газете «Смена», что летом 1993 года он приезжал в Санкт-Петербург. В «Мемориал» он не заходил, о чем я очень сожалел.

Марченко Анатолий Тихонович. Родился в 1938 году в городе Барабинске в Сибири.

Проучившись в школе 8 лет, он ушел на заработки. Работая в геологических партиях, получил специальность сменного бурового мастера. Ездил по всем новостройкам ГЭС в Сибири, работал на рудниках. Как комсомолец-доброволец поехал строить Карагандинскую ГЭС, где впервые попал под суд за драку, в которой пытался разнять дерущихся. Драка произошла с чеченцами, высланными в Казахстан и очень обозленными этим. Приехавшая милиция схватила тех, кто не успел убежать. Среди них был и Марченко, не считавший себя участником драки. Всем им «впаяли» за хулиганство по 6 лет заключения. После освобождения из Карлага Анатолий решил бежать за границу. Вместе с ним бежал Анатолий Будровский. Поймали их 29 октября 1960 года в нескольких десятках метров от границы. Во время следствия в Ашхабадском КГБ Будровский признал себя виновным и дал обвинительные показания на Марченко. В закрытом заседании Верховного Суда Туркменской ССР 3 марта 1961 года в пользу обвиняемого выступило около 40 свидетелей, тем не менее, судили Марченко за измену родине, а не за нелегальный переход границы, и дали 6 лет, а Будровскому – 2 года за переход границы. Так Марченко в 23 года попал в лагерь во второй раз.

Когда мы встретились в Пермских лагерях, он отбывал уже шестую ходку, получив 10 лет по статье 70 часть 2 УК РСФСР. Предыдущие у него были за нарушение паспортного режима, тунеядство (после тюрьмы не мог прописаться, а без прописки на работу не устроишься), а также за написанные и изданные за рубежом книги: «Живи как все», «Мои показания» и «От Чуны до Потьмы».

В 35 зоне какое-то время мы с Анатолием жили в одной комнате, наши кровати стояли рядом, но потом меня перевели в комнату с нарами, а здесь остались только кочегары. Однажды при возвращении из промзоны я услышал, как Марченко рассказывает экам, что перед последним судом ему предложили уехать из страны по израильской визе. Мотивировали это тем, что у него жена еврейка – Лариса Богораз. Он отказался уехать за рубеж, так как считал, что ничего плохого для своей страны не сделал. Марченко работал в кочегарке, таскал тачки с углем. Особенно тяжело было таскать смерзшиеся тяжелые глыбы угля, так как здоровье Анатолия было подорвано многолетними лагерями и голодовками. Держался он несколько особняком, ни с кем не откровенничал, хотя поддерживал все акции протеста. Однажды Анатолий получил посылку с белым шоколадом. Шоколад присылать в зону было запрещено, а этот белый шоколад был разломан на дольки, как конфеты, и контролеры решили, что это соевые конфеты. Он принес посылку в нашу комнату и выложил все на стол. Тогда я впервые попробовал белый шоколад, но особого удовольствия не получил. Марченко пользовался слуховым аппаратом, так как после простуды на лесоповале получил осложнение на уши. Когда он не хотел разговаривать, то отключал аппарат. Так он делал в основном при общении с охранниками.

После моего перевода в 37 зону я потерял связь с Анатолием, и уже дома узнал его дальнейшую судьбу. В 37 зоне он также работал кочегаром, и в самый сильный мороз поставил заслонку на подачу тепла в поселок, где жила администрация и охрана с семьями, направив все тепло на отопление зоны. За этот поступок был отправлен на 15 суток в ШИЗО. После этого его направили работать в швейный цех. Затем Марченко работал шнырем (уборщиком). Из-за подорванного здоровья работать в полную силу не мог, и за отказ от работы ему дали 15 суток ШИЗО, после чего он попал в ПКТ, откуда был направлен в Чистопольскую тюрьму. В 1986 году, находясь в этой тюрьме, он объявил бессрочную голодовку с требованием освободить всех политзаключенных. Кажется, он в конце года пытался снять голодовку, когда уже решался вопрос об освобождении политических, но здоровье Анатолия было подорвано до такой степени, что восстановиться он не смог и умер 8 декабря 1986 года в тюрьме. В 1987 году политзаключенных начали освобождать, особенно не афишируя, чтобы не делать их возвращение неким символом победы над режимом. В 1993 году вышел в свет сборник «Живи как все», в который вошли все три упомянутые мной книги Анатолия Марченко. Он прожил достойную жизнь.

Московцев Виктор Васильевич. Родился в 1936 году.

Кандидат наук, зам. директора по науке в нефтяном институте в Москве. Находился в командировке в североафриканской стране (кажется, это был Алжир), где попал в неприятную историю и был завербован ЦРУ. Вернувшись в Москву, стал подбирать для отправки вербовщикам не слишком секретные рабочие документы. Так как после случившегося он был постоянно в сумрачном состоянии, жена заподозрила, что у него появилась другая женщина. В поисках подтверждения она стала обыскивать его стол, и однажды обнаружила подготовленные к передаче документы. Не долго думая, жена отнесла их в компетентные органы. За измену родине Московцев получил 10 лет

лишения свободы. Встретились мы в 1982 году в 37 зоне. Работал он на станке фрезеровщиком, обрабатывал грубые металлические изделия, которые называли «башмаками». Московцев был прост в обращении со всеми, но особенно дружил с Глебом Якуниным.

Освобождался Виктор позже меня, и когда мы с ним разговорились на одной из встреч политзаключенных в Ленинграде, он сказал, что участвовал в разоборудовании закрывшейся 37 зоны, а последние политзаключенные были переведены в 35 зону.

Назаров Гани Рауфович. Родился в 1962 году в Таджикистане.

Окончил среднюю школу в Таджикистане и решил с друзьями попутешествовать. Переплыли через речку Пяндж и попали на территорию Афганистана. В приграничном афганском кишлаке жили таджики, говорящие, как и Назаров, на фарси. Прожив в кишлаке какое-то время, они ушли вместе с душманами в Пешавар (Пакистан). Там жили в лагере афганских беженцев, молились с ними. Несколько раз давали интервью французским, египетским и пакистанским журналистам о преследовании за религию в Советском Союзе. Когда им все это наскучило, решили вернуться домой. Один из друзей Назарова вернулся тем же путем и был арестован в Таджикистане. Назаров решил действовать по другому: обратился в советское посольство в столице Пакистана Исламабаде. Его посадили на самолет до Душанбе, где он был арестован у трапа, даже не успев повидаться с родными. Получил 5 лет и два года ссылки по статьям 67 часть 1 и 81 часть 1 УК Тадж. ССР. Работал Назаров в Пермском лагере в прачечной. Был очень религиозен, не терпел критики ислама. До зоны он не знал русского языка, а при нашей встрече уже довольно сносно говорил по-русски.

Кстати, Гани Назаров был последним заключенным, с которым я попрощался при выходе из 37 зоны на свободу.

Норбутас Алексас Домо. Родился в 1924 году в Литве.

После войны Норбутасы организовали семейную банду, в которую входил отец и трое сыновей. Они отбирали скот у крестьян в Литве, называя себя «лесными братьями», перегоняли в Латвию и продавали. Затем так же отнимали скотину в Латвии и перегоняли для продажи в Литву. Однажды Алексаса поймали местные крестьяне и избili кольями, после чего у него образовался горб, и плохо действовала одна рука.

Недовольные такой «рекламой» настоящие «лесные братья» поймали воров и потребовали, чтобы те их кормили. На одной из вылазок семейство Норбутасов было арестовано, отец и старшие братья были приговорены к расстрелу, а Алексасу как самому младшему дали 25 лет по статьям: 58 часть 1 пункт «а», 17-59 часть 3 Уголовного кодекса и статье 4 Указа ПВС СССР от 4.06.1947 года. В 35 зоне Норбутас работал в бригаде, которая делала коробки с картинками из шпона, называвшиеся шахматными книгами. Характер у Алексаса был злобный, от него постоянно веяло тревогой.

Свердлов Владимир Ильич. Родился в 1943 году.

Окончил Академию КГБ СССР и работал преподавателем в училище МВД. Случайно узнал о готовящейся со стороны КГБ провокации против посольства Египта в Москве. Он решил предупредить сотрудников посольства и написал письмо с просьбой о встрече для передачи сообщения о готовящейся акции. Из посольства Египта позвонили в КГБ и потребовали прекратить всякие провокации. Вероятно, они направили туда и письмо Свердлова. Во всяком случае, на встречу с ним в назначенное место пришел загримированный сотрудник КГБ, и весь разговор Владимира с так называемым сотрудником египетского посольства был записан на диктофон. При аресте Свердлову предъявили в качестве доказательства нарушения служебной тайны запись этого разговора. Его судил Военный трибунал по обвинению в преступлениях, подпадающих под статьи 15-64 пункт «а» и 174 часть 2 (дача взятки) УК РСФСР, и приговорил к 6 годам лишения свободы.

Свердлов был одним из тех, кто придумал способ дополнительного получения продовольственных посылок через вольнонаемного мастера. Об этом я написал выше в главе «Пермская обитель».

В зоне Владимир работал на токарном станке. Больше года мы жили с ним в одной комнате и работали рядом в промзоне. Отношения у нас были приятельские и достаточно доверительные.

В 1990 году Свердлов приезжал из Москвы в Ленинград на встречу политзаключенных в Доме дружбы на Фонтанке, где мы с ним увиделись снова. После освобождения Владимир поддерживал более близкие отношения с Вячеславом Долининым.

Серебров Феликс Аркадьевич. Родился в 1930 году.

Первый срок получил еще подростком «за колоски» по Указу, изданному еще 7 августа 1932 года. Школьников направили собирать колоски после уборки хлебов на полях. Собрав мешочек колосков, они должны были сдать их в колхозный амбар. Но Феликс унес их домой, так как там сидели голодные мама и сестра – это был самый голодный послевоенный год. Кто-то из одноклассников донес, и он был осужден на 10 лет.

После этой отсидки Серебров еще дважды отбывал сроки, только мне он не рассказывал, за что. Возможно потому, что я не спрашивал. Только сказал, что нигде не мог устроиться, и пришлось работать сторожем при православном храме. Познакомились мы во время его четвертой ходки. Он получил по 70 статье УК РСФСР 4 года строгого режима и 5 лет ссылки.

Только при подготовке к печати своих воспоминаний я нашел в книге Дэвида Саттера «Век безумия» упоминание о Феликсе Сереброве как о члене «Комиссии по злоупотреблению психиатрией в политических целях», созданной диссидентами в Москве. Там же сказано о его аресте 8 января 1980 года. Были арестованы все члены комиссии и даже независимый психиатр Анатолий Корягин.

Скудра Жанис Жанович. Родился в 1924 году.

Его историю я знаю только со слов эзков. Он был завербован ЦРУ и ездил по всем секретным объектам Латвии и делал фотографии этих объектов. Во время одной из поездок был арестован и осужден по статье 59 часть 1 УК Латвийской ССР на 12 лет лишения свободы*. В лагере Скудра был очень нелюдимым человеком, ни с кем не контактировал. Работал ассенизатором, что его очень устраивало, потому что было много свободного времени, и он постоянно что-то переписывал из книг. Когда Скудру однажды перевели на уборку стружки в промышленную зону, он побежал жаловаться по всем инстанциям, чтобы его перевели обратно на уборку туалетов.

Смирнов Валерий Аркадьевич. Родился в 1945 году.

Работал в какой-то фирме в Москве, которая имела деловые связи с подобной же фирмой в Норвегии. Когда он находился в командировке в Осло, руководство зарубежной фирмы предложило ему работать у них постоянно за высокую зарплату. Смирнов согласился и остался, что очень не понравилось нашим органам. Сотрудники КГБ встретились в Москве с женой Валерия и уговорили ее написать ему письмо, чтобы он вернулся, играя на его любви к дочери. Смирнов вернулся и был арестован. Получил 10 лет лишения свободы по статье 64 пункт «а» УК РСФСР.

Когда он попал в Пермские лагеря, я находился там уже второй год. У нас сложились дружеские отношения. Валерий был очень аккуратным человеком. Прежде, чем приступить к работе на закрепленном за ним станке, он целую неделю приводил рабочее место в порядок: чистил и смазывал, затачивал резцы, приводил в порядок измерительный инструмент, приспособил ящички для удобства работы. Каждый день перед началом работы он обихаживал свой станок, что вызывало нарекания со стороны мастеров за затяжку времени. Однажды за невыполнение плана его посадили в ШИЗО.

Как-то Смирнов пришел ко мне и показал письмо жены (кстати, очень безграмотно написанное, хотя его жена – врач), в котором она писала: «Я не хочу, чтобы у моей дочери был отец – бандит, поэтому я сделаю все, чтобы тебя лишили отцовства». Смирнов плакал, рассказывая о том, как он любит дочь. Мы пытались его утешить, что жена этого не сделает, так как в этом случае она лишится алиментов.

В настоящее время Смирнов живет за рубежом в Нидерландах.

Стурманис Зинтаутс Петрович. Родился в 1955 году.

Первый срок получил за распространение листовок еще 18-летним парнем. В Пермские лагеря попал также на небольшой срок – 2 года 6 месяцев по статье 65 часть 1 УК Латвийской ССР. Он работал кочегаром, участвовал во всех акциях протеста и голодовках на зоне. Запомнился мне Стурманис в основном из-за своего вечно голодного взгляда. Когда была такая возможность, он ел очень много. Например, когда шел на дежурство в кочегарку, то на одну ночь брал с собой 2 буханки хлеба и 2 холщевых мешочка с сухарями, которые брал у тех, кто сушил остающиеся от 800-граммовой нормы кусочки хлеба. Малосъедобную баланду Стурманис уминал за двоих. Отношения у нас были нормальные, я ему тоже отдавал сухари, но никогда не расспрашивал о его жизни на свободе.

* Съемки Скудра делал для кинофильма «Руины обвиняют». См. «Списки политзаключенных...».

Ударцев Владимир Андреевич. Родился в 1923 году.

Во время войны попал в плен к немцам, находился в концлагере. Охранники – бывшие военнопленные, перешедшие на сторону врага – уговорили его сделать то же самое. Подразделение, в котором стал служить Ударцев, было послано во Францию на борьбу с маки – французскими партизанами. Но он не стал участвовать в борьбе с партизанами, спрятался в одной из французских деревень и стал работать по хозяйству в семье местного жителя. При освобождении Франции в деревню, где находился Ударцев, вошел Иностраннный легион, состоящий в основном из мадагаскарцев, руководимых французскими офицерами. Так как Владимир не воевал с маки, его взяли в этот Иностраннный легион, с которым он некоторое время участвовал в боях за освобождение Франции. Как рассказывал мне Ударцев, он так понравился французскому полковнику, что тот даже хотел его усыновить, но Владимир мечтал вернуться домой. Вскоре во Францию пришли английские войска, в которых служили поляки. Он перешел к ним и вместе с ними дошел до Германии. Когда закончилась война, вернулся домой, работал в колхозе, завел семью.

К несчастью для Ударцева, к одной из годовщин освобождения Франции стали разыскивать всех, кто воевал за ее освобождение. С запросом на Ударцева французы обратились в военкомат. В военкомате первым вопросом был: «Как вы оказались во Франции?». Он рассказал все чистосердечно, за что получил 15 лет за измену родине и пособничество врагу.

Когда я попал в Пермский лагерь, Ударцев работал на токарном станке. Работал он быстро и хорошо, как говорится, был «трудоголиком», перевыполнял все нормы. В начале моего срока он был моим учителем по работе на токарном станке. Мы пытались уговорить Владимира не работать так быстро, потому что могут поднять нормы выработки для всех, а те, кто не обладает такой сноровкой, за невыполнение плана могут попасть в ШИЗО. Ему даже делали гадости: заталкивали стружку в распределительный щит станка, «случайно» роняли на него тяжелые детали, но это не помогало, он говорил: «День – но мой». В конце концов, так и вышло: норму выработки для всех подняли, а расценки снизили.

Ударцев мог свободно поднять 100-килограммовую заготовку. Но однажды ему очень не повезло. Несколько эков, в том числе и Ударцев, помогали Тарасенко ремонтировать грузовую машину. Потребовалось снять двигатель. Все болты отвинтили, но снять не могли, все друг другу мешали. Тогда Ударцев всех отогнал и решил снять двигатель сам. Он сильно поднатужился, и что-то хрустнуло у него в спине. Как оказалось, где-то внутри два болта не были отвинчены. Был ли это подвох или несчастный случай, неизвестно, но Владимир уже не мог работать так же быстро.

Иногда он рассказывал мне о том, что происходило у него дома. Однажды поведал, что получил от сына письмо с упреком, что его не берут в армию из-за отца, попавшего в лагерь за измену родине, а он хотел бы служить вместе со сверстниками. Я ему сказал, пускай радуется, что сына не берут, иначе он может погибнуть на афганской войне. Затем полушутя я сказал, что могу помочь, если он действительно хочет, чтобы сына забрали в армию. Только пусть меня не благодарит, так как я считаю, что делаю ему гадость. Получив согласие, я посоветовал написать письмо представителю КГБ в зоне и попросить о личной встрече, на которой сказать, что еще Сталин выдвинул положение о том, что сын за отца не отвечает. Так почему же сейчас сын должен отвечать за преступление отца? Он хочет пойти в армию и служить Родине, чтобы как-то загладить вину отца. Ударцев примерно так все изложил сотруднику КГБ, и сына взяли в армию. Хотя Владимир не любил евреев, но после этого случая он стал меня уважать.

Холявка Александр Федорович. Родился в 1924 году в Белоруссии.

Во время войны служил полицаем. После прихода Красной армии был арестован. При проверке ничего серьезного не нашли, но направили воевать в штрафную роту. Оружие они должны были завоевать в бою, в который их отправляли практически безоружными. Во время одного из боев штрафники ценой больших потерь взяли первую линию вражеских окопов, а потом не оповещенные об этом минометчики ударили по ним из «катюш». От роты, в которой служил Александр, после этого боя осталось в живых 11 человек. Холявка рассказывал мне, что большего ужаса, чем обстрел воюющими снарядами «катюш», он не испытывал никогда.

Его судили уже в застойные брежневские времена и дали 15 лет по статье 61 часть 1 УК БССР за службу у немцев в начале войны. Так он и оказался в Пермских лагерях. С Александром у меня сложились хорошие дружеские отношения.

В промышленной зоне лагеря Холявка делал на станке резцы для буров. Вместе с ним работал Пащенко, и когда тот заболел, взял на себя выполнение его нормы. Пащенко это не понравилось, он накинулся на Холявку с криком: «Я тебя убью!». Холявка взял в руки молоток и сказал: «Ну, кто хочет меня убить?». Пащенко испугался и убежал, и в этот день к станку больше не подходил. Он, как все подлые люди, был трусом.

Читава Вахтанг Амиранович. Родился в 1939 году в городе Рустави Грузинской ССР.

Окончил исторический факультет Тбилисского университета, учитель истории.

Был подельником Зураба Гогия на судебном процессе по волнениям в Грузии в связи с принятием новой грузинской конституции, в которой грузинский язык не признавался государственным даже после русского, и за призыв к освобождению Грузии. Осужден в 1979 году по статье 71 часть 1 УК Грузинской ССР к 5 годам лагерей и 2 годам ссылки.

В зоне работал фрезеровщиком, участвовал в акциях протеста.

После выхода на свободу Читава присоединился к сторонникам Звиада Гамсахурдиа*. Читава приезжал в Ленинград в 1990 году и выступал на встрече политзаключенных в защиту Гамсахурдиа.

Чурганов Анатолий Петрович. Родился в 1923 году.

Участник Великой Отечественной войны. Входил в Совет ветеранов Краснодарского края.

Ветераны выступали против первого секретаря Краснодарского крайкома партии Медунова – Героя Социалистического труда, друга Н.С. Хрущева. Они даже замазывали по ночам надписи на бюсте Медунова на Аллее Героев. От имени ветеранской организации Чурганов, надев все свои награды, ездил как ходатай по их делам в различные инстанции. При Медунове он был арестован за антисоветскую агитацию и пропаганду и по статье 70 часть 1 УК РСФСР получил 6 лет лагерей и 3 года ссылки. Во время суда опекаемые им ветераны отказались поддержать Чурганова, свалив всю вину на него. Осужден был только он один, а часть ветеранов исключена из партии. (Кстати, Чурганов был беспартийным).

В зоне в связи с возрастом он находился на легких работах (санитар в больнице, уборка территории и пр.).

В 1990 году Чурганов приезжал из Сочи в Ленинград на встречу политических заключенных. Встреча состоялась в Доме дружбы на Фонтанке. После первого дня работы мы собрались тесным кругом на квартире одного из корреспондентов «Вечернего Ленинграда». Во время ужина Чурганов стал жаловаться, что его в зоне обижали диссиденты, и назвал несколько фамилий. К тому времени один из них уже умер. Анатолий сказал, что на завтрашней встрече он выступит и потребует их осудить. Мы пытались его убедить не поднимать этого вопроса: зачем ворошить прошлое; возможно, что в таком к себе отношении он был сам виноват. Нам казалось, что мы его убедили. Но на встрече Чурганов все-таки выступил с обвинениями. В зале начался шум, раздались возгласы: «Долой!», «Да он и на зоне не был!». В конце концов, его стащили с трибуны в зал. А на другой день он позвонил мне домой и сказал, что он еще «им всем покажет». Вскоре в газете «Ленинградская правда» появилась разгромная статья Чурганова «Ответ злопыхателям», в которой он так называл диссидентов. В ответ на эту статью в разных ленинградских газетах («Смена», «Вечерний Ленинград») появились резкие отклики на его обвинения. Он подал на эти издания иск в суд за клевету и выиграл довольно большие деньги.

Щеболь Владимир. Родился в 1925 году.

* Гамсахурдиа Звиад Константинович (1940–1993). Политический деятель. Диссидент. Преследовался властями при Брежневле. Председатель Хельсинкской группы в Тбилиси. Стал лидером грузинских националистов, избран председателем парламента. Провозгласил независимость Грузии 09.04.1991, в этом же году избран первым президентом Грузии. Подверг тюремному заключению своих политических оппонентов. Своей политикой привел Грузию к международной изоляции и внутренним распрям. Под давлением оппозиции бежал из страны, скрывался в Армении, затем в Чечне. В 1993 оспаривал законность пребывания Шеварнадзе на посту руководителя Грузии. Погиб при невыясненных обстоятельствах во время грузино-абхазского конфликта.

Во время войны служил у немцев и работал на машине-«душегубке»*, в которой газом убивали людей. По мере продвижения немцев в глубь страны он шел вместе с ними. Однажды их часть нагнала колонну беженцев, в которой ехали дети из детского инвалидного дома. Немцы захихнули всех детей-инвалидов в душегубку. Один из мальчишек пытался отползти в кювет, но Щеболь схватил его и бросил в газовую камеру. Все дети были убиты. (Об этом факте он однажды рассказывал в моем присутствии). Когда были созданы стационарные концлагеря на оккупированной территории, машина уже не была нужна, и Щеболь стал работать при газовой камере в лагере. На его совести много загубленных жизнью мирных граждан.

Щеболь был приговорен к 15 годам по статье 62 часть 1 УК УССР. Хотя арестовали его после войны в Смоленской области, но судили на Украине, где он зверствовал во время немецкой оккупации.

Когда я был уже на свободе и смотрел по телевидению передачу о приезде французских журналистов в Пермский лагерь, перед объективом телекамеры несколько раз промелькнула физиономия Щеболя. Я был доволен, что он все еще в лагере.

Якунин Глеб Павлович. Родился в 1934 году.

Окончил факультет по разведению пушных зверей Сельскохозяйственного института, но по специальности не работал, потому что по распределению надо было ехать в Сибирь. После этого окончил Духовную семинарию в Ленинграде и поступил в Духовную академию. Не успел закончить даже первый курс, потому что его выгнали. Как он мне рассказывал, отчислили якобы за утаенную им библиотечную книгу, которая подлежала уничтожению по указу Главлита. В других источниках я читал, что он был арестован за то, что торговал церковной утварью и церковными книгами. Возможно, это была лишь попытка дискредитировать его, так как я знаю, что Якунин вел вместе с о.Дмитрием Дудко религиозные семинары, и вокруг них концентрировалось много молодежи. Кроме того, по приемнику я слушал его выступления перед иностранными журналистами на радиостанциях «Свобода», Би-би-си и «Голос Америки», в которых он рассказывал о преследовании властями религиозно настроенных людей.

Мы встретились в 37 зоне в 1983 году. Сначала симпатизировали друг другу, но потом я стал к нему присматриваться, и многие вещи мне не понравились. Поскольку я человек не религиозный, то некое лицемерие, присущее людям, скорее изображающим веру в Бога, чем действительно верующим, мне претило, и некоторую фальшь в поведении Якунина я чувствовал.

Первый раз на свободе мы встретились уже в перестроечное время в Союзе композиторов на Исаакиевской площади на конференции христианских демократов. Мне сообщил Вячеслав Долинин, что на конференции будет Якунин, и предложил встретиться. Я поехал на встречу, потому что хотел узнать, получил ли он мое письмо, которое я написал в адрес Верховного Совета после его выступления по ленинградскому телевидению в программе «Пятое колесо». В своем интервью ведущей Бэле Курковой он сказал, что никто из политзаключенных, получивших срок по 70 статье, как и он, не реабилитирован. Я ему написал о том, что я не согласен с ним. Во-первых, с тем, что никто не реабилитирован. (Я к этому времени был реабилитирован.) Во-вторых, с его заявлением, что всякая власть от Бога. Я ему писал: «Неужели ты считаешь, что власть, которая тебя посадила, действительно от Бога? Так кто же твой Бог? Это скорее дьявол». Также я пригласил его на встречу политзаключенных в Петербурге. Ответ я получил только от секретаря, где мне сообщили, что Глеб Якунин уехал в США по делам церкви.

Из СМИ я узнал, что он состоит в комитете поддержки генерала КГБ О.Д. Калугина, которого выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета от Краснодарского края. Мы с Долининым были возмущены, что он агитирует за человека, который нас сажал, поскольку был в те годы первым заместителем начальника КГБ по Ленинграду и Ленинградской области Д.П. Носырева.

На встрече в Союзе композиторов Якунин мне сказал, что мое письмо получил и рад моей реабилитации, а в отношении выборов Калугина сослался на то, что якобы не знал о роли последнего в осуждении людей в нашем регионе. Больше я с Якуниным не встречался.

* «Душегубка» – изобретение советских спецслужб, отцом ее считается начальник административно-хозяйственного отдела НКВД по Москве и Московской области И.Д. Берг. Изобретена в 1935 году, впервые применена по своему прямому назначению в 1936 году. Представляет из себя автофургон с выведенной в кузов выхлопной трубой. В 1939 году Берга расстреляли по обвинению в заговоре против руководителей государства.//«Аргументы и факты», 1993, №17.

Далее я назову людей, с которыми находился в 35 или 37 зонах лагеря, но близко не общался, а разговорчивостью они не отличались, или которые вскользь упоминались мной выше. Сведения о них взяты из списка Шмырова – Пестова и из «Списка политзаключенных СССР».

Борковский Ульян Казимирович. Родился в 1927 году.

Во время войны служил у немцев. Осужден по ст. 61 ч.1 УК БССР на 10 лет строгого режима. В лагере работал столяром, делал различные ящики и гробы. Работая на циркулярной пиле, нечаянно отрезал три пальца на правой руке.

Бриедис Петерис Изидорович. Родился в 1926 году.

Был «лесным братом» в Латвии. Осужден по статьям 59. ч.1, 67 УК Латвийской ССР и ст. 58 ч.8 УК РСФСР на 15 лет лагерей строгого режима.

Грабанс Иварс Карлович. Родился в 1922 году.

Участник латышского национального движения, партизан («лесной брат»). Осужден по ст. 59 ч.1, 67 УК Латвийской ССР, а также по ст.58 ч. 8 и 58 ч. 2 УК РСФСР к 15 годам строгого режима.

Зинченко Анатолий Михайлович. Родился в 1925 году.

Служил у немцев переводчиком на оккупированной территории.

В Пермские лагеря попал по ст. 62 ч.1 УК УССР за попытку уехать на Запад (участник движения за право на эмиграцию, «отказник»), отказался от советского гражданства, когда ему был запрещен выезд). Получил 6 лет строгого режима.

В 35 зоне работал электриком, один раз мы вместе с ним делали электропроводку в крольчатнике, принадлежавшем начальнику лагеря. Нам в рабочую зону не привезли заготовки для деталей, и нас троих – Л.Шефера, Смирнова и меня – послали разбирать старые доски на дрова и собирать всякий деревянный хлам по территории. Поскольку я не мог сидеть без дела, то с обеда, встретив Зинченко, который шел делать электричество в крольчатнике, попросился поработать с ним. А когда я однажды дал ему в ремонт электробритву, он ее благополучно сжег, что-то неправильно подсоединив.

Игнатенко Николай Степанович. Родился в 1935 году.

Арестован в Черкасской области за то, что писал антисоветские письма в редакции газет. Приговорен к 6 годам строгого режима и 3 годам ссылки по ст. 62 ч.1 УК УССР. Был очень религиозным, плохо знал русский язык, говорил на украинском и называл себя Мыкола. (А может быть, принципиально не хотел говорить по-русски).

Кокорин Григорий Михайлович. Родился в 1947 году.

Москвич. Работая на военном заводе, где делали космические корабли «Буран», он по просьбе знакомого журналиста стащил со свалки на заводе какую-то железку, чтобы продать иностранцам, выдавая ее за деталь от «Бурана», и заработать на выпивку. Написав письмо в канадское посольство, они послали какого-то пьяницу бросить его в почтовый ящик посольства. Когда тот подошел к ящику, дежуривший у входа милиционер его задержал. При обыске письмо было обнаружено, и Кокорин вместе со своим приятелем получили большой срок. Григорий – 10 лет по ст.64 п. «а» УК РСФСР, журналист, видно, меньше. Кокорин трижды подавал на помилование и дважды ему отказывали. Он возмущался, что журналист вышел раньше срока, а его не освобождают.

На зоне Кокорин работал токарем. Работал хорошо, но, насколько я помню, никогда никому не помогал и не делился своими навыками в токарном деле.

Литвинов Борис Андреевич. Родился в 1924 году.

Окончил институт в Киеве, был направлен на работу в степной район Крыма около Сиваша. Не отработав положенные после окончания вуза 3 года, вернулся в Киев, но на работу устроиться не мог. Занялся родственным обменом, в результате которого чуть не остался без жилья, тогда он решил уехать за границу. Ему не разрешили выезд, и он отказался от советского гражданства. Обозленный на все чинимые ему администрацией препоны, Литвинов написал автобиографию с критикой советских порядков и разбросал тексты в телефонных будках. Желая сохранить один экземпляр «для потомства», Борис Андреевич сделал тайник: выдолбил отверстие в оселке (точильном камне),

положил туда микрофильм своей биографии и замазал. Через некоторое время почти все его «сочинения» оказались в КГБ. При аресте ему предложили выдать весь компромат, и он добровольно отдал оселок. Литвинов получил по ст. 62 ч.1 УК УССР 7 лет строгого режима и оказался в Пермских лагерях (в 35 и 37 зонах).

Глава IX. ОСВОБОЖДЕНИЕ

За полгода до окончания срока 6 мая 1984 года я решил отметить 20-летие со дня смерти своего отца и пригласил на чаепитие людей, которые относились ко мне с симпатией. Несколько человек отказались присутствовать на этом чаепитии из-за того, что в апреле я вышел на ленинский субботник, так как считал лицемерием не пойти. Ведь на свободе я всегда принимал участие в этом добровольно-принудительном мероприятии.

Накануне чаепития ко мне подошел Иосиф Бегун и спросил, не буду ли я против, если он скажет за столом несколько слов о геноциде евреев во время Второй мировой войны. Возражений у меня не было.

Я выставил на стол небогатую лагерную закуску и три пачки экономленного чая. Во время застолья рассказал о своем отце – участнике трех войн (Первая мировая, гражданская и Великая Отечественная). Затем выступил Бегун. После первых же слов его выступления из-за стола поднялись три человека и побежали на вахту докладывать. Через несколько минут с вахты пришел капитан с двумя охранниками и начал разгонять собравшихся. Я спросил его, почему он разгоняет моих гостей, которые пришли на день памяти моего отца. Он ответил, что здесь сионистское сборище, хотя из всех присутствующих было только два еврея – я и Бегун. Бегуна сразу забрали, а меня вызвали к замполиту и потребовали дать объяснение всему случившемуся. Именно тогда я узнал, что должен был получить разрешение на задуманное мероприятие. На другой день меня вызвали уже в КГБ, и майор также потребовал объяснительную записку. Он задал вопрос, почему я не остановил Бегуна, когда он произносил «сионистские речи». Я пояснил майору, что не видел ничего противозаконного в его словах, поскольку говорилось об очевидном факте убийства фашистами шести миллионов евреев во время Второй мировой войны. К тому же Бегун взрослый человек и сам отвечает за свои слова.

Этот инцидент для меня остался без последствий. Но Бегун получил полгода ПКТ. С ним я больше не встречался, так как его должны были выпустить на другой день после моего отъезда.

Большинство эков освобождались из заключения по истечении срока наказания. Они садились в общий вагон поезда и ехали к месту жительства или по названному ими адресу. Иногда адрес назывался сотрудниками органов, поскольку бывших политзаключенных в больших городах не прописывали.

Некоторые заключенные не стремились вернуться назад туда, где были арестованы. У кого не осталось там родных, поскольку срок отсидки был очень большой, а кто не стремился вернуться туда, где во время войны находился на службе у фашистов. Так, когда я спросил у **Товкача** Ивана Петровича (1923 г.р., ст. 56 часть 1, ст. 64 УК УССР), двенадцатилетний срок пребывания которого в лагерях заканчивался, собирается ли он возвращаться на «ридну нэньку Украину», он ответил, что ничего там не забыл и возвращаться не собирается. Как рассказали мне о нем сокамерники, он во время войны служил у немцев и принимал участие в репрессиях против мирного населения. После ареста НКВД он, спасаясь от расстрела, выдал всех, с кем вместе совершал преступления. Боясь мести выданных им людей или их родственников, он не желал возвращаться на родину.

Другим способом освобождения из лагеря до окончания срока была подача прошения о применении условно-досрочного освобождения с обязательным привлечением к труду. На условно-досрочное освобождение может рассчитывать тот, кто отсидел более 2/3 срока, проявил себя с положительной стороны и примерно трудился, что дает основание считать его исправившимся. Но если «условник» совершит преступление, то к оставшемуся сроку добавляется новый срок.

Сидевший в нашей зоне Григорий Михайлович **Кокорин** дважды подавал прошения о помиловании, и оба раза получал отказ. По настоянию местных чекистов он написал в третий раз. И, наконец, за несколько часов до Нового года ему объявили, что прошение удовлетворено. А он так мечтал встретить новый год в кругу семьи в Москве! Мне вспоминается вывешенный на доске

объявлений большой лист бумаги, на котором крупными буквами было написано: «Поздравляем Григория Михайловича Кокорина с условно-досрочным освобождением!».

Другой заключенный, Владимир Ударцев (подробно о нем в главе «Встречи»), сидевший за участие в войне на стороне немцев, очень хорошо работал на станке в цехе и всегда перевыполнял план. Работа была его страстью. Он написал прошение о помиловании с направлением его на поселение, куда он смог бы выписать свою семью. Приехавшая по вопросам помилования комиссия рассматривала его прошение. Местные чекисты дали ему характеристику, в которой дословно были такие слова: «Правда, он из бывших карателей, но трудяга безотказный». Естественно, комиссия ему отказала.

Хочу привести пример одного из дел, рассматриваемых этой комиссией. Был у нас в зоне человек с очень интересной биографией – Василий **Филоненко** (1928 г.р., ст. 61 ч.1 УК БССР). Еще 15-летним подростком он во время Великой Отечественной войны был связным в партизанском отряде в Белоруссии. Во время выполнения очередного задания он был схвачен полицаем на границе с лесом. При обыске ничего не нашли, но что-то подозревали, и поэтому его выпороли и заставили служить у полицаев на кухне подсобным рабочим, чтобы был всегда на глазах. После войны Филоненко был арестован и осужден за измену родине (ст. 61 ч.1 УК БССР). Я не знаю, в каком году он был осужден, или ему, как и многим другим, добавили срок при Брежневе, но в 1982 году ему осталось сидеть 2 года. Когда он из лагеря стал писать в высшие инстанции заявления о пересмотре дела, то года через два дело было пересмотрено и с учетом того, что он в то время был несовершеннолетним, сняли 5 лет ИТЛ. Он продолжал писать, пытаясь доказать, что он вообще невиновен. У Василия скопилось достаточно много ответов из всевозможных учреждений о том, что он невиновен, так как по статье об измене родине уголовная ответственность несовершеннолетних до 16 лет не предусмотрена. Я сам видел эти ответы и помогал Филоненко писать письма в разные инстанции. Но, тем не менее, он продолжал сидеть в лагере. Наконец, за 2 года до окончания 10-летнего срока, его пригласили на комиссию по пересмотру приговора. Василию предложили признать, что он виновен, и тогда его сразу отпустят. Он попросил время подумать и пришел ко мне спрашивать совета. Я сказал, что дать совет в такой ситуации не могу, и он должен решать сам. Но, с моей точки зрения, нельзя полагаться на то, что его действительно отпустят, если он признает свою вину. А, признав вину раз, он уже не отмоется, никто ему потом не поверит, что он действительно невиновен. Тогда он пошел на комиссию и сказал, что невиновен. Ему ответили: «Ну и сиди, дурак». Он рассказал это мне, и я пытался его утешить тем, что вполне возможно, они сказали бы то же самое и при его признании вины, а сейчас у него совесть будет чиста до конца и он может продолжать борьбу за справедливость.

Эти примеры я привожу как доказательство издевательств над людьми и самовольства комиссий, призванных разобраться в хитросплетениях человеческих судеб.

Существует еще одна возможность освобождения раньше срока: по амнистии, приуроченной к датам «красного календаря». По существу, это как бы прощение государством заведомых преступников, которые на зоне не нарушали режима и хорошо работали. Но эта мера к особо опасным государственным преступникам практически не применяется. По крайней мере, в мою бытность на зоне никто не был выпущен по амнистии.

Когда оставался месяц до окончания срока, я обратился к замполиту с просьбой купить мне билет на самолет (за мои деньги). Он ответил отказом, заявив, что всем освободившимся выдают билет в общий вагон на поезд до места назначения. Как я ни пытался ему доказать, что с 6 ноября я буду свободным человеком и имею право ехать, как мне хочется, он стоял на своем. Тогда я обратился в КГБ с просьбой вызвать меня по личному вопросу. Майору КГБ я пытался объяснить, что за три дня пути через праздную пьяную Россию в общем вагоне с освободившимися уголовниками может случиться все, что угодно, а я хочу живым вернуться домой. Майор настаивал на своем. Пришлось сказать Гордееву, что если по дороге уголовники узнают, что я возвращаюсь из политической зоны, где сидел «за стихи», меня могут заставить их читать, и мне придется это делать. А в каждом вагоне наверняка есть доносчик, который сообщит в органы, и будут неприятности, и вы не сможете сказать, что я вас не предупреждал. После такого моего длинного объяснения он дал записку к замполиту, чтобы мне купили билет на самолет и проводили до аэропорта, иначе без паспорта по справке об освобождении меня не пустят в самолет.

Билет был куплен, и 5 ноября 1984 года меня неожиданно, на день раньше окончания срока, выдернули из зоны, не дав ни с кем попрощаться, перевели в домик, в котором проходили свидания

заключенных с родными. Туда принесли одежду, присланную из дома, поскольку мои вещи пропали в 35 зоне, а также два картонных чемодана, набитых вырезками, записями и стихами разных поэтов, и вещевой мешок, подаренный мне Егиазаряном. Дали возможность помыться под душем, а затем на пожарной машине в сопровождении начальника оперчасти зоны с охранником отвезли на железнодорожную станцию Поселок Половинка. От поселка электричкой всю ночь ехали до Перми, где мы со старшим лейтенантом сели в такси и поехали в аэропорт. От предложенных мною денег за проезд лейтенант отказался, сказав, что заплатит таксисту сам. В аэропорту мы узнали, что в связи с нелетной погодой самолеты не летают, и мне весь день 6 ноября пришлось провести в аэропорту под бдительной охраной старшего лейтенанта. Когда к ночи началась регистрация на самолет, мне места не хватило. На следующий самолет меня не пустили без паспорта, удивившись, что у меня только справка вместо паспорта, и есть билет на самолет. Тогда подошел сопровождавший меня старлей, объяснил ситуацию, и меня пропустили в самолет. Кстати, когда меня фотографировали для справки об освобождении, то нарядили в чужой пиджак с рубашкой и галстуком, а снизу оставалась эковская одежда. Прощаясь со мной у выхода на летное поле, старший лейтенант сказал, что желает счастливого пути и больше на зоне не появляться. В случае каких-нибудь осложнений с пропиской или работой рекомендовал обратиться в КГБ.

В салоне самолета находилось около двадцати человек. Через два с лишним часа я был уже в аэропорту «Пулков». Посмотрел на часы: 0 часов 10 минут праздничного дня – 7 ноября 1984 года. Автобус не ходил, такси не было. И тут я увидел, как подъехал старый «зим», привез кого-то в аэропорт. Я подошел к нему и спросил у водителя, может ли он довезти меня до дома. Узнав, куда мне надо ехать, он запросил 15 рублей. Я дал ему деньги, и мы поехали на Гражданку. По дороге водитель спросил, откуда я прилетел. Узнав, что из зоны, явно струхнул. Но я его успокоил, сказав, что еду из политической зоны. Тогда он попросил меня рассказать о зоне и за что я сидел. Так что дорога до дома за разговором прошла незаметно, и я очутился у родного порога...

Но на этом мои мытарства не закончились.

После праздников я пошел прописываться в 6 отделение милиции Калининского района. Начальник паспортного стола Чернобровкина, поговорив со мной, прописала меня постоянно, сказав, что в течение месяца я должен устроиться на работу. После этого я отправился в военкомат, чтобы снова встать на воинский учет. Работники военкомата удивились, что их даже не поставили в известность о том, что я в течение длительного времени находился на зоне. Никаких санкций вроде лишения звания (мое звание старший лейтенант) не последовало. Такое решение принимает суд, в случае измены родине.

Через два дня по телефону Чернобровкина потребовала, чтобы я снова явился к ней с документами. Взяв мой паспорт, она прямо на прописке поставила штамп «Прописка произведена ошибочно». Тон разговора был совершенно иной. Она заявила, что получила взыскание за то, что прописала меня, поскольку людей с такой статьей в Ленинграде не прописывают. Я обратился к начальнику Главного Управления внутренних дел А.А. Куркову. Через некоторое время получил из ГУВД отказ в прописке за подписью начальника паспортного отдела ГУВД Леноблгорисполкомов П.П. Попова от 13.12.1984 года. И мне ничего не оставалось, как воспользоваться советом начальника оперчасти зоны, данным при прощании в Перми.

Я обратился к дежурному в приемной КГБ и объяснил мое положение. Он направил меня к одному из сотрудников, с которым мы разговаривали довольно долго, после чего тот заявил, что они пропиской не занимаются. Тогда я, поняв, что терять мне уже больше нечего, сказал: «Вы занимаетесь посадкой, а куда мне деться, у меня 84-летняя мать, которую я должен содержать». Сотрудник попросил подождать в приемной. Я сидел несколько часов. Наконец он пришел и предложил побеседовать с группой сотрудников. Я согласился. Ко мне подошли четверо молодых людей. Стали расспрашивать о том, что происходило в зоне, и с кем я сидел. Я ответил, что они лучше меня знают об этом, к тому же доступ в зону для них открыт всегда. Сотрудники ответили, что не всех туда пускают, нужен специальный допуск, и никто из них там не был. Я назвал несколько фамилий ленинградцев, в том числе Вячеслава Долинина и Германа Обухова. На просьбу дать им характеристику я поднял большой палец и сказал, что они отличные ребята. Услышав от сотрудников, что это враги народа, я показал на себя и сказал, что я такой же враг народа, смотрите на меня. Они заулыбались и сказали, что руководство подумает о моей прописке. Тогда я попросил дать мне телефон кого-нибудь из сотрудников, чтобы у него можно было узнать мою судьбу, и мне дали

телефон какого-то Алексея Ивановича. Впоследствии, если в каких-нибудь инстанциях возникал разговор о моем выдворении из города, я говорил, что вопрос решается в КГБ, и предлагал позвонить по телефону Алексею Ивановичу. Но никто не решался.

Тянулось это очень долго (возможно, проверяли мое поведение на следствии и в зоне). Наконец в марте 1985 года мне поздно вечером позвонили из КГБ и сказали, что они решили посодействовать моей прописке в Ленинграде, и назвали кабинет и сотрудницу, к которой нужно явиться с документами. Я очень обрадовался, но не надолго: оказалось, меня прописали временно на один год.

Пока у меня не было прописки, я не мог и думать об устройстве на работу. Теперь прописка была только на год, и вопрос трудоустройства в течение месяца, как требовали правила для освободившихся из мест заключения, повис в воздухе. В течение этого месяца я обошел больше десятка предприятий, в том числе моего профиля – Аптечное управление, завод «Красный химик», завод «Фармакон», аптечный склад, а также завод «Красный выборжец» и другие инструментальные заводы, но меня не брали, хотя на многих предприятиях были нужны специалисты. За несколько дней до истечения месячного срока я позвонил по известному мне телефону сотруднику КГБ Алексею Ивановичу (в первый и последний раз!), он велел мне идти на «Красный выборжец». Услыхав от меня, что там я уже был, он с усмешкой сказал, что теперь меня должны взять. И действительно, моя фамилия уже была в их картотеке в первых рядах. Потом для проформы меня послали на комиссию по трудоустройству уголовников на площадь Ленина. Я оказался на собеседовании с отставником, который ведал их трудоустройством. Побеседовав со мной, он попросил прочитать одно из стихотворений, за которые я получил срок. Прослушав его, сказал, что со мной все ясно, и написал на направлении свое согласие на прием меня на работу. В конце концов, я получил разрешение на работу токарем, то есть по специальности, освоенной на зоне, в цеху №6 завода «Красный выборжец». Жизнь начала налаживаться, но каждый раз, когда на завод приезжали представители КГБ, меня вызывали в особый отдел завода на беседу, расспрашивали о том, что происходит на заводе, какое настроение у рабочих, нет ли негативных высказываний против власти. На все их вопросы я отвечал, что все в порядке, среди рабочих разговоры только о том, где, с кем и на что выпить. Первое время начальник первого отдела или сотрудники Комитета государственной безопасности меня просили никому не говорить, за что и где я сидел. Я отвечал, что я не вор и не грабитель, и стесняться мне нечего.

В феврале 1987 года вышел Указ ПВС СССР «О помиловании», касающийся репрессированных по политическим мотивам, по которому освободили 150 человек политзаключенных. (Осужденных по статье 64 УК освобождали постепенно вплоть до 1991 года). Вышли на свободу и сидевшие вместе со мной на Пермской политзоне ленинградцы Вячеслав Долинин, Герман Обухов и Лев Волохонский (последний почти сразу же после освобождения перебрался в Москву). Незадолго до вступления Указа в силу ко мне на работу приехал представитель КГБ Калининского района и, поставив меня в известность, что скоро будут освобождены те, с кем я сидел в 35 и 37 зонах, попросил сообщать о них все сведения, которые могут быть интересны органам. Я ответил, что пил с ними чай, а это означает, что они мне доверяют, а доверием друзей я не торгую. После этого меня дважды вызывали в гостиницу «Ленинград» на явочную квартиру и склоняли к вербовке, обещая устроить на хорошую работу по медицинской специальности. Я отвечал, что нехорошо предавать друзей, что работа токарем меня устраивает и мне от них больше ничего не нужно, пускай оставят меня в покое. После этого ко мне больше не обращались с подобными предложениями. Между прочим, номер телефона Германа Обухова я у сотрудника взял, так как хотелось поговорить с Германом после его освобождения, вспомнить о времени, когда вместе сидели в лагере. Я позвонил Обухову, мы встретились, и я рассказал, что его телефон мне дал сотрудник КГБ, пытавшийся меня завербовать. В 1988 году Герман уехал за рубеж, потому что его в Ленинграде не прописывали, и перед отъездом подарил мне на память редкую тогда книгу Булгакова «Мастер и Маргарита» со своим автографом. Я думал, что мы расстаемся навсегда, но времена изменились, Обухов стал приезжать в Петербург, и мы встречаемся в «Мемориале».

Прописку я получил в 1986 году опять на один год, и только в 1987 году в связи с новыми веяниями в жизни нашей страны меня прописали постоянно. На заводе «Красный выборжец» я проработал до пенсии, на которую меня отправили по сокращению штатов с 11 января 2005 года.

Глава X. РЕАБИЛИТАЦИЯ

Реабилитация – это признание государством своей вины перед гражданами за неоправданное их осуждение. После выхода на свободу я стал интересоваться возможностью своей собственной реабилитации. В конце 1987 года, когда в стране началась перестройка, ко мне подошел один из моих сослуживцев по заводу «Красный выборжец» и рассказал, что он вместе с сотрудниками своего отдела был на встрече с районным прокурором Смирновым, который заявил, что всех политзаключенных надо реабилитировать. Я пошел к Смирнову на прием (тем более мне это было на руку, так как районная прокуратура находилась напротив нашего завода) и спросил, является ли его заявление личным взглядом на эту проблему или есть какие-то нормативные документы. Он ответил, что пока это его личное мнение, а в данный момент имеется только возможность реабилитации по суду, если есть причины для пересмотра дела. Узнав о том, что я судился городским судом, он посоветовал идти с заявлением в городскую прокуратуру.

В прокуратуре на улице Якубовича меня встретила дежурный прокурор И.В. Катуква, к которой я обратился с просьбой помочь правильно оформить документы в суд на предмет реабилитации. Катуква пояснила, что если в моем деле есть состав преступления, то в просьбе будет отказано. Я оставил ей заявление и необходимые документы и стал ждать ответа. Через некоторое время меня вызвали в прокуратуру к следователю Гусеву, который заявил мне буквально следующее: «Прокурор Катуква уехала в длительную командировку. Вместе с ней уехал следователь, который знакомился с вашим делом. Я с делом не знакомился, но, уезжая, они просили передать, не согласитесь ли вы с переквалификацией со статьи 70 на статью 190 «прим» (клевета на советскую действительность) с последующей реабилитацией вас по этой статье в связи с тем, что она уже отменена». На это я ответил категорическим отказом, пояснив его тем, что эта статья уголовная, за которую направляют в лагерь общего режима, а я отбывал срок в колонии строгого режима. Кроме того, она предусматривает срок до 3 лет, а я был осужден на 3 года и 6 месяцев. И вообще себя клеветником не считаю.

После разговора со следователем Гусевым я послал заявление в Верховную Прокуратуру, объяснив свое обращение непосредственно к ним тем, что городская прокуратура занимается подлогом, задним числом уменьшая количество политических заключенных. Мое дело долго ходило из одной прокуратуры в другую, пока, наконец, к 1990 году политическая обстановка в стране изменилась, и в апреле 1990 года я получил из Верховного Суда РСФСР справку о реабилитации, подписанную первым зам. председателя Верховного Суда Радченко. Таким образом, я был реабилитирован за полтора года до выхода «Закона о реабилитации жертв политических репрессий» от 16 октября 1991 года. Поскольку в справке не было указано, по какой статье я осужден и реабилитирован, я вновь написал заявление с просьбой указать статью. Ответ пришел за подписью судьи Луканова, что я осужден и реабилитирован по статье 70 УК РСФСР.

Через некоторое время я узнал, что существует Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 года «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей». Лица, реабилитированные по суду, могут получить по нему компенсацию за период от 1 июня 1981 года до освобождения. Я написал заявление и отнес в городской суд. 2 июля 1990 года я получил определение Ленгорсуда с отказом в возмещении ущерба со ссылкой на то, что по статье 190 «прим» компенсация не положена в связи с исчезновением этой статьи из Уголовного кодекса. В связи с тем, что я не давал согласия на переквалификацию статьи и не присутствовал на заседании суда, я направил заявление в Судебную Коллегию по уголовным делам ВС РСФСР с просьбой отменить определение Ленгорсуда. Я получил ответ об отмене ВС РСФСР определения от 2 июля 1990 года и направлении дела на новое судебное рассмотрение. На новом заседании Ленгорсуда с другим составом судебной коллегии под руководством В.Г. Ярославцева я присутствовал лично, решение было принято в мою пользу: возместить Б.С. Миркину ущерб в сумме 7053 рубля.

Деньги я получил летом 1991 года и сразу же положил на сберкнижку, так как не знал, что делать с такой огромной суммой. Через некоторое время пришли еще три перевода, и общая сумма компенсации составила около 25 тысяч рублей. Она повергла меня в шок своими размерами. Конечно, и эти деньги я положил в сбербанк. Эта эйфория продолжалась до января 1992 года, когда произошла денежная реформа и все денежные выплаты увеличились в тысячу раз, а вклады на сберкнижке индексации не подлежали и, следовательно, во столько же раз уменьшились, так что моя месячная

зарплата стала в два раза больше моих вкладов. Эта беда коснулась всех вкладчиков страны. Этот вклад я так и не получил до сих пор.

Глава XI. ЗНАКОМСТВО С УГОЛОВНЫМ ДЕЛОМ

Через несколько лет после реабилитации у меня появилась возможность ознакомиться с 4 томами моего архивного уголовного дела № П-77792 и даже снять ксерокопии.

В первых двух томах находятся материалы предварительного следствия: протоколы моих допросов и допросов проходящих по делу свидетелей; характеристики с места учебы и работы; протоколы изъятия моих рукописей на работе и дома и обвинительное заключение. Эти материалы не отражают истинного положения вещей, но в какой-то мере соответствуют тому, что рассказывали свидетели обо мне и своем отношении к обсуждаемому вопросу. Обвинительное заключение – это единственный документ, с которым меня тогда ознакомили и дали подписать. Остальные материалы дела прочесть не разрешили. Не зная 201 статьи УПК и того, что с материалами дела меня обязаны ознакомить, я попросил, чтобы на суде сначала заслушали свидетелей в моем присутствии, чтобы иметь представление о том, что они будут обо мне говорить. Но мне было отказано и в этом. Адвоката – Балтус Эмму Эдуардовну – мне назначил суд в связи с тем, что якобы заболел нанятый моей сестрой адвокат. Позже я узнал, что адвокат не заболел, а просто не был допущен к моей защите как обвиняемого в особо опасных государственных преступлениях.

Познакомился я с Э.Э. Балтус перед самым судом, она мне ничем не помогла, даже не сказала, что я имею право ознакомиться с материалами следствия. На суде она кричала на моих пожилых свидетельниц, почему они раньше не сообщили в органы о моем преступлении. После суда адвокат пришла ко мне и сказала, что не советует писать кассационную жалобу, так как мне все равно откажут. Балтус сказала, что сделала все, что могла, чтобы мне дали срок поменьше. Я ей ответил: «Я не хотел, чтобы у меня был адвокат, мне вас навязали, но такого адвоката я не пожелал бы даже своему злейшему врагу. Кассационную жалобу я напишу сам, а вы можете отправляться на все четыре стороны». Она была в шоке.

Среди материалов второго тома находится протокол допроса моей бывшей сослуживицы по отделу в/ч №41598 Нины Сергеевны Цеповой, с которой я работал в НИЛ-1, затем в этой военной части в течение всего времени до ареста. Привожу текст протокола, записанного с ее слов следователем следственного отделения Особого отдела КГБ СССР лейтенантом Касьяном 30 июня 1981 года (с очень небольшими купюрами):

«В 1965 году в отдел, где я работала, поступил Миркин Б.С. Работать его направили в ту же группу, виделась с ним на работе фактически ежедневно, мы познакомились. Назначен Миркин был на должность инженера, но очень скоро его перевели на должность старшего лаборанта. Мотивировалось это понижением неумением Миркина работать. [На самом деле причина в том, что у меня не было инженерного образования, поскольку я провизор. **Б.М.**]. Взаимоотношения у меня с Миркиным были натянутыми, скорее я его только терпела. Причиной моего такого холодного отношения к нему является ярко выраженное злобное отношение к русскому народу со стороны Миркина. Б.С. Миркин считает русский народ глупым, не заслуживающим лучшего отношения. [Очевидная ложь. **Б.М.**].

Отношения с Миркиным у нас были чисто служебными, и вне работы никаких контактов мы с ним не поддерживали. К работе Миркин Б.С. относился очень своеобразно. Так, он считает, что та работа, которую мы делаем, никому не нужна, и он ее презирает. Миркин Б.С. зарекомендовал себя неисполнительным, бесперспективным и безынициативным работником с очень низкими профессиональными качествами. Зная такое отношение со стороны Миркина к его работе, я всячески избегала работать с реактивами, изготовленными Миркиным, так как это значило тратить напрасно время и не достигнуть в исследовательской работе результата. Для исследовательской работы он совершенно непригодный и вообще, на мой взгляд, Миркин Б.С. случайный человек в химии. На своем рабочем месте Миркин бывал очень редко, а почти все время он болтался по объекту. [Всеми изготовленными мною реактивами она, как и все, пользовалась. А по объектам “болтаться” было нельзя, так как это секретная организация и без специального пропуска никуда не попадешь. **Б.М.**]. Над собой в плане повышения и обновления знаний он совершенно не работал, даже если его

посылали в библиотеку, Миркин не справлялся с минимальным объемом порученной ему работы. <...> Во время учебы в Ленинградском Химико-фармацевтическом институте Миркин Б.С. состоял в студенческом научном обществе и написал одну работу. Я готовила диссертацию по теме, которой занимался Миркин Б.С. в студенческие годы, и могу сказать, что работа эта очень слабая, и написана на низком научном уровне. [Между прочим, эта работа заслужила отличную оценку при ее защите, и начальник кафедры фармакологии ВМА отметил ее практический выход. Ряд исследований, в которых я участвовал, был опубликован в различных химических журналах. **Б.М.**]. <...> Увлечением Миркина является собирание монет, открыток и книг. Нумизматикой он занимается серьезно. У меня была небольшая коллекция монет, и Миркин у меня ее долго просил, и я подарила ее ему из чисто человеческого отношения. Миркин очень увлекается историей. Со слов Миркина мне известно, что в его библиотеке около пяти тысяч томов книг. Книги он собирает самые разные по направленности, это литература по искусству, истории, детская литература, справочная литература и другая. Книги Миркин приобретает очень часто и помногу. Я удивлялась, на какие деньги он делает такие частые покупки, а, принимая во внимание его жалобы, он часто жаловался мне на большое количество долгов и отсутствие денег, присутствие у него наличных денег тем более становилось непонятным. [На нехватку денег я, конечно, мог пожаловаться, но долгов никогда не имел. **Б.М.**]. В то же время завтрак на работу он приносил всегда из дорогих и дефицитных [так в тексте] продуктов.

Миркин увлекается музыкой, особенно он увлекается классической музыкой. За внешним видом Миркин Б.С. не следит. Одевается он неряшливо. Друзьями у Миркина Б.С. на работе являются Ардабьева Т.В., Кокушкина А.В., Словачевская Н.М., Фельд В.Э., Вишневецкий Л.В., Бандман А.Л., Брумберг.

Вне работы я с Миркиным никогда не виделась, поэтому его знакомые мне не известны. Есть ли у Миркина знакомые среди иностранцев и лиц, выехавших на жительство за рубеж, я не знаю, так как об этом разговора у нас никогда не было. [Слава богу! **Б.М.**]

В политическом отношении Миркин Б.С. развит очень хорошо. Мне приходилось беседовать с ним по положению в Польше, о вводе советских войск в Афганистан, о советско-китайских отношениях. В разговорах Миркин Б.С. очень резко и негативно высказывался о внутренних проблемах в СССР. Миркин считает, что в тех негативных моментах работы отдельных предприятий, которые имеют место, виновато не руководство этих предприятий, а весь социалистический строй. При этом Миркин Б.С. показывал свою хорошую осведомленность, и чувствовалось по его словам, мимике и жестам, что он недоволен нашим государственным строем. Миркин говорил несколько раз, что правительство у нас неспособно к управлению страной и привело к развалу страны. Миркин считает, что руководители партии и государства разбазаривают природные ресурсы, а когда мы их исчерпаем совсем, то с нами никто в мире считаться не будет. По мнению Миркина, Советский Союз является сырьевым придатком капиталистических стран. Миркин делал подборки статей из газет об имеющихся у нас временных недостатках, и даже однажды предложил познакомиться со своей подборкой. Предложение это было сделано всем сотрудникам отдела на политзанятиях в мае 1979 года. Вводом советских войск в Афганистан Миркин был очень недоволен и считает, что наши солдаты там гибнут напрасно. [Это правда! **Б.М.**] О положении в Польше Миркин высказывал объективное суждение. К социалистической демократии Миркин относится отрицательно. Как он считает, то в СССР нет совсем никакой демократии, а царит бюрократизм. Законы якобы в СССР существуют только на бумаге и их никто не придерживается. По словам Миркина Б.С., Ленин В.И. не гениальный человек, а просто агрессивный волевой человек, который воспользовался историческим случаем. [И это правда! **Б.М.**] В Советской стране, по мнению Миркина, у нас дезорганизация, хаос и беспорядок. К КПСС Миркин относится очень отрицательно. В 1972 году ему присвоили звание Ударника коммунистического труда, и когда ему вручали удостоверение, то он его принимал с явно брезгливым видом. По вопросу национальных отношений у Миркина сложилось мнение о том, что в СССР нет национального равноправия. [И это правда! **Б.М.**] Он неоднократно заявлял мне, что якобы лиц еврейской национальности у нас в стране притесняют, ущемляют и «нравственно убивают». Именно это является, по его мнению, причиной того, что ему не дают продвижения по работе, а не его лень и бесперспективность.

В июне 1978 года на одной политинформации мы обсуждали какой-то партийный документ. Миркин Б.С. стал давать такие комментарии, что начальник отдела вынужден был его остановить. Источником политической информации Миркину служат советские газеты и журналы. Кроме того, он

покупает газеты стран социалистического содружества – румынские, польские*, болгарские, югославские**. По моему мнению, Миркин прослушивает и западное радио, так как он неоднократно пересказывал содержание передач "голосов" радиовещательных станций стран Запада. Так Миркин очень хорошо осведомлен о жизни "дессидентов" [так в тексте **Б.М.**] за рубежом, о положении в Китае. Он говорил о том, что якобы Украина намерена выйти из состава СССР. [Об этом я ничего не знал. **Б.М.**]

Я знаю, что Миркин Б.С. писал стихи. Стихи у него, на мой взгляд, подражательские и довольно-таки примитивные. Я читала ряд его стихотворений лирического содержания, но клеветнических стихов он мне не показывал.

О возможном намерении Миркина выехать за границу или публиковать там свои стихи мне ничего не известно. Своими планами на будущее он со мной не делился.

Антисоветских произведений Миркин мне читать не давал. Порнографических произведений Миркин мне не показывал, и я не думаю, чтобы такие у него имелись.

Вопросами моей служебной деятельности у меня Миркин Б.С. не интересовался. Странностей в поведении Миркина Б.С. я не замечала.

Показания с моих слов записаны правильно. Поправок и дополнений не имею***.

Текст этого объяснения Н.С. Цеповой хочу сравнить со стенограммой ее выступления на суде. Вот что она заявила на суде:

«Подтверждаю свои показания на предварительном следствии. Миркин допускал негативные высказывания по отношению к руководителям нашей партии и правительства, критиковал экономику нашей страны.

С Миркиным в одном отделе и в одной группе я проработала около 17 лет****. Отношения у меня с ним были дружеские. [В предыдущем протоколе сказано: "взаимоотношения были натянутыми, я его только терпела" **Б.М.**]. Иногда Миркин высказывался негативно по политическим вопросам. О чем именно он говорил, не помню. Своего мнения он никогда никому не навязывал*.

В конце этой стенограммы написано, что других вопросов к свидетельнице Цеповой у участников процесса не имеется.

А теперь я хочу сказать то, о чем еще говорила на суде свидетельница Цепова, и что не вошло в стенограмму судебного заседания. В конце своего выступления Цепова заявила, что на одном из семинаров подсудимый задал руководительнице семинара такой вопрос, что все попадали в обморок. С разрешения судьи я задал ей вопрос: «Когда это было?». Она ответила, что не помнит. Тогда я спросил, какой вопрос я задал на семинаре. Она опять ответила: «Не помню». Обратившись к прокурору, я заявил: «Что же вы вызываете свидетелей, страдающих амнезией?». В этот момент поднялась судья Исакова и, обратившись к свидетельнице, заявила: «Вы же на предварительном следствии сказали, какой вопрос он задал». Я возмутился и сказал: «Гражданин судья! Не помогайте свидетельнице врать. Она и без вас все врет от начала до конца. А если хотите, я могу рассказать, как у нас проводятся семинары». Мне разрешили объяснить, и я сказал: «Во время семинара докладчик читает написанное на бумажке, а слушатели либо спят, либо читают постороннюю литературу. Поэтому волей-неволей иногда задашь вопрос по теме семинара, чтобы люди проснулись и заинтересовались обсуждаемой темой. Но такого вопроса, чтобы все попадали в обморок, я не задавал». Как бы не услышав меня, судья сказала секретарю, ведущему протокол, чтобы вписали в него то, о чем якобы говорила Цепова на предварительном следствии. В приведенном выше протоколе допроса на предварительном следствии ни о каком вопросе, от которого все попадали в обморок, не говорилось. Судья действительно помогала свидетельнице врать. Возможно, поэтому в расшифровке стенограммы судебного процесса нет упоминаний о «моем вопросе».

Вторым свидетелем, о котором я хочу упомянуть, был Валерий Дмитриевич Тонкопий. Опять сравниваю расшифровку стенограммы судебного заседания с тем, что на самом деле говорилось на суде. Так, давая показания на суде, Тонкопий сказал, что однажды в разговоре с ним я смеялся над

* Этим языком я не знал, поэтому газет не мог покупать.

** Читать газеты на этих языках, все равно, что читать «Правду».

*** Дело №П-77792. Т.2. Л.Д.111-118. Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Лен. области.

**** На самом деле я проработал в этой организации 15 лет 8 месяцев.

* Там же. Л.Д.65-66.

опубликованными в газете цифрами военного бюджета. Судья меня спросила: «Это правда?». Я ответил: « Я работаю не в детском саду, а в военном учреждении, и хорошо знаю, сколько все это стоит: танки, пушки, самолеты, ракеты и прочее военное оборудование, содержание армии, научные разработки новых видов вооружения и т.д. Поэтому опубликованная цифра 18 млрд. руб. – совершенно несопоставима с бюджетом США в 230 млрд. долларов. Этой суммы хватит разве что на нищенское содержание наших солдат, которые получают в месяц 3 рубля 80 копеек. Если эта цифра (18 миллиардов рублей в год) правильная, то наше правительство надо отдать под суд, поскольку оно не хочет защищать нас от потенциально возможного противника. Если хотите, то я могу рассказать, почему эта цифра неправильная и как составляется на самом деле военный бюджет нашего государства». Судья ответила: «Не надо».

Весь этот эпизод не вошел в стенограмму судебного заседания.

Один из свидетелей – Владимир Эмильевич Фельд – не присутствовал на судебном процессе (был якобы в отпуске), поэтому по предложению прокурора были зачитаны его показания, данные на предварительном следствии. Из этих показаний мне хочется привести несколько его высказываний. Так, он показал: «Давая характеристику политических взглядов Миркина, хочу отметить, что он проявляет недовольство существующим строем в нашей стране. Он говорил, что польские события показали, что социализм себя изжил, и то, что произошло в Польше, касается и нашей страны. Миркин отрицательно относился к внешней политике нашего государства. В беседах со мной Миркин говорил, что СССР ведет агрессивную войну в Афганистане. Он отрицательно отзывался о коммунистах, и особенно об одном из руководителей ЦК КПСС и Советского государства. Он считает, что во всех недостатках в нашей стране виновата партия, которую следовало бы отстранить от власти. Наши беседы, как правило, проходили наедине»*. [Обвинение голословно. **Б.М.**]

Владимир Фельд – это тот самый человек, который попросил дать ему почитать мои последние стихотворения и сообщил о них в КГБ. В своих показаниях он пишет, что я навязал ему их, но это неправда, я ему, как и всем остальным, не хотел давать свои политические стихи, так как, во-первых, они почти все были в одном экземпляре, во-вторых, я уже стал опасаться их распространения. Фельда я считал своим другом, который никогда не осуждал моих убеждений, а наоборот, подталкивал к написанию новых стихотворений. Теперь-то я понимаю, что это была провокация с его стороны. Когда стихотворений, написанных мною на антисоветские темы, набралось вполне достаточно для ареста, ко мне пришли на работу с обыском, зная, что стихи в этот день мне вернул Фельд.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО

На суде, когда мне предоставили последнее слово, я сказал буквально следующее:

– Граждане судьи, прокурор, адвокат, присутствующие!

Если Господь хочет наказать человека, то отнимает у него разум. Я совсем забыл, в какой стране живу. Эти стихотворения я писал не для вас. Если считаете, что я виновен, – судите, ваше право.

29 августа 1981 года Ленинградский городской суд под председательством судьи Исаковой, при прокуроре Серякове и адвокате Балтус вынес мне приговор: 3 года и 6 месяцев лагерей строгого режима по статье 70 часть 1 УК РСФСР. Написанная мою кассационная жалоба была отклонена, и приговор вступил в силу. (Первый лист определения судебной коллегии об отклонении кассационной жалобы, подписанного судьей Лукановым, приведен мною в Приложении).

При ознакомлении с делом мне показалось интересным то, что судья П.П. Луканов, отклонивший кассацию в 1981 году, подписал мою реабилитацию в 1991.

Поскольку в стенограмме суда, с которой я ознакомился в 2004 году, было исключено то, что касалось грубых определений в мой адрес прокурора и адвоката, я хочу ответить им сейчас так, как они того заслуживают.

Накануне суда меня вызвали в одну из комнат внутренней тюрьмы КГБ и в присутствии моего адвоката, прокурора и следователей, пожилой, с лысиной полковник сказал, что если я буду делать какие-либо заявления или отказываться от того, что говорил на предварительном следствии, то срок мне будет увеличен. А в том, что эта организация может устроить такую подлянку, я не сомневался.

* Там же. Л.Д.96-104.

Моей матери на момент ареста был 81 год, и каждый лишний день моего пребывания в зоне уменьшал возможность встречи с ней в этом мире. Кроме того, есть хорошая поговорка: «Не мечи бисер...». Выступать было не перед кем. В зале сидели люди из пожарно-пограничного училища (так я называл чекистов), а судье мое выступление – пустая трата времени. Но сейчас я бы хотел выступить с последним словом перед своими читателями.

Один из главных героев пьесы Всеволода Вишневского «Оптимистическая трагедия» Вожак выводил в расход всех людей, которые попадали к нему в руки, не давая им даже сказать последнего слово в свое оправдание, называя последнее слово «буржуазным предрассудком». Но когда сам Вожак попал в такой же переплет и ему грозил расстрел, стал просить дать ему последнее слово в надежде попытаться перетянуть матросов вновь на свою сторону. Но ему также отказали в этом «буржуазном предрассудке» и расстреляли.

Отчего же сильные мира сего, а также представители судебных и внесудебных органов боятся этого последнего слова? Видимо, им неприятно слышать правду, когда арестованный ими человек, находящийся на грани между жизнью и смертью, свободой и несвободой, в отчаянии может сказать то, что им не хотелось бы слышать.

Итак, вновь судебный процесс, и моими судьями будете вы, читатели.

– Граждане судьи, прокурор, адвокат, присутствующие!

Если Господь хочет наказать человека, он отнимает у него разум. Я совсем забыл, в какой стране живу. В стране, в которой ложь пропитала все поры общества так, что человека, который попытался сказать правду, – сажают на скамью подсудимых и дают срок. В стране, где человека за его убеждения, которые даже не противоречат Конституции, Уголовному кодексу и Декларации прав человека, называют «негодяем» и «идиотом».

Гражданин прокурор! Вы в своей «блистательной» речи, больше похожей на передовицу из газеты «Правда», назвали меня негодяем, из-за которого вы не можете построить светлое будущее. Мне только непонятно, зачем вам это светлое будущее, когда у вас такое прекрасное настоящее. (Уже в лагере на мой рассказ о суде и, в частности, о речи прокурора, сокамерник по 37 зоне Валерий Смирнов сказал замечательную фразу: «К светлому будущему стремится тот, у кого темное прошлое и серое настоящее»). Вот вы осудите меня за сказанную мною правду, и с чувством честно исполненного долга зайдете в ресторацию, возьмете «грамм сто пятьдесят» коньячку, закусите красной рыбкой и красной икоркой, и будет вам так хорошо и приятно, и все сомнения, которые, возможно, у вас были после моего осуждения, развеются и исчезнут. А меня повезут в «столыпин» в зону, где я буду за баланду создавать вам блага в вашем зарешеченном колюче-проволочном настоящем, а в светлом будущем вряд ли вы будете востребованы. Но если по большому счету, то меня нельзя считать тем препятствием, которое мешает вам построить светлое будущее. Неужели можно всерьез подумать, что написанные мною несколько стихов, которые вы не воспринимаете, могут нанести какой-то вред всей системе, которую вы защищаете? Главной помехой осуществления вашей мечты служат люди, стоящие у власти. Они, не моргнув глазом, недрогнувшей рукой подписали приказ о вводе войск в Афганистан, послав на смерть тысячи солдат и офицеров, которые сейчас погибают в чужих горах за чьи-то амбиции.

– Гражданин судья!

В процессе судебного заседания у меня возникло несколько вопросов.

Неужели есть статья в Уголовном кодексе, по которой собирание вырезок из советских газет наказывается в уголовном порядке? Я думаю, что нет.

Со мной разговаривало три психиатра, по-моему, даже кандидаты наук. Суд доверяет компетентности этих людей? Какой-нибудь документ о моем психическом здоровье оставлен в деле? Можно его прочитать вслух? (При ознакомлении с делом в 2004 году я нашел этот документ. В нем, кроме всего прочего, говорится обо мне: «...не терпел лжи и фальши. Нарушений мышления не обнаруживает. Заключение: На основании вышеизложенного комиссия приходит к заключению, что Миркин Борис Савельевич психическими заболеваниями не страдает. В период инкриминируемых ему деяний также психическим заболеванием не страдал, мог отдавать отчет в своих действиях и руководить ими. Вменяем»^{*}).

^{*} Там же. Т.3. Л.Д.36-38.

– Гражданин адвокат!

Скажите, пожалуйста, какое у вас образование? Кроме юридического, у вас нет ли медицинского с психиатрическим уклоном? В своей речи на суде вы заявили: «Да он же идиот! Он собирал вырезки из советских газет». Поскольку собирание вырезок из советских газет не является уголовно наказуемым деянием, я имею полное право заниматься этим. Ваше определение моего занятия как действий «идиота» при наличии справки психиатрической комиссии, где я охарактеризован как человек с нормальной психикой, считаю клеветой и оскорблением моего достоинства. А клевета и оскорбление подпадают под действие статей 130 и 131 Уголовного кодекса РСФСР, и я бы мог привлечь вас к уголовной ответственности. Назвав идиотом человека, который собирал вырезки из *советских* газет, вы, таким образом, заподозрили в идиотизме всех сотрудников СМИ и цензоров, связанных с компетентными органами.

Заканчивая эту главу, я хочу еще раз подчеркнуть, что к тем несправедливым обвинениям, которые были высказаны моими свидетелями на предварительном следствии, добавились извращения всего судебного процесса, которые я обнаружил в стенограмме суда.

ЛАГЕРНЫЕ РАССКАЗЫ

Эти рассказы, написанные мною в Пермском лагере и доработанные при подготовке к печати, представляют собой отдельные зарисовки лагерного быта. Конечно, прочитав их, можно составить ошибочное представление, что наша борьба за существование состояла только в поисках еды. Но это

не так. Хотя уже то, что мы остались живы, не сломались, является небольшой победой над системой, которая делала многое, чтобы не все из нас дожили до освобождения. Но тот, кто выдержал, – закалился, и ему уже были не страшны все житейские бури, ожидавшие его и в «большой Зоне».

КАРТОШКА

Есть люди, которые своим поведением приносят окружающим много неприятностей. Да и себе ничего хорошего не делают. Но кто знает, почему...

Привезли к нам в 37 зону одного заключенного – Олега Михайлова. За что его посадили, я тогда не знал, но проходил он, как говорили, по 64 статье (Видимо, за попытку перехода границы)*. Был он среднего роста, крепкого телосложения, этакий «качок». Любимым занятием Олега был бег по кругу вдоль колючей проволоки. Создавалось такое впечатление, что он готовится в побег. Часовой на вышке, видя такое поведение зэка, настороженно за ним наблюдал, придвинув на всякий случай автомат поближе. Вот также, только значительно реже, бегал Герман Обухов. Я говорил последнему, что есть вид соревнования – стрельба по бегущему кабану. «Смотри, – говорю, – откроют стрельбу по бегущему Герману!». Но это шутка.

Но если бы Михайлов просто бегал, это бы еще полбеды. Но он любил делать гадости всем окружающим. По существующему лагерному уставу заключенным запрещено заниматься огородничеством и садоводством. Зачем эта статья была включена в лагерный устав, совершенно непонятно, так как это занятие могло бы отвлечь человека от разговоров о политике и желания проводить акции возмущения против действий администрации. Но это смирение начальству явно было совершенно не нужно.

Сам начальник колонии жил как помещик. У него были парники, крольчатник, которые я сам видел, когда заготавливал дрова для котельной*, и, видимо, какие-то животные, для которых зэки заготавливали сено. Работающие на него заключенные имели послабление режима в виде разрешения на получение дополнительной посылки из дома или на свидание. Между заборами, входившими в зону ограждения, зэки сажали для начальника картошку. Однажды посадку поручили Манучаряну, Егиазаряну и Гогия, людям сугубо городским: кандидату искусствоведческих наук, металлургу и главному редактору газеты в Рустави. Они посадили так, что ничего не вышло. Как потом они мне объяснили, делали так: снимали дерн, клали картошку и накрывали перевернутым дерном, плотно проросшим корнями травы, сквозь которые ростки картофеля не могли пробиться. Был ужасный скандал, но наказания не последовало.

Огородничеством и хозработами занимались в основном заключенные, получившие срок от 15 до 25 лет за службу у немцев на оккупированной территории, а теперь старательно работавшие на администрацию, поэтому она на некоторые нарушения смотрела сквозь пальцы. Эти зэки завели себе на окраине зоны собственные огородики, небольшие грядки имели и другие заключенные, где грузины сеяли кинзу, я – укроп, и т.п.

Вышеназванный Олег Михайлов завел свой огород прямо у входа в зону и не обращал внимания на указания начальства и солагерников, не желавших осложнений, на необходимость убрать огород с видного места. Первый же прибывший с проверкой прокурор по надзору, увидев это нарушение требований устава, был страшно обозлен, и по его приказу начальник направил охранников, которые уничтожили все огороды. Эта работа была сделана достаточно добросовестно. Некоторые старики плакали, увидев вырванные с корнями растения и затоптанные грядки. Больше никто из них к разоренным огородам не возвращался.

Однажды, собирая грибы в лесочке в пределах зоны, я увидел вырванную ботву и подумал, что часть картошки могла остаться в земле. Я хотя и понимал, что это чужое добро, но оставлять пропадать его не было смысла. Крупную картошку кто-то уже собрал, осталась только размером с шарик от пинг-понга и крупные горошины. И вот, покопавшись в грязи, я набрал целый полиэтиленовый мешок свежей, отливающей желтизной картошки. Ее даже не нужно было чистить,

* Уже после первого издания книги я узнал, что Олег Васильевич Михайлов, 1948 года рождения, отбывал наказание по статьям 15-50 часть 1, 56 часть 1 УК Казахской ССР – 13 лет. В книге Дэвида Саттера «Век безумия» говорится, что Михайлов избивал политзэков с подачи администрации.

* С. с. ** настоящего издания (справка о Зинченко).

такая была тоненькая и ажурная шкурка. Вымыв и поджарив картошку на плите в растительном масле, я принес ее в нашу компанию из трех человек. Это было пиршество!

Самым странным было то, что после разорения личных огородов из зоны исчез Михайлов, и больше мы о нем никогда не слышали. У меня создалось впечатление, что это был провокатор, так как он не работал ни на одном из лагерных производств, несмотря на свое отменное здоровье.

ГРИБЫ

Обе зоны Пермских лагерей, в которых мне довелось находиться, расположены в лесистой местности вдали от городов, поэтому на их территории можно было найти большое количество грибов. Ядовитых грибов практически не было. В 35 зоне больше всего было «навозников». Они очень вкусные, но использовать их можно только молодыми, так как потом они превращаются в зонтики и чернеют. Я где-то прочитал, что из этих грибов даже делают чернила. Позже узнал, что их ни в коем случае нельзя есть при употреблении спиртных напитков, так как вызывают тошноту. Там же в зоне росли дождевики, и часто, особенно после дождя, все тропинки были усеяны этими белыми шариками. Все шло в пищу. В 37 зоне, куда меня перевели в 1982 году, не было «навозников», но дождевики росли в достаточном количестве. В небольшой рощице, которая была в центре зоны, попадались даже подберезовики. Все это в сочетании с травами, выращенными на огороде (петрушка, укроп, кинза), с удовольствием употреблялось нами в пищу. Впервые там я попробовал добавлять в еду цветы, листья и семена настурции. Вкус оказался специфический, но достаточно приятный.

Все это являлось хорошей добавкой к скудному лагерному пищевому рациону.

В зоне многие заключенные, в том числе и я, выписывали газеты и журналы. Из них я делал вырезки интересных для меня повестей, стихов, рассказов, романов. Иногда мне отдавали подобные материалы ээки, которых они не интересовали. Вырезок скопилось довольно много, они занимали всю тумбочку, а частично находились на складе за зоной. Было у меня и несколько общих тетрадей, куда я записывал стихи любимых поэтов, а среди них и свои без указания автора (так я надеялся сохранить для будущего свои стихотворения).

Однажды за зоной мы увидели пожар и были очень довольны, что горят «менты». Как потом оказалось, что это горел... склад с нашими вещами. Пропали в огне или по другой причине мое пальто с приговором, лежавшим в кармане, и другие вещи. Сгорели и находившиеся на складе вырезки из газет и журналов. Мне отдали при освобождении только кое-что из одежды, положенной в чужой старый розовый мешок.

Среди охранников был один прапорщик, который интересовался историей России. Я давал ему некоторые интересующие его вырезки, а потом мы с ним обсуждали прочитанное. Однажды один солагерник попросил дать ему почитать историческую повесть о Петре 1. Я дал ему с условием, что он будет читать только в жилой зоне. Но он принес в промышленную зону и стал читать на виду у охранников в рабочее время. Охранники повесть отобрали. К сожалению, прапорщик, которому я давал читать вырезки, был в это время в отпуске. Когда он вернулся, я попросил разыскать повесть. Он действительно ее принес, но в ней не оказалось нескольких последних листов, а на титульном листе было большое масляное пятно (видимо, от рыбы).

Этот прапорщик обратился ко мне с вопросом, разбираюсь ли я в грибах. Поскольку я изучал флору и микологию в институте и на практике и сам любил заниматься грибами, то ответил, что разбираюсь. Я, конечно, знал, что в разных областях страны могут быть такие грибы, которые не похожи на привычные нам. Так и получилось. Он мне принес для определения два гриба. Один был явно дождевик размером с тугой теннисный мячик, а второй оказался мне неизвестен, он весь от шляпки до толстенькой ножки был оранжевого цвета. Но я храбро взялся за его опознание. Срезав низ гриба, стал лизать его языком. Ни горечи, ни жжения не было, запах натуральный грибной. Я сказал прапорщику, что есть их можно. Он притащил целое ведро дождевиков и оранжевых грибов, набранных за зоной в лесу. Я почистил грибы, отварил их в подсоленной воде, слил, промыл и для подстраховки повторил процедуру дважды. После этого прожарил в кастрюле с большим количеством растительного масла, затем добавил зелени и подал к столу своей компании. Все были в восторге. Но те, кто принципиально не стал есть дар «от ментов», стали распространять слухи, что на ээках проводят какие-то эксперименты, связанные с грибами. И я был вынужден, поблагодарив прапорщика

за его дар, отказаться от возможности испытывать это удовольствие в дальнейшем, чтобы не навредить его службе. По его лицу я понял, как он напуган моим рассказом об этих разговорах.

Исторические вырезки я продолжал давать ему до конца срока, и расстались мы весьма дружески. Может быть, это сыграло определенную роль в том, что мне при освобождении отдали почти все общие тетради и вырезки. Когда я садился в самолет в Пермском аэропорту, у меня с собой было 80 килограммов багажа, состоявшего из упомянутых выше бумаг.

История с оранжевыми грибами имела свое продолжение. Когда я чистил грибы, то сливал промывочную воду с очистками в одно и то же место. Там на следующий год вырос десяток таких же крепких оранжевых грибов, которые также были употреблены в пищу.

ПЕРЕЦ

Когда меня выпустили из карантина по прибытии на 35 зону, я обратил внимание, что на окнах жилых помещений в различной посуде (миски, кастрюли, горшки) стояли маленькие и большие деревца, среди листьев которых горели как огоньки стручки красного горького перца. Это была так называемая частная собственность людей, которые получили очень большие сроки лагерей. Есть пищу, которую нам готовили, было практически невозможно, если ее чем-нибудь не сдобрить. Для этого и употреблялся красный перец. Покупали мы с сокамерником Зурабом Гогия этот перец за «валюту», а валютой служил чай. Правда, давали нам его одну пачку в месяц, которую я и менял на перец. Однажды попробовал очень крепко заваренный чай (чифир – пачка чаю на кружку кипятка), когда кружку пустили по кругу, и мне пришлось отхлебнуть несколько глотков. Ночью мне стало плохо с сердцем, и я после этого отказывался пить крепкий чай. Кипяток заваривал листьями от лимона, дерево которого росло в большой кастрюле в прихожей. (Эта привычка пить слабозаваренный чай сохранилась у меня до сих пор).

Иногда за пачку чая мне предлагали сапоги или робу, но я не брал вещей – мне было просто неудобно.

Один из лагерных «селекционеров» решил вырастить сладкий болгарский перец. У него на кусте вырос один чудовищно толстый экземпляр, который действительно мог бы стать экспонатом какой-нибудь сельскохозяйственной выставки. Хозяин перца все свободное время проводил около него: рыхлил землю, поливал, подкармливал спитым чаем и мечтал о том, что перец вырастет еще большего размера. Всем окружающим, приходившим посмотреть на этот необычный овощ, он взахлеб рассказывал о том, как его выращивал. Но перец почему-то перестал расти, и хозяин недоумевал по этому поводу. А потом оказалось, что кто-то лезвием бритвы срезал с перца ту сторону, которая была обращена к окну и не была видна. Крик Акакия Акакиевича, у которого украли шинель, был ничто в сравнении с криком человека, обнаружившего свое любимое детище испорченным. Все почему-то смеялись до коликов. Не смеялся, по-моему, один я. Мне было противно и обидно: можно по-всякому относиться к человеку, когда-то предавшему Родину, но подлость – она и есть подлость, и допускать подобного нельзя. Я об этом сказал вслух. Услышал ли кто меня? Не знаю... Мне тогда стало понятно появление на входной двери листка, обнаруженного мною при возвращении с работы из промышленной зоны, в котором перечислялись все непечатные слова и нецензурные выражения в адрес того, кто испортил перец. Я догадывался, кто это сделал, но утверждать не берусь.

АФГАНСКАЯ ВОЙНА В МОЕЙ ЖИЗНИ И СУДЬБЕ

Меня часто спрашивают: «Зачем ты пишешь стихи об афганской войне? Что тебе этот Афганистан? Участия в войне ты не принимал, никто из родственников там не погиб».

Вроде бы все верно. Но тогда почему у меня болит душа при одном только упоминании об этой войне? Что меня мучает, когда я думаю о тех наших солдатах и офицерах, которые погибли там, в горах, или вернулись домой инвалидами с искалеченной психикой? Ведь это были совсем еще молодые люди, только начинающие жить. Кто ответит за их преждевременную смерть или потерянное здоровье? Ответа на эти вопросы у меня нет.

Вот почему я все время возвращаюсь к этой больной для меня теме – теме афганской войны, войны изначально преступной по отношению к народам Советского Союза и Афганистана. Она преступна уже потому, что при вводе наших войск в эту страну был убит президент Афганистана

Хафизулла Амин, по чьей просьбе, собственно, мы и пришли в эту страну. Пришли, чтобы помочь ему отбиться от врагов. Убит подло, предательски вместе со всей семьей и с теми людьми, которые защищали его как своего президента. Я ни в коей мере не склонен обелять Амина. Это тиран, на совести которого многочисленные жертвы и среди своего окружения, и среди мирного афганского населения. Не надо забывать, что мы находились на территории*** далее неразборчиво

Она преступна еще и потому, что, придя в страну вроде бы с благими намерениями, наша армия применяла там такое оружие и такие боеприпасы, которые можно смело отнести к оружию, направленному против самого понятия «человечность», запрещенному международными конвенциями, подписанными, кстати, и руководителями нашей страны. Это, во-первых, так называемые «объемные» бомбы, применение которых требовало спецразрешения из Москвы, используемые против моджахедов, скрывавшихся в горах. Но в этих же горных пещерах часто прятались и просто мирные жители из ближайших кишлаков, когда эти кишлаки подвергали бомбежке наши самолеты. В момент срабатывания взрывателя первый заряд взрывал наполненную газом оболочку, высвобождая находящийся там газ. Облако газа заполняло все щели в горах и взрывалось уже самопроизвольно, уничтожая все живое.

Во-вторых, это реактивные снаряды, так называемые игольчатые РС, начиненные миллионами мелких иголок. При взрыве такого снаряда человек превращался в мелкое сито. (Сведения взяты из рассказа военного летчика майора Соколова, напечатанного в журнале «Дружба народов» № 8 за 1994 год).

В-третьих, огнеметы различных модификаций – от ручного до стационарного, струя огня которых пробивала толстый слой бетона.

В-четвертых, ковровые бомбардировки населенных пунктов, приводившие к многочисленным жертвам среди мирных жителей.

Таким образом, вся территория страны была превращена в огромный полигон для испытания разного вида оружия на людях.

Эта война преступна еще и потому, что наши военнослужащие, которым доверили оружие, очень часто применяли его не только против вооруженных моджахедов, но и против мирных жителей, совершая грабежи, убийства и насилия. Часть военнослужащих, пристрастившись к наркотикам, продавала за них моджахедам оружие, боеприпасы и топливо. Оружие применялось и при различных разборках между солдатами. Более пяти тысяч наших солдат и офицеров, совершивших уголовные преступления во время войны, сидели в тюрьмах и лагерях. И это только официальные цифры. На многие преступные деяния просто закрывали глаза, лишь бы информация не просочилась в прессу или на Запад.

После вывода советских войск из Афганистана 15 февраля 1989 года наши народные депутаты признали войну ошибкой и всех военных преступников посчитали жертвами ошибочной войны. Была объявлена амнистия от 15 декабря 1989 года всем, совершившим какие-либо правонарушения за период войны в Афганистане. Она не коснулась только тех, кто добровольно сдался в плен моджахедам. На то были у каждого свои причины: кто-то не хотел воевать против своих единоверцев (в основном граждане республик, исповедующих ислам); из-за неуставных отношений в части могли попасть под трибунал за совершенное преступление; не желали быть убитыми на чужой для них войне, и т. п. Часть таких перебежчиков оказалась на Западе. Возможно, их выкупили у моджахедов какие-нибудь международные гуманитарные организации и вывезли в Европу или Америку. Наши доблестные чекисты, используя письма родных, сумели выманить нескольких из них обратно в Союз, где они были арестованы. По крайней мере, двое из них – Олег Хлан и Игорь Рыков – были расстреляны, а Николай Рыжков (1964 года рождения) получил 12 лет по статье 64 «а» и сидел в Пермских лагерях.

Почти 35 стран «осчастливила» наша армия своим присутствием, поддерживая те или иные антинародные режимы. Но именно афганская война так запала мне в душу и не отпускает до сих пор. По моему мнению, только она так высветила действительное положение дел в нашем государстве, явившись последним гвоздем, забитым в крышку гроба Советского Союза. А власть в Кремле оказалась настолько слаба, что уже не могла быть объединяющим и связующим звеном для всех республик, что и привело в конечном итоге к развалу СССР в 1991 году.

А теперь немного из истории Афганистана и наших взаимоотношений с ним.

Афганистан находится на юго-востоке Азии. На севере граничит с Туркменией, Узбекистаном и Таджикистаном; на востоке – с Китаем, Индией и Пакистаном; на юге – с Пакистаном, на западе – с Ираном. На три четверти горная страна. Население на момент ввода наших войск – 16 млн. человек: более половины составляют пуштуны, затем таджики, хазарейцы, узбеки и туркмены. Основные языки – пушту и дари (государственные). Остальные жители страны говорят на фарси (таджики) или на своих родных языках. Вероисповедание – ислам суннитского толка (84%). Шииты живут вблизи границы с Ираном. Столица – Кабул, наиболее крупные города: Кандагар, Герат, Джелалабад, Мазари-Шариф. Население живет в основном за счет скотоводства и земледелия. Промышленность развита слабо.

Эта территория на протяжении своего существования неоднократно подвергалась захвату различными завоевателями, в том числе персами, Александром Македонским, арабами, татаро-монголами, Тамерланом и др. Первое упоминание об Афганистане как о стране афганцев относится к XIV веку. Арабский путешественник Ибн Баттута писал в 30-х годах XIV века о городке Кабул, в котором живет племя, называемое афганцами. Первые систематические связи Московского государства с Афганскими княжествами относятся также к XIV веку, и первым Великим князем, который принял посольство Бабура – основателя империи Великих Моголов, в состав которой входил Афганистан, был Иван III Васильевич. В 1465 году его посольство посетило Герат, а в 1490 году гератские послы приехали в Москву.

В XIX веке Афганистан вел две войны с Англией: через Афганистан проходит самый короткий путь в Среднюю Азию, так прельщавшую англичан. Так как Россия имела свой интерес в Средней Азии, то могло произойти столкновение этих двух государств. Поводом к обоим англо-афганским войнам послужил приезд посланцев из России для обсуждения вопроса о заключении мирного договора между Россией и Афганистаном.

Первая война началась в 1838 году с приема эмиром Дост Мухаммедом поручика И.В. Виткевича – адъютанта оренбургского губернатора В.А. Перовского. 4 мая 1838 года Великобритания обратилась с нотой протеста к министру иностранных дел России К. Нессельроде. Нессельроде отозвал Виткевича в Петербург. Но в конце 1838 года английские войска вошли в Афганистан. Война длилась 4 года и закончилась победой афганцев, англичане потеряли до 30 тысяч солдат.

В 1878 году в Афганистан прибыла российская дипломатическая миссия во главе с героем русско-турецкой войны 1877-1878 годов генералом Н.Г. Столетовым для скрепления наших дружеских связей и заключения союза против врагов эмира. Уже был подготовлен проект договора, но Великобритания потребовала от эмира порвать отношения с Россией и допустить въезд в Кабул английских офицеров. Не дожидаясь ответа на ультиматум, 21 ноября 1878 года англичане начали вторую войну. На территорию Афганистана была введена 60-тысячная армия и заняты все крупные города. Эмир Шер Али-хан уехал на север страны и вскоре умер. Наша миссия после смерти эмира выехала из страны. Сын умершего эмира Якуб-хан вынужден был подписать англо-афганский договор, по которому к Британской Индии отходил юг Афганистана. Но 3 сентября 1879 года в Кабуле началось восстание, английский резидент был убит, а Якуб-хан бежал из столицы. После ряда сражений с переменным успехом, в конце концов, был заключен договор, и по соглашению нового эмира Абдурахман-хана с англичанами 31 июля 1880 года война закончилась. В своей политике он умело лавировал между Россией и Англией, и даже в 1896 году получил титул «Цвет нации и религии».

В 1980 году в Москве вышла книга профессора-востоковеда Н.А. Халфина «Победные трубы Майванда». Купил я ее ради любопытства, так как в ней говорилось об англо-афганской войне во второй половине XIX века. Прочитал книгу на одном дыхании, но больше всего меня поразил один из эпизодов войны, которая проходила на этой же территории за 40 лет до второй англо-афганской войны:

«...Прошло еще три дня, и, как намечалось, из Кабула в Индию выступили остальные британские войска. Их маршрут проходил через Гандамак и Джелалабад на Пешевар. Дорога знакомая: за 40 лет до того здесь полегла выбиравшаяся из афганской столицы под огнем патриотов пятнадцатитысячная англо-индийская оккупационная армия. Можно было бы сказать: «полегла до последнего человека», если бы не уцелел ее единственный представитель – доктор Брайдон». Ущелье, по которому проходили вооруженные войска, было очень узкое, и афганцы, завалив его с двух сторон, стреляли и сбрасывали камни в потерявший маневренность отряд.

Третья англо-афганская война началась уже в XX веке и продолжалась с 6 мая до 3 июня 1919 года. Несмотря на наличие у англичан большого количества военной техники, победу одержал

афганский народ. 8 августа 1919 года Великобритания признала независимость Афганистана, а через 2 года – 28 февраля 1921 года – был подписан первый советско-афганский договор о дружбе.

Взаимоотношения Советской России с Афганистаном были сложными. Особенно они осложнились во время становления советской власти в Средней Азии. Значительная часть жителей региона не приняла новой власти, начались настоящие бои между басмачами и Красной Армией. Потерпев поражение, остатки басмачей уходили в Афганистан, а затем, окрепнув, вновь совершали нападения на советскую сторону. Только в 1930 году после того, как были введены на территорию Афганистана наши войска и уничтожены базы басмачей, набеги прекратились.

Начиная с 1960-х годов, когда на престоле в Афганистане был Мухаммед Захир-шах, взаимоотношения с этой страной у нас были очень хорошими, он часто приезжал с визитами в Советский Союз. Были заключены взаимовыгодные договоры, оказывалась помощь Афганистану оружием, боеприпасами, строились различные промышленные объекты.

В январе 1965 года в Кабуле была создана НДПА (Народно-демократическая партия Афганистана). На первом съезде партии первым секретарем ЦК был избран писатель Нур Мухаммед Тараки. Его заместителем стал Бабрак Кармаль. В 1967 году партия раскололась на две группировки – «Хальк» («Народ») и «Парчам» («Знамя»). Обе они вначале признавали единую программу и устав партии, так как боролись с общим врагом – монархическим режимом Мухаммеда Захир Шаха. Летом 1973 года племянник короля Мухаммед Дауд после отъезда короля Захир Шаха в Европу с официальным визитом, используя эти антимонархические настроения в стране, произвел бескровный переворот и стал президентом Афганистана. Играя на демократических настроениях некоторой части населения, Дауд провозгласил реформы, в том числе и земельную, гарантировал права и свободы, усилил борьбу с безработицей и беззакониями. Но землю смогли выкупить только 7 тысяч крестьян, а расчет на иностранные инвестиции не оправдался. Дауд создал свою партию, после чего НДПА оказалась вне закона. В июне 1976 года на нелегальной конференции НДПА восстановила свое единство. 17 апреля 1978 года был убит один из авторитетных лидеров просоветской НДПА М.А. Хайбар. Его похороны вылились в восстание. Состоялись грандиозные антиправительственные демонстрации, и руководители НДПА оказались в тюрьме, им даже грозил смертный приговор. Оставшийся на свободе один из руководителей группировки «Хальк» Амин вместе со своими единомышленниками организовали офицерский переворот, который впоследствии был назван «Апрельской революцией». «Парчам» в этом перевороте практически не участвовала. Танковые части вошли в город и захватили дворец. Мухаммед Дауд, его жена и пятеро детей были убиты. Из тюрьмы освободили политзаключенных; были выпущены Нур Мухаммед Тараки, Бабрак Кармаль и др. Тараки стал президентом страны, его заместителем – Бабрак Кармаль, а Хафизулла Амин – премьер-министром.

Представительство СССР в Кабуле, во главе которого стоял А.М. Пузанов, было в растерянности – оно не ожидало подобного развития событий. О перевороте в Кабуле Брежнев и Андропов узнали из сообщений западных информационных агентств.

Затем вновь начались разногласия, в НДПА усилился раскол, и группировка «Хальк» с одобрения Кремля стала единственной партией. Бабрак Кармаль, который возглавлял «Парчам», сумел объединить вокруг себя всех недовольных возвышением Тараки и Амина, так как сам мечтал о кресле премьер-министра. Заговор был раскрыт, и Б. Кармалю направили в «почетную ссылку» послом в Чехословакию, Наджибуллу – в Иран. В руках Амина сконцентрировалась вся партийная и государственная власть. В ноябре 1979 года, после возвращения из поездки в СССР, Тараки был свергнут и убит (задушен подушкой) по приказу Амина. Амин просил Москву прислать войска для защиты своей резиденции. Хотя впервые вопрос о вводе советских войск был поставлен еще при Тараки 15 марта 1979 года в связи с мятежом в Герате. Но ему было отказано. И только убийство Тараки, смерти которого не желало наше правительство, послужило поводом для ввода войск. Амин до странности верил только советским руководителям, советским специалистам, врачам. Даже его собственная охрана состояла из сотрудников 5 управления КГБ СССР. Дальнейшая их судьба неизвестна.

В узком кругу членов Политбюро (Л.Брежнев, Ю.Андропов, А.Громыко, М.Сулов и Д.Устинов) в атмосфере большой секретности на совещании 8 декабря 1979 года было решено устранить Хафизулла Амина и поставить на его место Бабрака Кармалю. Для этой цели под предлогом охраны

дворца Амина были направлены «мусульманский батальон» чекистов из республик Средней Азии (под командованием майора Х. Халбаева) и сотрудники двух спецгрупп КГБ СССР. В Афганистане они назывались «Гром» (сотрудники группы «Альфа»), куда входили классные спортсмены, и «Зенит» из Балашихинской школы, которая готовила диверсантов для осуществления терактов в случае необходимости за пределами Советского Союза. (Кстати, эту школу окончил Ясир Арафат). Последние для маскировки были одеты в афганскую форму. Группу возглавлял полковник Бояринов – начальник учебного центра школы. В помощь этим оперативным группам был выброшен десант особой группы КГБ СССР «Октава» во главе с полковником Гогоберидзе, подчинявшимся лично председателю КГБ Андропову.

Прилетев официально для защиты дворца, они начали операцию «Шторм-333», главной целью которой был захват дворца Тадж-Бек, где размещалась резиденция главы ДРА, и устранение от власти Х.Амина.

Я не буду останавливаться на организации и штурме дворца Амина, об этом подробно рассказывается в книге «Афган, снова Афган», вышедшей в 2002 году, и в журнале «Родина» № 2 за 1999 год. Более конкретно хочу написать об убийстве Амина, его семьи, советского врача и одного из «героев» этой операции – полковника Бояринова.

Пока спецгруппы КГБ «Гром» и «Зенит» при поддержке так называемого «мусульманского батальона» готовились к штурму, во дворце днем 27 декабря 1979 года проходил торжественный обед, на котором Амин радостно объявил о том, что в Афганистан входят приглашенные для укрепления его режима советские войска. На самом же деле указанной выше пятеркой членов Политбюро ЦК КПСС уже было принято решение о ликвидации Амина и его соратников путем отравления, и только в случае неудачи этой акции надлежало приступить к штурму дворца. Советские врачи, которых из соображений секретности не поставили в известность об этом решении*, вызванные к отравившимся участникам званого обеда, приняли все меры для спасения Амина: промывание желудка, уколы, капельницы. Это были терапевт полковник В.П. Кузнецников и хирург полковник А.В. Алексеев. С огромным трудом им удалось вернуть Амина к жизни, сорвав тем самым планы могущественной «пятерки». Многие участники обеда, съевшие отравленное блюдо, умерли в мучениях. Повара-узбеки были задержаны. Поваром-отравителем был подполковник КГБ Михаил Талев, азербайджанец по национальности**.

О том, что произошло в Кабуле в конце 1979 года, я узнал уже в январе 1980. Моя знакомая по работе рассказала мне все, что она узнала из беседы с одним из вернувшихся из Афганистана врачом Амина. Они услышали стрельбу, когда оказывали помощь отравившейся дочери Амина, у которой был грудной ребенок. Врачи подумали, что напали моджахеды или сторонники Тараки. В книге «Афган, снова Афган» описан момент убийства Амина. Врач Алексеев увидел идущего по коридору Амина, который шел в отблесках огня и держал вверх на вытянутых руках флаконы с физраствором, вводимым ему в кровь. Алексеев подошел и вытащил иголки из его вен. Тут послышался детский плач – откуда-то из боковой комнаты вышел, размазывая кулачками слезы, пятилетний сынишка Амина. Увидев отца, он бросился к нему и обхватил колени. Они сели в углу. Врачи пошли по коридору, стремясь уйти подальше от того места, где был Амин. Раздавшимся взрывом врачей отбросило к двери в конференц-зал, куда они и укрылись от стрельбы.

К сидящему в углу Амину подбежал адъютант и сказал, что происходит штурм. Амин ответил: «Позвоните советским, они помогут». Когда адъютант ему сказал, что это штурмуют «советские», Амин не поверил. Удостоверившись, что связь не работает, он отошел в сторону и тихо сказал: «Я об этом догадывался, все верно...».

Через некоторое время группа спецназа прорвалась в помещение, где находился Амин. Он и его адъютант были убиты офицером из группы «Октава» Э.Козловым по приказу Гогоберидзе. Из дворца появились сотрудники группы Бояринова, все еще одетые в афганскую форму, на плечи которых легла основная работа по штурму дворца. Оказавшись между группами «Октава» и «Альфа», офицеры Бояринова в темноте были приняты за защитников дворца и почти полностью уничтожены*, поскольку был приказ Андропова пленных не брать. В 5 часов утра группа «Октава» покинула Кабул. Во время штурма были убиты оба малолетних сына Амина, его родственники, охрана и служба. Труп

* Эта операция была настолько секретна, что в известность не был поставлен даже посол СССР в Афганистане Ф.А.Табеев.

** Гордиевский О., Эндриу К. КГБ – разведывательные операции от Ленина до Горбачева. М., «Центрполиграф», 1999. С.577.

* Участник штурма Курилов В.Н. имеет другой взгляд на описанные события. См. сборник «Афган, еще Афган».

Амина завернули в ковер и закопали отдельно от сыновей и других убитых афганцев. После захоронения прошлись бронетранспортером по братской могиле и сравняли с землей.

По свидетельству участников штурма, врач Кузнеченков был убит осколком гранаты, но Алексеев, находившийся с ним рядом, утверждал, что когда они вдвоем прятались во время штурма в конференц-зале, какой-то автоматчик, заскочив туда, дал на всякий случай очередь в темноту. Одна из пуль попала в Кузнеченкова, и он умер на глазах у Алексеева. Убитого товарища Алексеев вынес на улицу и хотел положить на БТР, но автоматчик сказал: «Мертвых не берем». Впоследствии удалось отвезти тело Кузнеченкова в морг госпиталя, а Алексеев встал к операционному столу.

В апреле 1980 года закрытым Указом ПВС СССР большая группа участников штурма дворца была награждена орденами и медалями, в том числе Бояринов (посмертно), Козлов и Карпухин получили звание Героев Советского Союза, генерал Дроздов – орден Октябрьской революции, несколько человек – ордена Ленина и Красного Знамени. Среди награжденных участников штурма дворца только двое – врачи Кузнеченков (посмертно награжденный орденом Красного Знамени) и Алексеев (получивший Почетную грамоту) действительно выполняли свой интернациональный и врачебный долг.

Более того, от имени председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова каждому спецназовцу вручили конверт, в котором лежали четыре новеньких купюры по 25 рублей, т.е. по сто рублей. Председатель КГБ Узбекской ССР переплюнул своего союзного начальника, и от его имени вручили каждому участнику штурма конверт со 150 рублями и личной благодарностью*.

Убитых советских бойцов хоронить в Москве не разрешили, а оставшимся в живых велели «все забыть». Но забыть не удалось, потому что страна уже была втянута в многолетний конфликт...

Когда я вижу на телеэкране полковников и генералов из «Альфы», которые рассказывают нам о своей нелегкой службе по защите отечества, чаще всего они вспоминают о штурме дворца Амина как о самой удачной операции спецслужб. Меня поражает их бесстыдство, с которым они излагают все перипетии этого заказного убийства на международном уровне. Пользуясь полным доверием Амина к нашей стране и ее специалистам, спецслужбы КГБ расправились с ним и его семьей. Известны и исполнители, и заказчики убийства, но никто не понес ответственности за содеянное.

Бывший главный военный советник в Афганистане в 1980–1982 годах генерал-лейтенант В.Черемных в интервью на вопрос корреспондента газеты «Комсомольская правда» В. Чертинова** о том, действительно ли эта операция считается образцовой, ответил: «Какой образец? Полнейшая неразбериха. Сначала Амина отравить хотели. <...> Ну, а сам штурм дворца, он ведь на полчаса раньше начался, чем было намечено».

А теперь хочу остановиться на озвученных в средствах массовой информации версиях ввода наших войск в Афганистан.

1 версия. Защита южных границ.

Так, руководитель всех групп, штурмовавших дворец, генерал-майор Ю.И. Дроздов писал: «Штурм дворца был необходим, так как необходимо было защитить южные границы СССР. Если бы не эта акция, а также ввод войск в Афганистан, то через 10-15 лет нам бы в этом районе пришлось бы еще тяжелее»*.

Как мы защищали западные границы страны, мы знаем. В странах, входящих в Варшавский договор, время от времени возникали кризисные ситуации, и мы вводили войска для подавления антисоветского мятежа. Так было в 1953 году в Германии, в 1956 году в Венгрии, в 1968 году в Чехословакии.

В декабре 1979 года настала очередь Афганистана.

2 версия. Введение войск по просьбе Бабрака Кармаля.

О том, что это была заведомая ложь, мы узнаем из интервью, данном Б. Кармалем в 1989 году главному редактору газеты «Совершенно секретно» Артему Боровику** : «Со всей ответственностью я заявляю афганскому, советскому и другим народам, что до начала 1980 года я ни по закону, ни на практике не был ни руководителем, ни тем человеком, который пригласил в мою страну советские войска. Таким образом, заявление о том, что Советский Союз поддался напору со стороны Бабрака Кармаля и позволил втянуть себя в затяжную войну, не имеет под собой реальной почвы».

* М.Чижиков. Жизнь Амина КГБ оценил в 250 «деревянных» рублей.// Комсомольская правда, 25.12.1999.

** См. с. ** раздел «Справочная литература».

* М.Чижиков. Жизнь Амина КГБ оценил в 250 «деревянных» рублей.// Комсомольская правда, 25.12.1999.

** О революции, исламе, жизни, мире и войне. Интервью А.Боровика с Б.Кармалем.//«Совершенно секретно», 1990, № 7.

Далее Кармаль заявляет, что Амина свергли «здоровые, прогрессивные силы партии». Так он называет возглавляемую им фракцию «Парчам». Перед штурмом дворца Бабрак Кармаль по предложению руководства СССР вернулся в Афганистан из ссылки и обещал привести в помощь нашим спецслужбам 500 боевиков из его фракции. Для них были заготовлены оружие, боеприпасы, обмундирование. Но пришел только один. Некоторые появились на другой день после штурма. В чем преуспели боевики Кармаля, так это в бессудных расстрелах сторонников Амина. Так был убит Якуб – начальник Генерального штаба армии Амина.

Отвергая обвинения президента США Картера, Л.И. Брежнев пишет в своем ответе: «Уважаемый господин президент! В ответ на Ваше послание от 29 декабря считаю необходимым сообщить следующее. Никак нельзя согласиться с Вашей оценкой того, что сейчас происходит в демократической республике Афганистан. Через Вашего посла в Москве мы в заверительном порядке уже дали американской стороне и лично Вам основывающееся на фактах разъяснение действительно происходящего там, а также причин, побудивших нас положительно откликнуться на просьбу правительства Афганистана о вводе ограниченных советских воинских контингентов. Странно выглядит в Вашем послании попытка поставить под сомнение сам факт просьбы правительства Афганистана о посылке наших войск в эту страну. Вынужден заметить, что отнюдь ни чье-то восприятие или невосприятие этого факта, согласие или несогласие с ним определяет действительное положение дел. А оно состоит в следующем. Правительство Афганистана на протяжении почти двух лет неоднократно обращалось к нам с такой просьбой. Кстати, одна из таких просьб была направлена 26 декабря с.г. Хочу еще раз подчеркнуть, что направление ограниченных советских контингентов в Афганистан служит одной цели – оказание помощи и содействие отражению актов внешней агрессии, которое имеет место длительное время, и сейчас приняло еще более широкие масштабы. Совершенно неприемлемым и не отвечающим действительности является в Вашем послании утверждение, будто Советский Союз что-то предпринял для свержения правительства Афганистана. Должен со всей определенностью подчеркнуть, что изменения в афганском руководстве произведены самими афганцами и только ими. Спросите об этом у афганского правительства».

Ложь на самом верху.

Под телеграммой стоит дата: 29 декабря 1979 года.

3 версия. Оказание интернациональной помощи.

Интернациональная помощь – это помощь, которую правительства ряда государств оказывают народу какой-либо страны, терпящему бедствие. Такими бедствиями могут быть землетрясения, наводнения, эпидемии и пр. Терпел ли подобное бедствие народ Афганистана? Нет, помощь была нужна только Амину и его окружению. Оказывала ли наша страна интернациональную помощь народу Афганистана до ввода войск? Да, мы строили больницы, заводы, школы, мосты через реки и ущелья, дорогу и вертолетную площадку в горах и пр. Но все это не требовало ввода войск. Поэтому нельзя называть интернациональной помощью дело, начавшееся убийством того, кто попросил помощи.

4 версия. Переизбыток вооружения на складах страны.

Стоял вопрос о сокращении ВПК, закрытии заводов, производящих оружие. Но военно-промышленная империя не могла этого допустить и потерять сверхприбыль. Ю. Андропов даже заказал начальнику своей разведки анализ вероятности беспорядков в стране в случае одновременной остановки нескольких десятков крупных предприятий ВПК. Прогноз экспертов был следующим: выступлений, скорее всего, не избежать. Поэтому маршал Устинов убедил членов Политбюро и, главное, Андропова в необходимости войны в Афганистане для использования излишков боеприпасов*.

Я считаю эту версию наиболее правдоподобной. Все остальные версии появились уже потом. Тогда каждое ведомство пыталось выглядеть чище, облив грязью других.

Стихи, посвященные афганской войне, послужили одной из причин моего ареста.

* Об этом говорится в газете «Труд» от 28.12.1999 в статье Е.Жирнова «Ход Афганом».

СТИХИ

ПОЭТУ

Скажи мне, бедный мой поэт,
Зачем тебе твой стих крылатый?
Он не заменит твой обед,
Не защитит тебя, как латы.

Увы, вся наша жизнь – обман.
Мы помним времена лихие,
Когда жестокий наш тиран
Ссылал людей на край России.

В сибирский холод рудников,
В леса безбрежные, как море,
В болота с тучей комаров,
Где погибали они вскоре.

Так сотни, тысячи людей...
Прошли они все муки ада,
Теряли жен своих, детей,
И думали, что так и надо.

В войну – "За Сталина! Ура!" –
Они бежали в бой, в атаки,
И штурмом брали города,
И умирали, как собаки.

Сейчас иные времена,
Иные идолы и боги,
У них другие имена,
Но все они... с большой дороги.

Февраль–март 1980

Нахапал ты много, отец наш родной,
Когда же умеришь свой пыл?
Иль, может быть, в темень могилы сырой
Утянешь, что в жизни добыл?

Утянешь с собою ты все ордена,
Какими себя наградил
За разные подлые в жизни дела,

Которые ты совершил,

За то, что ограбил народ свой вконец,
За то, что давил и душил...
О, дай тебе, Боже, достойный конец,
Ты "честно" его заслужил.

1979

Все люди смертны: и бедняк, и царь—
Никто здесь в мире не живет веками.
Сегодня ты еще наш государь,
А завтра – прах под нашими ногами.

Сегодня ты нас учишь в «правде» жить,
Кричишь с трибун о «мире» исступленно,
А завтра по тебе кто будет слезы лить
Или глядеть так на тебя влюбленно?

Лишь только у тебя закроются глаза
И бледность смертная твои покроет члены,
Поверь, не брызнет над тобой слеза,
А от друзей коварных жди измены.

Они покинут мертвого "царя",
Хоть был для них ты жизненной опорой.
Исчезнут, ничего не говоря,
Скорее спрятаться куда поглубже, в норы.

Но вот пройдет всего короткий срок,
И воссияет новое "светило",—
Они придут, улягутся у ног,
И повторится все, как уж не раз здесь было.

1980

МАМЕ

Развились кудри мамы милой,
Покрылись снегом прошлых лет,
Избороздили лоб морщины,
Потух в глазах горячий свет.

Но я не вижу перемены:
Всё так же дивно хороши,
Всё так же вечны, неизменны
Порывы добрые души.

Всё так же светит нам в тумане
Улыбка нежная всегда,

Я верю, знаю, не обманет
Та путеводная звезда.

Я знаю, не иссяк с годами
Родник её любви святой,
Он навсегда пребудет с нами,
Он – словно ключик золотой.

Он с нами в радости и в горе,
Опора в жизни непростой,
Желанный берег в бурном море,
Оазис с чистою водой.

Он в лютый холод обогреет,
И напоит в июльский зной,
И даже время не развеет
Костёр любви её большой.

Февраль 1980
На день рождения мамы.

АФГАНСКИЙ ЦИКЛ

ПУТЬ НА ЮГ

Опять я слышу грохот барабанный,
Призывный звук трубы, зовущий в мир иной.
Раздавлен и разбит путь старый караванный
Колесами машин и танковой броней.

В стремительный набег, как в времена былые,
Вломились мы без спроса, как враги,
Народу той земли ненужные, чужие,
Презрев законы их, жестоки и строги.

Зачем нужны, ответь, здесь, на седом Востоке,
Иллюзии надежд и сказки чуждых стран?
У них свои дела, и боги, и пророки.
Зачем нам лезть туда, где царствует Коран?

Зачем везут в афганские долины
Из муромских лесов и пензенских степей,
Из шумных городов в теплушках грязных, длинных,
Как стадо на убой дивизии парней?

Когда-нибудь все матери убитых,
Всех искалеченных предьявят грозный счет,
И эту власть людей, бессовестных и сытых,
Преступной сворой назовет народ!

Ужель я доживу до той счастливой доли?
Иль, может быть, сойду в могильный черный мрак.
Но знаю я одно, что не видать нам воли,

Пока сидит на золотом престоле
Большой мошенник и пустой дурак.

Январь–февраль 1980

Первое стихотворение «Афганского цикла». Написано после ввода советских войск и убийства президента Афганистана Амина 27 декабря 1979 года.

ЛЮБИТЕЛЮ МУЗ И СЛУЖИТЕЛЮ МАРСА

Заслышав звук трубы военной,
Встань от сна, друг милый мой,
Забудь красоток всей Вселенной,
Спеши туда, где тяжкий бой.

Спеши туда, где музам дивным
Нет места среди высоких гор,
Спеши, неси селеньям мирным
Войну, пожары и разор.

Спеши, лети на пир кровавый.
И стая воронов кружит
Над полем боя, где без славы
Ты будешь пулею убит.

И в дом письмо примчится птицей;
В нем незнакомою рукой
Казенный текст: «Здесь, за границей
Погиб ваш сын за край родной».

Какая ложь! Какая подлость!
В обман народ мой вовлечен,
Забыты честь его и гордость,
В разбое миром уличен.

В войну, Отчизну защищая ,
Погибли дед твой и отец,
А ныне ты, защитник края,
"Коммунистического" рая,
Приемлешь скорбный их венец.

Март 1980

Написано на день рождения сослуживца по Военно-медицинской академии.

В.С. Высоцкому

Рубикон перейден и мосты сожжены,
Позади только трупы да камни-руины,
Впереди нас – дороги проклятой войны

В пятнах крови людской, словно это рубины.

Не улыбки встречали нас в чужой стороне,
Не хлеб-соль нам несли на серебряном блюде,
Только пули свистели в ночной тишине,
Да проклятия слали афганские люди.

Мы добудем победу любой ценой,
Как велела с тобой нам Отчизна родная,
И "поможем" народу обрести здесь "покой",
Все вокруг кишлаки грома и сжигая.

Кто вернется живым из похода на юг,
Будет помнить всегда эти дикие склоны,
Где под градом свинцовых метелей и выюг
Шли в атаку на смерть молодых батальоны.

Кто ответит за этот безумный наш шаг,
Кто ответит за жизни их молодые?
Где скрывается этот наш истинный враг?
Не ищи его здесь, он в далекой России.

Март–апрель 1981

Это стихотворение стало потом песней в духе Высоцкого (горные песни из кинофильма "Вертикаль").

ПЕСНЯ ОБ АФГАНСКОЙ ВОЙНЕ

Домой вернулись сыновья
С полей чужой войны,
Где хриплых криков воронья
Наслушались они.
Не все из них пришли назад
С далекой стороны.
Солдаты мертвые лежат,
Солдаты мертвые лежат
По кладбищам страны.

Всего солдату 20 лет,
А он уже слепой,
Совсем не видит белый свет,
Семьи своей родной.
А рядом с ним солдат-герой,
И орден на груди.
Ступить не может он ногой,
Ступить не может он ногой
И по земле пройти.

Остались там, в краю чужом
Пропавшие друзья.
Им не вернуться в отчий дом
В родимые края.
Состарятся отец и мать
Без сыновей своих,
Девчонки их устанут ждать,

Девчонки их устанут ждать
И выйдут за других.

Но кто ответит за позор
Моей родной страны?
И кто в чужой ворвался двор,
Нарушив чьи-то сны?
Кто ж этот негодяй и тать,
Пославший их на бой,
И там заставил убивать,
И там заставил убивать
Народ земли чужой?

Домой вернулись сыновья
С полей чужой войны,
Где хриплых криков воронья
Наслушались они.
Не все из них пришли назад
С далекой стороны.
Солдаты мертвые лежат,
Солдаты мертвые лежат
По кладбищам страны.

15 февраля 1989

ПОКАЯНИЕ

Посвящается Алексею Румянцеву

Я не был там, и все же я убийца,
Я не был там, и все ж держу ответ
За всех солдат, кого моя столица
Послала завоевывать тот свет.

Я не был там, и все ж на сердце рана,
Я не был там, и все ж в груди тоска
За всех убитых там, в горах Афгана,
Кого прикрыла вечности доска.

За всех убийц, вернувшихся оттуда,
За всех калек, вернувшихся домой,
Держу ответ, как будто я – Иуда,
Христа-Спасителя продавший с головой.

Держу ответ за тех, кто, словно воры,
Ворвался на рассвете в горный край.
Использував их вечные раздоры,
Команду дали: "Жги и убивай!"

Держу ответ за тех, кто в кабинетах
Вынашивают планы черных дел,
В машинах разъезжая как в каретах,
А нам готовят подлости удел.

Держу ответ за все, что в жизни было,
Держу ответ за все, что в мире есть.
Молю Судьбу, чтобы меня забыла
Старуха злая – роковая месь.

8–9 августа 1989

МЫ ВЫШЛИ...

Мы вышли к границе...Россия, встречай.
Оркестры, прошу вас, молчите.
Ушли мы живыми. Афган же – прощай,
И нас, если можно, простите.

Простите нас, горы, за этот приход –
Гостями незванными были.
Прости нас, свободный афганский народ,
За все, что мы здесь натворили.

Не радость и счастье мы вам принесли,
А гибель людей, разоренье.
Прислали сюда нас в безумье вожди,
И нет им за это прощенья.

Не все из похода вернулись назад,
Не всех повстречали родные:
В свинцовых гробах наши мальчишки спят
В погостах огромной России...

А кто же ответил за этот позор?
Войну посчитал кто игрою?
Надежно укрыл его красный забор,
Что назван кремлевской стеною.

Февраль 1990

Написано на годовщину выхода из Афганистана.

МАРШ

В колоннах дружными рядами
Мы шли и хором пели гимн.
Знамена реяли над нами,
И путь наш был неутомим.

Мы шли в сияющие дали,
Где счастье улыбнется всем.
Там наше царство без морали –
Коммунистический Эдем.

Вели нас не вожди лихие,
Чей образ светел был и мил,
А старцы жалкие, больные,

Порой без разума и сил.

Мы шли, не думая, за ними,
Как скот, ведомый пастухом,
Как листья, ветром злым гонимы,
Как волки вслед за вожаком.

Мы шли и пели «Аллилуйя!»
Всем переменчивым вождям,
Не замечая их безумья,
Внимая лживым их речам.

Куда пришли, не знаем сами,
Зачем мы шли – нам невдомек,
И вот пустыня перед нами,
А в ней лишь камень да песок.
1989

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В ЗАКЛЮЧЕНИИ

Святая правда, нет ни капли лжи
В стихах, написанных моей рукою.
Откуда ж крик: "Агу его! Держи!" –
И чувствую я свору за спиною.

Как дикий зверь, я загнан за флажки,
Собачий лай рвет надвое мне душу,
Вовсю трубят охотничьи рожки,
Но я не отступлю перед бедой, не струшу.

С набитой "мордою" решетка на окне,
И дверь захлопнулась, как будто крышка гроба,
И тусклый отсвет солнца на стене –
Открылась в мир иной моя дорога.

Написано в камере Внутренней тюрьмы КГБ на Шпалерной
улице, куда я попал 6 мая 1981 года.

Проходит жизнь впустую, в одиночку,
Бежит быстрее, чем степной джейран.
Подходит срок, пора поставить точку,
К концу подходит жизни караван.

О, как ты был велик, властитель македонский!
Полмира ты низверг, он под твоей пятой.
Но вот подкралась смерть, втихую, по-шпионски,
И увела тебя безмолвно за собой.

О, как ты был силен, о Тамерлан могучий!
И сколько в мире стран ты силой покорил.
Но смерть пришла к тебе мрачнее черной тучи,—
И ты уже исчез, как будто и не жил.

О, как ты был умен, Наполеон везучий,
И как старался ты перехитрить свой рок!
Но все же не ушел от смерти неминучей,
Когда пошел в поход с войсками на Восток.

О, где же вы теперь, властители Вселенной?
И где ваш этот мир, чем грезили тогда?
Промчались, словно сон, дни вашей жизни брэнной,
А что осталось вам? Лишь прах и пустота.

1981

Я с детства ненавидел ложь,
Она душе моей претила.
Одна лишь правда – свет и сила,
Как будто в сердце острый нож.

Я ненавидел тех, кто лжет
С трибуны, с кафедры, с амвона,
Кто сказки ложные барона¹
За правду дерзко выдает.

Кто вдаль зовет, не зная цели,
Кто в рай ведет, не зная троп,
Кто знает лишь атаку в лоб,
Чтоб люди вряд ли уцелели.

Увы, лжецы живут и ныне,
Предпочитая правде ложь.
О, сколько в мире наглых рож,
Тех, для которых ложь – святыня.

1982

ГИМН СЕРОМУ ЦВЕТУ

Мелькают люди, словно тени,
Плывут бесчисленной чредой.
В толпе ничтожеств даже гений
Окрашен в серый цвет порой.

О, серый цвет, ты – царь в природе,

¹ Барон Мюнхгаузен, известный рассказчик «правдивых» историй.

Петь гимны мы тебе должны.
Напрасно говорят в народе,
Что белым цветом рождены.

Мы рождены все серым цветом
Из праха, грязи и дерьма.
Уместно ль говорить при этом
О чистоте души, ума?

О, как посредственность страшится
Таланта, дерзости людской,
Своею серостью прикрыться
Спешит под маскою дурной.

Весь мир вокруг, как под ударом,
Мы видим в зеркале кривом;
Ведь даже мозг наш, и недаром,
Зовется серым веществом.

Начало стихотворения – 1982 (35 зона),
Окончание – 2001.

* * *

Дюкареву

Успокоился, бедняга,
Час пришел, как видно, твой.
Здесь, на кладбище ГУЛАГа,
Обретишь ты свой покой.

Здесь, в земле сырой и пряной,
Где тебя давно уж ждут,
Где рассвет встает багряный,
Будет светлым твой приют

Средь цветов и трав пахучих,
За стеною из кустов,
Что опутаны колючей,
Ржавой сеткой проводов.

Без креста и без отпева
Будешь вечно ты лежать,
А сосед*, который слева,
Также будет охранять.

1983

ЕГО ПОРТРЕТ

Он – жалкий шут, фигляр злосчастный,

* Охранник, застрелившийся на зоне.

Урод ничтожный, лицедей,
Искатель душ, себе подвластных,
И опереточный злодей;
Несостоявшийся ученый,
"Борец" за счастье людей,
"Король" без царства и короны,
Игрок без денег и идей;
Любитель разных приключений,
Лжец, пустомеля и болтун,
Непризнанный, забытый "гений"
И грязный пасквильянт-пачкун;
Хвастун, шпион и провокатор,
Мошенник, плут и пустозвон,
И демократ он, и диктатор...
Так кто же, в самом деле, он?

1983

БОЛЕЕ ПОЗДНИЕ СТИХИ

ВОСПОМИНАНИЕ О ЗОНЕ

Я живу на Востоке
Посредине тайги.
Мне стрекочут сороки
Утром песни свои.

Встали строем бараки
У реки Чусовой,
Злобно лают собаки
И не спит часовой.

Песнь, подобную стону,
Он на вышке поет,
И глядит прямо в зону
С вышки той пулемет.

Мир колючкой опутан
И гирляндой огней,
И встает ранним утром
День неволи моей.

По звонку на работу,
По звонку на покой;
Даже в божью субботу
Поднимает конвой.

Там закатные тени
Залегли на снегу.
Вставил дедушка Ленин
Свое слово в строку:

Как в начале Советов
Создал он лагеря,
Так не видим мы света,
Погибаем в них зря.

1984

ПРОПАВШИМ БЕЗ ВЕСТИ

За что казните вы героев?
И в чём виновные они?
В том, что вернулись вы из боя,
Они ж вернуться не смогли.

Они остались там, в атаке,
За нашу Родину легли.
Забыли вы, в кровавой драке
Остаться там и вы могли.

Вам повезло, судьба решила,
Возможно, справедливый суд,
Для вас все блага: дом, машина,
А им цветов не принесут.

На их могилах пусто, голо,
Ни обелиска, ни креста,
На них не плачут дети, вдовы,
Вокруг немая пустота.

И с генеральского мундира
Не упадёт на них звезда,
Ведь даже все награды мира
Не воскресят их никогда.

Они ушли, чтоб не вернуться,
Погибли в схватке боевой.
Они хотели бы проснуться
В глубокой памяти людской.

Неблагодарные потомки
Забыли их, как сон дурной,
Отбросив прошлого обломки
Как сор ненужный и пустой.

Они забыли муки ада
Пропавших без вести отцов,
Оставив им одну "награду" —
Проклятье разных подлецов.

За что казните вы героев,
И в чём виновные они?
В том, что вернулись вы из боя,
Они ж вернуться не смогли...

Декабрь 1987 года

Ужели вновь вернуться времена,
Когда Злодей усатый и небритый,
Хмельной от крови, словно от вина,
Царил над нами со своею свитой?

Ужели вновь вернуться времена,
Из небытья восстанут ложь и злоба,
И брошенные ими семена
Откроют крышку сталинского гроба?

И он придет во всей своей красе,
Как демон черный, подлый и лукавый,
И вздрогнет мир – его узнают все,
И смерть пойдет гулять стезей кровавой.

Ужель хотим, чтоб умывался мир
Не ключевой водой, а человеческой кровью?
Зачем же слезы льем мы на его мундир,
Зачем несем цветы к его мы изголовью?

Зачем мы курим фимиам
Перед его зловещим ликом,
На раны льем целительный бальзам
Иль оглашаем воздух криком?

Мы воздаем ему хвалу
За то лишь, что остались живы,
Что можем рано по утру
Увидеть солнце, лес и нивы.

Услышать пенье соловья
В кустах над тихою рекою.
А где же Родина моя?
Его раздавлена стопою.

Где сыновья великих дел,
Где революции герои?
Лежат кровавой грудой тел,
Его расстреляны рукою.

Палач, презренный лицедей,
Сам окруженный палачами,
Убийца маленьких детей,
Маньяк с красивыми речами.

Ужели кто-нибудь из нас,
Живущих ныне, ненароком
С потоком лживых пышных фраз

Вновь назовет его пророком,

Отдаст ему земной поклон
Пред «богом» встанет на колени,
Презрев народа плач и стон,
Вновь приползет к великой тени?

Ужели снова призовут?
Я слышу клики, гром оваций,
И лишь мигни – он снова тут,
Отец народов, радость наций.

Нет, не придет чудовище назад,
Истлело тело, в прах распались кости,
Пусть есть еще кому лизать «священный» зад
И звать его сюда навеки, а не в гости.

Но мы уже не те, и мир уже не тот,
Нам не нужны не идолы, не боги.
Пусть в нас еще сидит трусливый жалкий крот,
Но нет пути назад, нам нет назад дороги.

Май – июнь 1988

НАКОНЕЦ...

Подходит старость...Время, время.
Окончив брэнной жизни путь
И скинув с плеч всевластья бремя,
Они «уходят» отдохнуть

От правых дел и от неправых,
От преступлений – на покой.
Они вкусили мир отравы
Всевышней власти роковой,

Они вкусили миг блаженства
Людьми, страной повелевать,
Привыкли все несовершенства
Под маской мудрости скрывать.

Они привыкли быть богами,
Как звезды яркие во мгле.
Под их лихими сапогами
Жить было тяжело на земле.

Они уходят в ночь без славы
В глухую темень небытья,
Как будто пень гнилой, трухлявый,
Их отвергает прочь земля.

Они сегодня – день вчерашний,
Давно ушли от них друзья,

И бьют часы на Спасской башне,
Их выдворяя из Кремля.

1988

МЕЧТА...И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Из Мавзолея черным ходом,
Толпой теснясь вокруг палача,
Выносят тайно Ильича
И гасят свет под гулким сводом.
В глаза не глядя, словно воры,
Но как икону с алтаря
Выносят мумию «царя»,
Чтоб в пушку зарядить «Авроры»
И прахом выстрелить в тот свет,
Откуда семь десятков лет
Явился дьявол-искуситель,
Народов наших всех мучитель
И банды истинный главарь.
Откуда чувствую я гарь
И запах сладкий восковой?
В ушах стоит тот дикий вой,
Как волки воют на луну.
С ним уходил творец во тьму,
В тот мир, забытый и немой –
Он шел туда к себе домой.
Но дверь внезапно перед ним
Закрылась скрежетом глухим,
И он остался среди нас
Как экспонат – всем напоказ.

1990

* * *

Снят караул у дверей Мавзолея,
Власти советской приходит конец.
Сколько, о Боже, святого елца,
Вылито было под этот венец.

Сколько нам лгали о Ленине с детства,
Сколько написано толстых томов...
Праведный Боже, дай же мне средство
Вылечить разум от всех «докторов».

Сколько нам сказок плели доброхоты,
В райские кущи зовя за собой,
Русь разорили совсем живоглоты,
Пользуясь тем, что народ наш немой.

Пользуясь тем, что он слеп и не видит
То, что обобран он властью вконец.
Тот, кто у власти, народ ненавидит,
Каждый готовит кто плеть, кто свинец.

Мы пред собой и пред Богом в ответе,
А отвечать нам на страшном суде:
За все, что случилось на нашей планете,
Там, перед Богом, ответим вдвойне.

1990 и 1993

9 АПРЕЛЯ 1989 ГОДА. ТБИЛИСИ.

Кровь пролилась на площади Тбилиси,
А завтра вновь прольется под Москвой...
Твори молитву, Родина, Россия,
Но не во здравие твори, – за упокой.

Твои сыны, архангелы лихие,
Прославили тебя на все века.
О, горе вам, спасители, мессии,
Забившие дубинкой старика.

О горе вам, их матери седые,
Родившие кровавых палачей,
Отнявшие здесь жизни молодые
У неповинных женщин и детей.

Проклятье вам, жандармы и убийцы,
Проклятье тем, кто вас послал сюда.
Вы обагрили улицы столицы,
Вам не уйти от правого суда.

Очнись от сна, слепое поколение,
Привыкшее к ошейнику, ярму.
Мы требуем, да, требуем отмщенья!
Карателям не может быть прощенья,
Преступников давно пора в тюрьму!

Апрель 1989

НАШ БРОНЕПОЕЗД

Стихотворение-предупреждение, написанное после
просмотра одноименного кинофильма.

Они не ушли, затаились на время
И ждут терпеливо свой срок,
Когда прорастет это черное семя,
А мы позабудем урок.

Исчезнут из памяти пытки и казни,
Расстрелы людей без суда,
И будем смотреть мы на мир без боязни,—
Они вновь нагрянут сюда.

Воскреснут злодеи, как феникс, из пепла,
Их суд будет страшен и скор.
Пока что их сила еще не окрепла,
Пока не заточен топор,

Пока что не льется широкой рекою
Людская невинная кровь,
Кровавый рассвет не встает над землею
И есть еще в мире любовь.

Сажает цветочки палач, и убийца
Не нужен пока никому,
Но каждую ночь тот же сон ему снится, —
Что мир превратился в тюрьму.

1990

Опять за Правду сказанную бьют
Указом президентским, как дубиной,
И вновь неправду нам преподают
С трибун высоких разные кретины.

Опять за Правду сказанную бьют,
А гласность загоняют снова в норы,
И новые дела всем правдолюбцам “шьют”
Все те же самые мошенники и воры.

Опять за Правду сказанную бьют,
Грозят тюрьмой, психушкой, лагерями,
И в цепи тяжкие с тобой нас закуют,
А судьбы те же снова перед нами.

Вы слышите? Опять за Правду бьют...

Июль–август 1990

ВЫЙТИ НА ПЛОЩАДЬ

Я не вышел на площадь под знамена Свободы,
Я не вышел на площадь, отсиделся в углу,
Когда в Прагу входили наши танки-уроды,
Подминая под траки их Свободы весну.

Я не вышел на площадь на лобное место,

Где на камне сидела кучка смелых людей,
Развернув транспаранты со словами протеста
Против гнусной политики наших вождей.

Пять минут лишь прошло, и набросилась свора,
Пять минут, словно вздох, остальное в бреду;
Пять минут свежий воздух, – и годы позора
В том краю, что на карте до сих пор не найду.

А потом скорый суд, суд закрытый и странный,
На скамью подсудимых усадил их не зря:
И судья "справедливый" и очень "гуманный"
Прочитал приговор и загнал в лагерь.

Пролетели года, словно черные птицы,
Все, что было – ушло, не вернется назад.
В книге наших судеб промелькнули страницы,
Только жаль мне одно, что не встал с ними в ряд.

15 октября 1990

Написано в связи со статьей «Выйти на площадь» в журнале "Огонек", посвященной тем людям, которые в августе 1968 года вышли на Красную площадь с протестом против ввода советских войск для подавления "бархатной революции" в Чехословакии.

Я ВНОВЬ НА «АВРОРЕ»

Я вновь на «Авроре» среди башен и труб,
Нет только здесь красного флага.
Скончался Союз – разложившийся труп,
Основа в России ГУЛАГа.

Скончался Союз без рыданий и слез,
Ушел навсегда без печали.
Немало он горя народам принес,
Забудем все это едва ли.

Но кто-то знамена – цвет крови и слез –
Опять поднимает над миром,
А кто-то букет из одних алых роз
Рассыпал пред злобным кумиром.

И прежним «святым» снова гимны поют,
Их святость и старость лелея,
И снова, как прежде, в охрану встают
У черных дверей Мавзолея.

Август 1992

ЗЭЖОВСКОЕ КЛАДБИЩЕ

На кладбище нет ни могил, ни крестов,

Здесь нет ни имен, ни фамилий,
Никто не приносит им свежих цветов,
Ни бархатных роз, ни оранжевых лилий.

Лишь столбик с дощечкой, две буквы на ней
И номер в каком-то журнале.
Никто не отпел их при блеске свечей...
(А нужно ль то мертвым? Едва ли.)

Кто вспомнит о них, кто слезу хоть прольет
Над жизнью, угасшей так рано?
Никто к ним сюда никогда не придет:
Ни брат, ни жена и не мама.

Отсюда им всем не уйти, не сбежать.
За черным могильным порогом
Им вечно на этом погосте лежать,
В краю позабытом, убогом.

Здесь мстят после смерти забвеньем глухим,
И нет даже мертвым прощенья.
Всем этим несчастным – хорошим, плохим –
Один приговор им – презренье.

Сентябрь 1992

Написано после поездки в Пермские лагеря по поводу 20-летия Пермского этапа.

ЧАШКА

Разбилась чашка вдребезги, в кусочки,
Рассыпалась в серебряную пыль,
Исчезли по бокам ее цветочки,
И это не фантастика, а быль.

Мне было жаль моей разбитой чашки,
Я столько чаю из нее попил, –
Подарок к дню рожденья друга Сашки,
Чтоб помнил я его и не забыл.

Но чашки нет, и друга нету тоже,
Они ушли, и каждый в свой черед.
Не видеть мне его веселой рожки
И не услышать, как Сашок поет.

Он сгинул там, в войне, в горах Афгана,
И косточки под камнем гробовым.
Ослепла навсегда от слез горячих мама,
Невеста же его давно живет с другим.

Стребаю черепки метлой в совок железный,
В бочок сыпаю, как ненужный хлам,
И все кидаю прочь, как мусор бесполезный.
Но памяти о нем забвенью не предам.

Май 1993

КРОНШТАДТ, 1921 ГОД

Вы не жертвами пали
В борьбе роковой,
А сознательно встали
Против власти такой,

Что народ обирала,
Не давала житья.
Полегло вас немало,
Но я верю – не зря.

Обманули матросов,
Обманули солдат,
И на смерть среди торосов
Повели на Кронштадт.

Позади пулеметы,
А погода – не мед,
И осталось полроты,
Не ушедших под лед.

Ворвались на рассвете,
Знать, по трупам прошли...
Горько плакали дети,
Чьих отцов увели.

На молу расстреляли,
Падал каждый второй...
Так у нас насаждали
Тот порядок крутой.

Все по воле народа,
(А хотел ли народ?)
Всех, желавших свободы,
Выводили в расход.

Лагеря да расстрелы,
Тяжкий каторжный труд, –
Делал черное дело
Их несправедный суд.

Много лет миновало
С той далекой поры,
Очевидцев не стало,
Все до срока ушли.

Вы не жертвами пали
В неравной борьбе,
Жизнь свою поломали,
Встав на горло судьбе.

Вы поведали людям,
Кто их истинный враг;
Путь к свободе был труден,
Важен первый был шаг.

Март – апрель 1994

СОЛОВКИ

Острова в Белом море,
Только камень да лес.
Сколько слез, сколько горя
Было в крае чудес.

В ряд бараки сырые;
От судьбы не сбежать,
Конвоиры лихие
Будут в спину стрелять.

Монастырские стены,
Колокольный трезвон.
За какие измены
Посадили вас в СЛОН*?

Где волна бьет о берег
Среди моря и скал,
Здесь "сидел" академик,
С ним – седой генерал.

Верой-правдой служили
Вы Отчизне своей,
Срок за то получили
До скончания дней.

Истязанья и пытки
В заполярной ночи,
И с садистской улыбкой
Били вас палачи.

У Секирки* стреляли
За малейший просчет,
И тайком зарывали
Прямо в каменный лед.

С баржи в море топили,
Заметая следы.
Сколько душ загубили
Средь такой красоты!

Вас осталось немного,

* Соловецкий лагерь особого назначения.

* Секирная гора, где проводились расстрелы. Сейчас там стоит большой крест.

Хватит пальцев двух рук,
Но все меньше к порогу
Вас приходит на круг.

Разбредились по погостам,
Прах смешался с землей.
Был вам каменный остров
Много лет лишь тюрьмой.

Уже дети и внуки
Едут в эти края;
Не на смерть, не на муки
Едут, боль затая.

Едут в светлые дали,
Где их дед иль отец
В этом царстве печали
Принял скорбный венец.

Там, где были расстрелы,
Средь безвестных могил
Камень встал светло-серый,
Чтоб никто не забыл.

Не забыли б потомки,
Где начало начал,
Где сейчас лишь обломки –
Был ГУЛАГа причал.

Июнь 1994

ОПЯТЬ ВОЙНА...

К 50-летию победы в Великой
Отечественной войне.

Давно закончилась война,
Но не забылись эти даты.
Пришла победная весна,
Домой вернулись все солдаты...

Но сколько их осталось там,
Там, на полях былых сражений.
О, сколько горя, сколько драм
Легло на плечи поколений!

Давно закончилась война
И заросли травой окопы,
И над Россией тишина –
Ведь не грозят нам из Европы.

Пусть нету Гитлера пока,
Не встал из гроба Муссолини,
Там, где погибли их войска,

Цветут цветы под небом синим.

Давно закончилась война,
Но нету нам с тобой покоя.
Вот снова к нам пришла весна,
А нас осталось только двое.

Лишь только двое из ребят,
Что жили рядом так беспечно;
Все остальные крепко спят,
Землей прикрытые навечно.

Давно закончилась война,
Прошло уж более полвека,
И потускнели ордена
У пожилого человека.

Тот, кто прошел огонь и дым,
Войну от края и до края,
Кто после боя стал седым –
Не будет жить, в войну играя.

Нет, не закончилась война,
Опять кругом мы виноваты,
И нам сегодня не до сна:
Ведь снова в бой идут солдаты.

И «похоронки» по домам
Нам носят снова почтальоны,
И плачут горько по ночам
Погибших матери и жены.

Нет, не закончилась война,
Опять кому-то там нейдет:
Горят, взрываются дома,
И кровь людей рекою льется.

Вчера – Афган, за ним – Чечня,
А завтра где-нибудь в Сибири
Возникнет новая война,
Войною станет в целом мире.

Нет, не закончилась война,
И нет ей ни конца, ни края.
Уже в горах идет она,
Стреляют пушки, не смолкая.

Растет, растет число могил,
И искалеченных без счета.
Смотреть на бойню нету сил,
На эту грязную работу.

И не закончится война,
Пока убийцы правят нами.
В огне родная сторона,

И стонет люд под сапогами.

Мы забываем мирный труд
И верим в разные обманы,
А наши денежки текут
В чужие подлые карманы.

Давно закончилась война,
В ней крови пролито немало,
Испили чашу мы сполна,
Но протрезвленья не настало.

А отвечать-то нам с тобой
И за иллюзию надежды,
И за кровавый тот разбой,
Что учиняют нам невежды.

Нам отвечать с тобой, мой друг,
Представ пред светлым божьим ликом,
Когда, покинув жизни круг,
Уйдем туда с последним криком.

И будет нас судить Господь
За соучастье в преступленье,
Всю нашу пакостную плоть
Пред миром вывернет с презреньем.

Напрасно будем мы молить,
Просить у Господа прощенья.
За кровь людей нельзя простить,
А смерть их требует отмщенья.

9 мая 1995

Отцы не вернулись с афганской войны,
Сполна нахлебались кровавой там каши,
Их выросли дети, но нет тишины,
И снова грохочут военные марши.

И снова над нами насилье и ложь
Царят, словно боги, что были когда-то,
И снова уходит от нас молодежь,
Надевши шинели и взяв автоматы.

Увы, к сожаленью, недолог их путь –
До первой же пули, до первого боя;
Быть может, удастся лишь только вздохнуть –
Из жизни уйдет половина их строя.

По серым камням скользят сапоги,
Навряд ли готовят ребят для парада,

За каждым пригорком живые враги,
За каждым кустом ожидает засада.

Уходят они, ничего не успев,
Слегка окунувшись в мир жалких иллюзий,
Уходят они, никого не согрев,
Чтоб согнуть от ран и тяжелых контузий.

Уходят они, ничего не сказав
Любимым своим и друзьям на прощанье.
Ужели и вправду по-своему прав,
Кто отнял их жизнь, вопреки обещаньям?

Ноябрь–декабрь 1996
(Вторая чеченская война)

СЕРАЯ ИДИЛЛИЯ

Дождь идет за окном,
Мокнут серые крыши,
А в углу серый гном
Или серые мыши.

Бродят серые тени
В сером мокром тумане,
В серой дымчатой лени
Кот лежит на диване.

Он само совершенство,
Царь кошачьего рода,
Серых кошек блаженство –
Сразу видно породу.

Развалившись спокойно,
Он зевает так сладко!
Что ему наши войны?
Что ему беспорядки?

Было б мясо в тарелке,
Молоко да сметана,
А бока – словно грелки,
Шерсть и хвост без изъяна.

Серой лапой пушистой
Он играет забавно,
На стене серебристой
Ловит пляшущих фавнов.

Мокнут серые тени
В сером мутном тумане,
В серой неге и лени
Кот лежит на диване.

18 октября 1990 года

КОТ В ОРАНЖЕВОМ БЕРЕТЕ*

Я храбрый кот в оранжевом берете,
Мне всё по силам, всё мне по плечу,
Я всех котов, живущих на планете,
Зову на бой, их всех поколочу.

Зову на бой я всех котов Вселенной,
Не важен мне их вес, не важен мне их рост.
Вон Васька-кот, на что был здоровенный,
И тот сбежал, как трус, поджав свой пышный хвост.

Глядят мне кошки вслед с восторгом и любовью,
И я люблю их всех, но только лишь весной.
О, сколько на земле котят с моею кровью
Совсем не знают то, что я им не чужой!

Октябрь 2001 года

СНОВА ИЮНЬ...

И снова июнь, снова двадцать второе,
Начало войны, как начало разбоя,
И что-то тревожно и смутно в груди –
Лихая беда вновь на нашем пути.

Под грохот снарядов, под бомбовый вой
Опять я в окопе, и враг предо мной.
Здесь кровь на асфальте и трупы вокруг,
И стал мне врагом самый лучший мой друг.

И радость, и горе делили мы с ним,
Теперь друг на друга в прицелы глядим.
Река разделила, мосты сожжены,
Выходим мы с ним на дорогу войны.

Но свистнула пуля, и друг мой убит,
Раскинувши руки, у камня лежит.
А пуля вторая с чужой стороны
Догнала меня и отрезала сны.

22 июня 1992 года
Написано по поводу войны в Приднестровье.

ОСЕНЬ

Последнее тепло

* На настенном календаре на 2001 год изображен кот в оранжевом берете, задиристый и воинственный.

Перед осенней стужей,
Прозрачное стекло
Застывшей грязной лужи,

И желтый листопад,
И голые деревья,
Уснувший Летний сад,
И воронья кочевья,

И избы деревень,
Забитые, пустые,
И сломанный плетень,
Озера голубые,

И журавлиный клин,
Летающий с криком к югу,
Заросший мхом овин
И с белым снегом вьюгу –

Всё это я люблю,
Всё это я приемлю,
И Родиной зову
Святую эту землю.

29–30 сентября 1992 года

ПЛАЧ ЖЕНЩИНЫ

*Ярославна плачет на Путивле
на стене поутру причитая...
«Слово о полку Игореве»*

Опять войны грохочет гром
И танков лязг, снарядов вой.
Разбит, разграблен отчий дом,
Где я жила с моей семьёй.

Погибли все, и лишь одна
Из гроба выползла я нищей;
Все слёзы выплакала я,
Бреду без крова и без пищи.

В различных позах мёртвые тела
На улицах, на площадях, в подвалах.
Их злая смерть тайком подстерегла
То пулей, то осколком угощала.

Средь мертвых тел и мой сынок лежит,
Моя последняя надежда и опора,
И мне всё кажется, что он лишь только спит,
Приткнувшись головёнкою к забору.

Как было тяжело его мне поднимать,
Рос без отца, убитого в Афгане.

Я заменила всех ему – отца и мать,
И всё ждала, как на ноги он встанет.

И вот он встал, чтоб тотчас же упасть,
Сражённый бомбою российского пилота,
И смерть свою прожорливую пасть
Открыла с бомболоком самолёта.

Его убийцы – там они, в Кремле,
Пируют на свободе после драки,
А он лежит в холодной серой мгле,
И тело его рвут приبلудные собаки.

О, Боже праведный, где истина твоя?
За малые грехи рабов своих карашь,
А подлинных злодеев октября*
На волю без суда так просто отпускаешь.

Вот и теперь виновных – пруд пруди,
Они в крови по самую макушку,
А до суда дойдет – попробуй их найди!
А срок им должен быть на полную катушку.

Декабрь 1994 года

ЗА ЧТО?

Нас снова и снова кличут на бой
И снова кидают, как мясо, в атаку,
И ставят при этом перед собой,
А сами не лезут в кровавую драку.

За спинами наших «зеленых» бойцов,
Тех, кто и жизни ещё не видали, –
Сытые морды сановных отцов,
У них за Афган ордена и медали.

И снова детей вы бросаете в бой
Мишенями в огненном тире.
Я ж слышу, как воеет ночью порой
Старуха в соседней квартире.

Один сын пропал на афганской войне,
Остались невестка и дети;
Другой сын сгорел прямо в танке в Чечне,
Никто не остался на свете.

Одна доживает в сиротском углу,
Забыли невестка и внуки,
Старуха давно не нужна никому,
В бессилье опущены руки.

* Имеются в виду участники событий 3–4 октября 1993 г., отпущенные по амнистии без суда. Ныне они вновь у власти.

Но живы убийцы её сыновей,
В довольстве, блаженстве и холе,
И нет беспокойства у них за детей,
В престижной все учатся школе.

Никто не ответил тогда за Афган...
Пытаясь использовать силу,
Бесславно погиб мой сосед-капитан,
Другие нашли там могилу.

И снова уходят от нас сыновья
Дорогой позора и брани,
Но так же их «радостно» встретит Чечня,
Как было когда-то в Афгане.

1994–1996 годы

ЗИМНИЙ СОН

Снег за окном, шурша, летит,
Скребётся мышь за тёплой печкой,
Свечой холодною горит
Луна над замершею речкой.

Не слышно больше пенья птиц,
Уснули шумные дубравы,
И не стряхнувши снег с ресниц,
Спят ели, спрятав ствол шершавый.

Залез под крышу воробей,
Спасаясь в доме от мороза,
И холодом несёт с полей,
Вся в синем инее берёза.

Спят сосны в белом парике,
Спит в будке на цепи собака,
И рыба сонная в реке
Забилась в ил среди льда и мрака.

Наохлившись, вороны спят
И не кочуют по дорогам,
Друг подле друга сели в ряд
В наряде жалком и убогом.

Всё здесь объято мёртвым сном:
Природа, люди, даже сказки,
На полке в книжке дремлет гном,
И кот зажмурил свои глазки.

И в этом дивном царстве сна
В ночь перед юным Новым годом
Спят лето, осень и весна
Под лунно-звёздным небосводом.

Декабрь 1996 год

**К 60-летию В.В. Иофе,
директора НИЦ «Мемориал»**

Вас, шеф, увы, ничем не удивить,
Нет ничего для вас в сей жизни внове,
Но наш «Мемориал» извечно будет жить,
Пока вы есть в его основе,

Пока вы, как атлант, на собственных плечах
Готовы дальше несть весь этот груз тяжелый,
И в огненных статьях, и в пламенных речах
Вы шлете Правды свет и в города, и в селы.

От вас никто не сможет Правду скрыть,
Найдете вы ее и в небесах, и в море,
В архивах пыльных проявляя прыть,
Готовы даже носом землю рыть,
Чтоб нашим людям истину открыть,
Кому на радость, а кому на горе.

Июнь 1998

СОЛДАТСКОЙ МАТЕРИ

Сколько стоит, скажите, жизнь простого солдата?
Не того, кто вернулся, а того, кто убит,
И какую достойной должна быть оплата
За того, кто под камнем на кладбище спит?

Неужели есть такса за убитого сына?
Ну, и как оценить все страдания его,
Когда вдруг под ногами взрывается мина,
И машина сгорает в мгновение одно.

Или как оценить материнское горе,
Или муки отцов, потерявших детей?
В этом мире огромном и безбрежном, как море,
Как им жить теперь дальше без своих сыновей?

Но опять и опять в ночь уходят солдаты,
И отцы-командиры посылают их в бой:
"Возвращайтесь живыми, прошу вас, ребята!"
Не нужны нам победы ценою любой,

Не нужны нам победы, обогранные кровью,

Опаленные жаром взрывов бомб и ракет.
Мне б хотелось вернуться в мир, объятый любовью,
Пусть в конце своей жизни, но увидеть просвет.

Но, увы, никогда не вернуться нам к свету,
Снова нас загоняют в кровавый туман,
Заставляют всех жить по чужому обету,
А вокруг только подлость, только грязь и обман.

Июль 2001
(Вторая чеченская война)

ПАМЯТИ Г.В. СТАРОВОЙТОВОЙ

Идет отстрел поодиночке,
Бьют наповал из-за угла:
За мысли вслух, в газете строчки,
За просто добрые дела.

Стреляет нечисть и паскудство
Из ночи черной в светлый день,
А нашей жизни безрассудство
Уводит нас куда-то в тень.

Идет охота всякой швали
На самых лучших из людей,
А мы сидим с тобой в подвале
Или в какой-то из щелей.

Мы – дезертиры с баррикады,
Ушли в свой жалкий подлый быт;
На наше место влезли гады
И Макашов-антисемит.

Они ликуют и смеются
Над нашей общею бедой,
И можем вскоре мы проснуться
В стране уже совсем другой.

В стране, в какой когда-то жили
Всего десяток лет назад,
И верно партии служили,
И выходили на парад.

Всем хором славили генсека,
Ему курили фимиами,
И забывали человека,
Того, кто строит жизни храм.

Ушли, казалось, эти годы,
И к прошлому возврата нет,
Но лишь глотнули мы свободы,
Как вновь летим на красный свет.

Опять вокруг все те же лица,
И их кроваво-красный флаг
Горит над башнями столицы,
А нас везут с тобой в ГУЛАГ.

Пока что сон мне только снится,
Пока не стал здесь явью он.
Не дай же Бог ему вдруг сбыться,
Чтоб мог над нами вновь глумиться
Кровавый партии закон.

Декабрь 1998

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ В. ИОФЕ

Мы на земле лишь временные гости,
Приходим мы сюда всего на краткий миг,
И вот уж моет дождь сухие наши кости,
А время изменяет прежний лик.

Приходим мы всего лишь на мгновенье,
Чтоб сделать свое дело и уйти,
Мелькнув над миром бесприютной тенью,
И так же тенью в вечный мрак сойти.

Но есть среди нас не люди – феномены.
За ними, как за каменной стеной,
Нам не страшны любые перемены,
И все, что делают – все делают с душой.

Он был из них. Звездой из Вифлиема
Указывал он людям к правде путь.
Любую нерешенную проблему
Решал он просто, зная ее суть.

И шли к нему со всех концов России,
Из дальних стран спешили на поклон.
Пусть не был он Спасителем, Мессией,
Но Человеком был, я знаю, он.

И вот звезда та яркая угасла,
Рассыпавшись на тысячи огней.
И всем вокруг до боли стало ясно,
Что нечто вечное сгорело вместе с ней.

Апрель-май 2002

К ПАМЯТНИКУ

Мне камень этот ближе и родней,
Чем сотня в бронзе истуканов.

Он к нам пришел из северных ночей,
Из царства мрака и туманов.

Сбылась мечта заветная, святая,
И здесь, на площади, здесь, в городской черте
Встал Памятник из каменного края
На всем известной закладной плите.

И хорошо, что он нерукотворный,
Самой природой был воссоздан СЛОН,
Как некий символ жизни иллюзорной,
Знакомой всем со сталинских времен.

Склонитесь, скульпторы! Пред гением природы
Померкнуть должен даже ваш талант.
Творенья ваши простоят лишь годы,
А он же вечен – этот слон-гигант,

Как вечна наша память перед ними –
Пред жертвами ГУЛАГов и ЧКа.
Никто у нас ту память не отнимет,
Не погребет забвения река.

И будут приходить к нему, как на свиданье,
И матери водить сюда детей,
Рассказывая разные преданья
Из прошлой жизни бабушки своей,

А он – немой свидетель и участник
Всех памятных событий прежних дней,
Он – их прямой поделщик, соучастник
Кровавых бунтов, смут и мятежей.

Он видел все – и пытки, и расстрелы,
И превращенье в лагерную пыль,
И подвиг одиночек смелый,
И нашей страшной жизни быль.

Стоять ему всегда на этом месте
Пред Петропавловскою мрачною тюрмой,
Как камень мужества, достоинства и чести
Героев, павших в грозный век лихой.

Сентябрь 2002

P.S.

Не лаской встретил гостя Петроград;
Никто не оторвал у тех поганцев руки,
Когда пришли сюда в осенний сад
Доносчиков «достойнейшие» внуки.

Они привыкли гадить по ночам:

Здесь осквернили камень, там – могилу.
Подобно своим предкам-стукачам,
Ценить привыкли лишь тупую силу.

Кто забывает прошлое, смеясь,
Воюя с памятью, как пакостник, не воин,
Сам свое имя втоптывает в грязь
И званья человека не достоин.

2003

Стихотворение написано в связи с неоднократным осквернением Соловецкого камня на Троицкой площади.

ЛЮБОВЬ СТУКАЧА

«Накопитель», знаю я, работает,
Собирая в кучу всякий вздор,
А суды российские все шлепают
Правдолюбцам нашим приговор.

Следаки, писаки нам известные,
Сочиняют новые «дела».
Стукачи все те же, те же местные, –
И доносы пишут не со зла.

Да и мыслят только по-идейному,
Дабы нашим «органам» помочь, –
Все дела решают по-семейному,
Донося на сына или дочь,

На соседа, что за стенкой мается,
На коллегу, что работал с ним,
А теперь, подлец, совсем не знается...
И в конце доноса: «Аноним».

Пишут в наши «органы» любимые,
Пишут на врагов и на друзей...
Что бы делали они, родимые,
Без своих любезных стукачей..?

20.12.2002

ДУМЫ О ГИМНЕ

Как не лицом поношенный пиджак,
На дырки старые не нашивай заплату,
Слова меняя в нем и так и сяк, –
Не сочинишь ты новую кантату.

Из новодела вылезет старье,
Из-под заплат проглянет снова тело,
И с карканьем слетится воронье,

Чтоб править бал все так же без предела.

Давно засох «благоуханный» сад,
Ушел Союз, исчезнув с карты мира,
А мы вернулись в прошлое, назад,
Все те же песни петь, что славили кумира.

Из песни, говорят, не выкинешь слова,
И музыка, и текст там слиты воедино.
Но вот приходит в мир вновь избранный глава,
И тотчас на глазах меняется картина.

И вот уже бегут навстречу лизуны
И, как на божество, восторженно взирают.
Средь них ничтожества, подонки и лгуны,
А воры и бандиты процветают.

Ему в угоду все готовы изменить:
Символику страны, бюджет и все законы,
Те, по которым нам дано здесь жить,
Готовы все взорвать, нарушить все препоны.

Вернули старый гимн, слова чуть изменив,
Подкрасив бороду и волосы седые,
Наивно думая, что так же он красив,
Как и тогда, в те годы молодые.

Как и тогда, построен он на лжи,
Как и тогда, зовет нас всех обратно
Туда, где строили с тобой мы муляжи,
Где окружали нас пустые миражи,
И было нам там гадко и отвратно.

Возможно, что судьба к нему и не права,
И будут петь от мала до велика,
Но лишь о Сталине «великие» слова,
Срывая голос с шепота до крика.

Все остальное обратится в прах,
Уйдет во тьму и канет там навеки,
Но тот извечный и кошмарный страх
Вновь возродиться может в человеке.

И все идет к тому, ГБ уже берет
И власть над экономикой, и банки,
А если вякнет против мой народ,
Пошлет туда войска, а может даже танки.

А дальше?..
Дальше за меня допишет КГБ
(Мои любимые заглавные три буквы!),
И новый приговор мне вынесут в суде
Сидящие под наглой птичкой куклы.

15 февраля 2001

ГОД СПУСТЯ

К годовщине смерти В.В. Иофе

Год промелькнул, а сердце не на месте,
Порою ноет, а порой болит,
Но в мыслях мы с тобою рядом, вместе,
И нас уже ничто не разлучит.

С тобою вместе в радости и в горе,
С тобою вместе наш «Мемориал»,
И в жарких диспутах, и просто в разговоре
Мы ждем, чтоб ты нам правду подсказал.

О, как порой тебя нам не хватает!
Ведь наша жизнь отчаянно сложна.
Никто не знает, что нас ожидает,
И так поддержка нам твоя нужна.

Но все вопросы гаснут без ответа,
Не слышно голоса и тишина вокруг...
А ты нам улыбаешься с портрета,
И все тревоги прочь уходят вдруг.

20 апреля 2003

«НОРД-ОСТ»

К годовщине захвата заложников на Дубровке в Москве
при просмотре мюзикла «Норд-Ост».

«Норд-Ост» – всего лишь эстафета
Всех прежних актов и смертей.
Лишь только мы и помним это
Средь равнодушия людей.

Пока беда их не коснулась,
Пока ее не грянул гром,
Пока в них совесть не проснулась,
Они не думают о том,

Что где-то там за поворотом
Хлестнет откуда-то свинцом,
И перед ними встанет кто-то
С закрытым маскою лицом.

И по избитому сценарию
Пойдет знакомый всем отсчет,
Откуда-то запахнет гарью.
Никто на помощь не придет...

И не нужны мы сильным мира,
И никому вообще вокруг.
Ведь защищая честь мундира,
Менты марасть не станут рук.

И так же, как в недавнем прошлом,
Для «примирения» сторон
Как будто бы в спектакле пошлом
Поставят газовый заслон.

«Норд-Ост» – всего лишь эстафета.
А сколько будет их, скажи,
Ужели до скончания света
Терзать нас будут миражи?

Октябрь 2003

К ВЫБОРАМ

К тому, кто не прогнулся пред Кремлем,
Кто задницу ему лизать не хочет,
Они придут с ночным визитом в дом,
Иль утром ранним встретят и замочат.

Им не нужны честнейшие из нас,
Кто правду почитает, словно Бога,
Кто знает жизнь людскую без прикрас,
Не как они – и жалко, и убого.

Мы им нужны лишь как «электорат»:
Избрал их в боги – ну и прочь, свободен.
Ступай, куда захочешь: в рай иль в ад,
А нам пока ты более не годен.

Но снова наступает выбор наш,
И как овец, ведут нас на закланье,
Берут с тобою нас на абордаж
Ничтожные, бесцветные созданья.

Они готовы нам наобещать
И рай земной, и вечное блаженство,
Готовы с неба солнце нам достать,
Ложь доведя уже до совершенства.

Ноябрь 2003

УШЕДШИМ ДРУЗЬЯМ

Ряды рedeют с каждым днем,
Их голосов уже не слышим,
И нам лишь кажется – живем,

На самом деле еле дышим.

А жизнь всей тяжестью своей,
Всей силой давит нам на плечи,
И с каждым разом все сильней,
А нам уже ответить нечем.

Уходят лучшие из нас,
Уходят в мрак сырой могилы.
А смерть, как снайпер, целит в глаз
Иль бьет поддых что было силы.

Уходит каждый в свой черед:
Кто – от болезни, кто – от пули.
И мы считаем каждый год
Тех, кто не выдержав, уснули.

Они уходят на покой,
Я провожаю их слезами.
А завтра час наступит мой,
И я уйду, друзья, за вами.

Уйду туда, где вечный сон,
Где жизни нет и нет печали,
Но нет и тех, в кого влюблен
Я был тогда еще, в начале,

В начале жизненных страстей
И в гуще радостных событий,
Среди любимых мной людей
И на пороге всех открытий.

Казалось, сбудутся мечты,
Те, что приходят к нам извечно,
И будем вместе, я и ты,
Жить в этом мире бесконечно.

Все в прошлом: я один в тиши
Брожу, как тень, с своей тоскою.
Вдруг слышу голос: «Не спеши,
Не уходи, побудь со мною».

Август 2004

НАША ЖИЗНЬ

Разворовали всю Россию,
Заставив бедствовать народ.
Ему подсунут лжемессию,
А он доволен, идиот.

Лишь только хлопает в ладоши,
Всего боится и молчит.

Они его украли гроши,
А он еще благодарит:

«Спасибо, господа хорошие,
За вашу ласку и приют».
И дальше тянет свою ношу,
Боясь: догонят и добьют.

Им жизнь безбедную дарует,
В его ж карманах тлен и прах.
А он им задницы целует,
И со слезами на глазах

Хомут на шею выбирает
Из разных жалких подлых лиц,
И в власть позорную толкает
Воров, бандитов и убийц.

Они его жалеть не станут,
И при бюджетном дележе
И обворуют, и обманут,
Оставив всех нас неглиже.

Наиздевавшись в диком раже,
Творят бандитский беспредел,
И наша жизнь порою даже
Страшнее, чем тюрьмы удел.

За что судьба к нам так немила,
За что карает нас Господь?
Как видно, дьявольская сила
Сильнее, чем людская плоть.

Август – сентябрь 2004

ПАМЯТИ МОЕЙ СЕСТРЫ СОНИ

Я не писал тебе стихов,
Не возносил хвалу здоровью,
Букеты пышные цветов
Не приносил тебе с любовью.

Мы были лишь сестра и брат
И даже ссорились порою,
Но кто был в этом виноват,
Не выясняли мы с тобою.

Нам было хорошо всегда,
Делили радости и горе,
Но вот нагрянула беда,
И ты ушла, с судьбой не споря.

Ушла туда, в далекий плес,
Откуда нет назад дороги,

Как будто ветер злой унес
В тот мир забытый и убогий.

Остались мы с сестрой вдвоем,
Как перепуганные птицы.
И прошлым лишь одним живем,
Листая жизни той страницы.

Июль 2005

П Р И Л О Ж Е Н И Е № 1

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР в составе председательствующего Луканова П.П.

Членов суда Осипенко И.Ф. и Бурмакинского Ю.Н.

рассмотрела в судебном заседании от 22 октября 1981 г. дело по кассационной жалобе осужденного Миркина Б.С. на приговор Ленинградского городского суда от 28 августа 1981 года, которым

МИРКИН Борис Савельевич, рождения 30 сентября 1937 года, уроженец г. Ленинграда, по национальности еврей, беспартийный, с высшим медицинским образованием, холостой, работал старшим лаборантом войсковой части 41598, ранее не судимый –

осужден по ч. 1 ст. 70 УК РСФСР к трем годам и шести месяцам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии строгого режима. Постановлено взыскать с осужденного судебные издержки в доход государства в сумме 36 рублей.

Заслушав доклад члена Верховного Суда РСФСР Луканова П.П. и Заключение прокурора отдела Главной военной прокуратуры полковника Кулакова А.С., полагавшего приговор суда оставить без изменения, судебная коллегия

Определила:

Приговор Ленинградского городского суда от 28 августа 1981 года в отношении Миркина Бориса Савельевича оставить без изменения, а кассационную жалобу оставить без удовлетворения.

(Подписи)

Справка: Осужденный содержится под стражей в следственном изоляторе УКГБ по Ленинградской области.

Секретно

Прокуратура РСФСР

Президиум Верховного Суда РСФСР

ПРОТЕСТ
(в порядке надзора)

06.02.90 № 13–533-89/1162с
Москва

по делу Миркина Б.С.

Приговором Судебной Коллегии по уголовным делам Ленинградского городского суда от 28 августа 1981 года

Миркин Борис Савельевич, 1937 года рождения, уроженец г. Ленинграда, беспартийный, с высшим образованием, холост, не судимый, до ареста работал старшим лаборантом воинской части 41598,

осужден по ч. 1 ст. 70 УК РСФСР к 3 годам 6 месяцам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии строгого режима.

Определением Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 22 октября 1981 года приговор оставлен без изменения.

Судебные решения являются неправильными и подлежат отмене по следующим основаниям:

Миркин осужден за то, что в силу сложившихся у него антисоветских убеждений систематически в период 1975-1981 года изготовлял, хранил и распространял в письменной и устной форме собственные сочинения в стихотворной форме, содержащие клеветнические измышления, порочащие государственный и общественный строй, призывы к совершению особо опасного государственного преступления и свержения советского правительства.

В основе обвинения Миркина в антисоветской деятельности положены показания свидетелей Бандмана, Дольника, Гибшман, Металиди, Фельда, а также признания самого осужденного и заключение криминалистической экспертизы.

Свидетели Гибшман и Металиди показали в суде, что Миркин читал им свои стихотворения антисоветского содержания, где в ироничной форме упоминалось о наличии большого количества наград у Л.И. Брежнева, а Дольник, Фельд и Бандман сообщили суду о прочтении им Миркиным стихотворения «Антисемитизм»², в котором он неправильно освещал политику советского правительства по национальному вопросу.

Свидетель Тонкопий показал, что Миркин передал ему стихотворение для прочтения под названием «Любителю муз и служителю Марса», в котором осуждалась военная помощь СССР афганскому народу, а свидетель Цепова заявила, что в беседах с ней Миркин осуждал руководителей КПСС и советского правительства, в то же время свидетели Алферова, Сычев и Жупанова показали, что антисоветских высказываний от Миркина не слышали.

Миркин показал в суде, что в силу неустроенности своей личной жизни, он с 1975 года сочинял стихотворения (в том числе под названиями «Баллада о присвоении» и «Антисемитам»), в которых в

² Правильно: «Антисемитам».

резкой и грубой форме высказывался о руководителях КПСС и советского правительства, о политике СССР по национальному и «афганскому» вопросам, однако, создавая и распространяя свои стихотворения, умысла на подрыв и ослабление советского государства и общественного строя не имел. Сочинял и читал свои стихотворения близким знакомым, хотел тем самым завоевать авторитет среди них, понимал, что стихи являются резкими по своему содержанию, но не думал, что тем самым совершает преступление перед государством.

Таким образом, из показаний свидетелей и самого осужденного видно, что хотя изготовленные и распространенные Миркиным стихотворения и содержат некоторые клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, однако в материалах уголовного дела отсутствуют доказательства того, что Миркин распространял клеветнические измышления в целях подрыва или ослабления Советской власти, либо в целях совершения отдельных особо опасных государственных преступлений. Следовательно, в его действиях отсутствует состав преступления, предусмотренный ст. 70 ч. 1 УК РСФСР.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 371 УПК РСФСР,

П Р О Ш У:

Приговор Судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского городского суда от 28 августа 1981 года и Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 22 октября 1981 года в отношении Миркина Бориса Савельевича отменить и прекратить дело за отсутствием в его действиях состава преступления.

Приложение: уголовное дело № 51796 в 4 томах и заявление Миркина Б.С. на 3 листах от н/вх. 5762.

Первый заместитель Прокурора РСФСР (Подпись) Н.С. Трубин

Справка: Уголовное дело проверяется по заявлению осужденного Миркина Б.С., проживающего по адресу: г. Ленинград, ул. Вавиловых, д. 8, корп. 1, кв. 284.

Архивное уголовное дело подлежит возврату в Управление КГБ СССР по Ленинградской области.

Дело № 566пс90пр

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РСФСР

г. Москва

7 марта 1990 года

Президиум Верховного Суда РСФСР в составе:

Председателя В.И. Радченко

Членов Президиума: Сергеевой Н.Ю., Верина В.П., Жуйкова В.М., Карасева И.Н., Лукашова Ю.А., Свиридова Ю.А., Меркушева А.Е., Вячеславова В.К.

Рассмотрел дело по протесту первого заместителя Прокурора РСФСР Трубина Н.С. на приговор Ленинградского городского суда от 28 августа 1981 года, по которому

М И Р К И Н Борис Савельевич, 1937 года рождения, уроженец г. Ленинграда, с высшим образованием, несудимый, работал старшим лаборантом воинской части 41598, – осужден по ч. 1 ст. 70 УК РСФСР к 3 годам 6 месяцам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии строгого режима.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 22 октября 1981 года приговор оставлен без изменения.

В протесте поставлен вопрос о прекращении дела в отношении Миркина за отсутствием в его действиях состава преступления.

Заслушав доклад члена Верховного Суда РСФСР Езина В.Ф и выступление заместителя Прокурора РСФСР Бутурлина А.В., поддержавшего протест,
Президиум Верховного Суда РСФСР

УСТАНОВИЛ:

Миркин осужден за то, что в силу сложившихся у него антисоветских убеждений систематически в период 1975–1981 годов изготовлял, хранил и распространял в письменной и устной форме собственные сочинения в стихотворной форме, содержащие клеветнические измышления, порочащие государственный и общественный строй, призывы к совершению особо опасного государственного преступления и свержению советского правительства.

Президиум Верховного Суда РСФСР находит протест обоснованным.

В основу обвинения Миркина в антисоветской деятельности положены показания свидетелей Бандмана, Дольника, Тонкопия, Гибшман, Металиди, Фельда, а также признание самого осужденного и заключение криминалистической экспертизы.

Свидетели Гибшман и Металиди показали в суде, что Миркин читал им свои стихотворения, где в иронической форме упоминалось о наличии большого количества наград у Л.И. Брежнева, а Дольник, Фельд и Бандман сообщили суду о прочтении им Миркиным стихотворения «Антисемитам», в котором он неправильно освещал политику советского правительства по национальному вопросу.

Свидетель Тонкопий показал, что Миркин передал ему стихотворение для прочтения под названием «Любителю муз и служителю Марса», в котором осуждалась военная помощь СССР афганскому народу, а свидетель Цепова заявила, что в беседах с ней Миркин осуждал руководителей КПСС и советского правительства, в то же время свидетели Альденова*, Сычев и Жупанова показали, что антисоветских высказываний от Миркина не слышали.

Миркин показал в суде, что в силу неустроенности своей личной жизни он с 1975 года сочинял стихотворения (в том числе под названием «Баллада о присвоении» и «Антисемитам»), в которых в резкой и грубой форме высказывался о руководителях КПСС и советского правительства, о политике СССР по национальному и «афганскому» вопросам, однако создавая и распространяя свои стихотворения умысла на подрыв и ослабление советского государственного и общественного строя не имел. Сочинял и читал свои стихотворения близким знакомым, хотел тем самым завоевать авторитет среди них, понимал, что стихи являются резкими по своему содержанию, но не думал, что тем самым совершает преступление перед государством.

Таким образом, из показаний свидетелей и самого осужденного видно, что хотя изготовленные и распространенные Миркиным стихотворения хотя и содержат некоторые клеветнические измышления о советском государственном и общественном строе, однако в материалах уголовного дела отсутствуют доказательства того, что Миркин указанные действия совершил в целях подрыва или ослабления Советской власти, либо в целях совершения отдельных особо опасных государственных преступлений. Следовательно, в его действиях отсутствует состав преступления, предусмотренный ст. 70 ч. 1 УК РСФСР.

Содеянное Миркиным могло быть квалифицировано по ст. 190–1 УК РСФСР, но в настоящее время этот закон** отменен.

На основании изложенного и руководствуясь п. 2 ст. 378 УПК РСФСР, Президиум Верховного Суда РСФСР

П о с т а н о в и л:

* Ошибка в протоколе. Фамилия свидетельницы Алферова.

** На самом деле отменен не закон, а статья Уголовного кодекса.

Приговор Ленинградского городского суда от 28 августа 1981 года и определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 22 октября 1981 года в отношении Миркина Бориса Савельевича отменить и дело прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления.

Председатель (Подпись) В.И. Радченко

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

Юридические основания политических преследований

ОСОБО ОПАСНЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Статья 64. **Измена Родине**

а) Измена Родине, то есть деяние, умышленно совершенное гражданином СССР в ущерб суверенитету, территориальной неприкосновенности или государственной безопасности и обороноспособности СССР: переход на сторону врага, шпионаж, выдача государственной или военной тайны иностранному государству, бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы в СССР, оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР, а равно заговор с целью захвата власти, –

наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки или смертной казнью с конфискацией имущества.

б) Освобождается от уголовной ответственности гражданин СССР, завербованный иностранной разведкой для проведения враждебной деятельности против СССР, если он во исполнение полученного преступного задания никаких действий не совершил и добровольно заявил органам власти о своей связи с иностранной разведкой.

Статье 64 УК РСФСР в редакции 1961 года соответствуют следующие статьи в Уголовных кодексах союзных республик:

Аз. ССР	– статья 57
БССР	– статья 61
Груз. ССР	– статья 65
Каз. ССР	– статья 50
Латв. ССР	– статья 59
Лит. ССР	– статья 62
Тадж. ССР	– статья 61

Турк. ССР	– статья 62
УССР	– статья 56
Эст. ССР	– статья 62

Статья 70. Антисоветская агитация и пропаганда

Агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление и хранение в тех же целях литературы такого же содержания –

наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до семи лет и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки или ссылкой на срок от двух до пяти лет.

Те же действия, совершенные лицом, ранее осужденным за особо опасные государственные преступления, а равно совершенные в военное время –

наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки.

Статье 70 УК РСФСР соответствуют следующие статьи кодексов союзных республик:

Арм. ССР	– статья 65
Груз. ССР	– статья 71
Латв. ССР	– статья 65
Лит. ССР	– статья 68
Тадж. ССР	– статья 67
УССР	– статья 62
ЭССР	– статья 68

Статье 70 УК РСФСР в редакции 1961 года соответствует ст. 58 часть 10 УК РСФСР в редакции 1926 года.

Статья 58 п. 10. Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. 58 п. 2 – ст. 58 п. 9 настоящего Кодекса), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания влекут за собой лишение свободы на срок не ниже шести месяцев.

Те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местах, объявленных на военном положении, влекут за собой меры социальной защиты, указанные в статье 58 п. 2 настоящего Кодекса. (Расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и тем самым гражданства СССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с допущением, при смягчающих обстоятельствах, понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества).

Привожу ниже содержание статьи 190 «прим» УК РСФСР, на которую хотели переклассифицировать меня со статьи 70 при подаче заявления на реабилитацию.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОРЯДКА УПРАВЛЕНИЯ

Статья 190 «прим». Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй

Систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно изготовление или распространение в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания –

наказывается лишением свободы на срок до трех лет [в колонии общего режима – вставка моя, **Б.М.**], или исправительными работами на срок до одного года, или штрафом до ста рублей.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

Абдуррахман-хан, эмир Афганистана (1880-1901), основатель современного Афганистана.

Агабабян Оганес, участник армянского национального движения, член подпольной организации "Союз молодых армян".

Агабеков Георгий Сергеевич, начальник восточного сектора ИНО ОГПУ, бежал на Запад в 1930 г.

Алексеев Анатолий Владимирович, полковник-хирург.

Александр Македонский, царь Македонии, вторгся в Среднюю Азию (329 г. до н.э.)

Алексиевич Светлана Александровна, журналист

Алферова Ольга Федоровна, сотрудник химического отдела НИЛ-1 ВМА

Альбац Евгения Марковна, доктор философии, публицист

Амин Хафизулла, президент Афганистана (16.09 – 27.12.1979)

Андогский Александр Иванович, генерал-майор, начальник Николаевской военной академии

Генерального штаба, автор военно-географического исследования Афганистана

Андропов Юрий Владимирович, председатель КГБ СССР

Андросик Георгий Петрович

Анищенко Владимир Владимирович

Анна, см. Миркина (Лаговиер) А.А.

Апреленко А.М., врач. к. мед. н.

Арафат Ясир, президент Государства Палестина (1989-2004).

Ардабьева Татьяна Викторовна, химик, н.с. НИЛ-1 ВМА

Арбузов Сергей Яковлевич, профессор, начальник кафедры фармакологии ВМА

Арутюнян Вардан Людвигович, участник армянского национального движения, член подпольной организации «Союз молодых армян».

Арутюнян Мрзпет Арутюнович, участник армянского национального движения, идеолог подпольной организации «Союз молодых армян».

Ачкасов Николай Борисович, военный историк

Бабур Захиреддин Мухаммед, основатель государства Великих Моголов.

Балабанов Аркадий Михайлович, майор, представитель КГБ в лагере ВС 389/35

Балтус Эмма Эдуардовна, адвокат

Бандман Анатолий Львович, врач, ст.н.с. НИЛ-1 ВМА

Бахтурин Сергей Гаврилович, офицер безопасности Посольства СССР в Кабуле.

Бегун Иосиф Зиселевич

Берг И.Д., начальник административно-хозяйственного отдела НКВД по Москве и Московской области

Бердник Александр Павлович

Берия Лаврентий Павлович, нарком НКВД (1938-1945), министр МВД СССР (с 1953)

Берлин Александр Иезикильевич, к. хим. н., ст. н. с., начальник группы НИЛ-1 ВМА

Бернштейн Самуил, дедушка Б.Миркина по материнской линии

Бернштейн Г.И., бабушка Б.Миркина по материнской линии

Блюхер Василий Константинович, маршал Советского Союза, военный министр (1921-1922), главком Народно-революционной армии ДВР.

Бобарыкин Николай Григорьевич

Богачев Владимир Владимирович

* Лица, чьи имена, выделены курсивом, являются заключенными пермских политических зон.

Богораз Лариса Иосифовна, правозащитник
Борковский Ульян Казимирович
Боровик Артем Генрихович, журналист, главный редактор газеты «Совершенно секретно»
Бояринов Григорий Иванович, полковник, командир отряда специального назначения "Зенит".
Брайдон, английский врач
Брежнев Леонид Ильич, Генеральный секретарь ЦК КПСС
Бриедис Петерис Изидорович
Брокгауз Ф.А., основатель немецкой издательской фирмы Brockhaus
Брумберг Игорь Евгеньевич
Будровский Анатолий, участник побега А.Т.Марченко из Карлага в Иран 29.10.1960.
Бурмакинский Ю.Н., член судебной коллегии Верховного Суда РСФСР
Бутурлин А.В.,
Ведута Богдан Иванович
Верин В.П., член Президиума Верховного Суда РСФСР
Виткевич Ян (Иван) Викторович, участник польского восстания, российский путешественник по Средней Азии, дипломат. Поручик императорской армии.
Вишневецкий Всеволод Витальевич, драматург
Вишневецкий Леонид Вульфович, врач, к. мед. н., н. с. ВМА
Войцеховский Сергей Николаевич, командующий войсковыми частями Челябинской группы и Уральского фронта.
Волков Евгений Владимирович, историк
Волохонский Лев Яковлевич
Высоцкий Владимир Семенович, актер, поэт, автор песен
Вячеславов В.К., член Президиума Верховного Суда РСФСР
Гаврилюк Владимир Анастасьевич
Гаджиев Камил Магомедович
Гальцов Александр Васильевич, начальник хим. отдела ВМА
Гамсахурдия Звиад Константинович, президент Грузии
Гибшман Ия Константиновна, свидетель на суде
Гибшман Константин Эдуардович, артист
Гогия Сулико (Зураб) Сергеевич
Гогоберидзе, полковник, участник штурма дворца Амина
Годеев (Наиб) Николай Иванович, майор, представитель КГБ в лагере ВС 389/37
Голубов, капитан, начальник аптеки военного городка
Горбачев Михаил Сергеевич, президент СССР
Гордиевский Олег Антонович, экс-полковник КГБ, советский шпион-перебежчик, журналист
Горетой Николай Петрович
Грабанс Иварс Карлович
Громько Андрей Андреевич, советский политический деятель
Гусев, следователь Городской прокуратуры г. Ленинграда.
Дауд-хан Сардар Мухаммед, президент Афганистана (1973-1978)
Дементьев А.П., врач-психиатр
Дина, см. Миркина Д.Р.
Долинин Вячеслав Эммануилович
Дольник Михаил Хаймович, троюродный брат Б.С.Миркина, свидетель на суде Б.С.Миркина
Дост Мухаммед-хан, эмир Афганистана (1826-1839, 1842-1863) из династии Баракзаев
Дроздов Юрий Иванович, генерал-майор КГБ, начальник Управления «С» (нелегальной разведки).
Дудко Дмитрий Сергеевич, православный священник
Дутов Александр Ильич, генерал-лейтенант, войсковой атаман Оренбургского казачьего войска.
Дюкарев Михаил Николаевич
Егизарян Самвел Элибекович
Егоров Александр Георгиевич, ректор Ленинградского химико-фармацевтического института (до 1972)
Егоров Николай Дмитриевич, историк-архивист
Езин В.Ф., член Верховного Суда РСФСР

Ермаков Георгий Иванович

Ершов, капитан дальнего плавания, подследственный СИЗО КГБ

Ершов Михаил, журналист

Ефрон Илья Абрамович, русский издатель

Женя, см. Миркина Евгения Савельевна

Жирнов Евгений, журналист

Жуйков В.М., член Президиума Верховного Суда РСФСР

Жупанова Мария Корнеевна, служащая секретного отдела ВМА.

Захир Шах Мухаммед, король Афганистана

Згогурин Виктор Васильевич, подполковник, начальник пермского лагеря ВС 389/37.

Зелч Алоиз Казимирович

Зинченко Анатолий Михайлович

Захир-шах Мухаммед, король Афганистана (1933-1973)

Ибн Батута Абу Абдаллах Мухаммед ибн Абдаллах аль-Лавати ат-Танджи, арабский путешественник, странствующий купец.

Иван III, сын Василия II, великий князь московский

Игнатенко Николай Степанович

Иофе Вениамин Викторович, сопредседатель С.-Петербургского общества «Мемориал», основатель НИЦ «Мемориал».

Исакова Н.С., судья

Казачков Михаил Петрович

Калеп Вельо Александрович

Калугин Олег Данилович, экс-генерал-майор КГБ

Каплан Фанни Ефимовна (Фейга Хаимовна Ройтблат) эсерка. 30.08.1918 арестована по обвинению в покушении на В. Ленина, 04.09.1918 расстреляна без суда.

Карасев И.Н., член Президиума Верховного Суда РСФСР

Кармаль Бабрак, президент Афганистана (1979-1986)

Карпухин Виктор Ф., участник штурма дворца Амина

Картер Джеймс, 39-й президент США.

Касаев Алан Черменович, журналист

Касаткина Наталья Дмитриевна, артистка балета, балетмейстер, народная артистка РСФСР.

Касьян, лейтенант, следователь ОСО КГБ СССР

Катукова Инесса Васильевна, прокурор

Квецко Дмитрий Николаевич

Керенский Александр Федорович, министр-председатель Временного правительства, Верховный главнокомандующий (с августа 1917).

Кивило Харальд Аугустович

Кирпиченко Вадим Алексеевич, генерал-лейтенант, заместитель начальника внешней разведки КГБ (1974-1991), автор мемуаров

Козлов Эвальд Григорьевич, майор, участник штурма дворца Амина

Кокорин Григорий Михайлович

Кокушкина Анна Викторовна, химик, н.с. ВМА

Колтакбаев Ахметжан Ходжабаевич

Колычкова Т.А., врач-психиатр

Коник В.В., советский критик религиозных течений

Конкин Михаил Александрович

Константиновский Владимир Иванович

Кормаков, подследственный СИЗО КГБ

Корягин Анатолий Иванович

Кузнеченков Виктор Петрович, полковник-терапевт.

Кулаков А.С., полковник, прокурор отдела Главной военной прокуратуры

Купцов Иван Владимирович, историк-генеалог

Курилов Валерий Николаевич, ст. лейтенант, участник штурма дворца Амина

Курков Анатолий Александрович, начальник ГУВД Ленинграда и области

Куркова Бэла Алексеевна, журналист

Лаговиер Аркадий Львович, двоюродный брат Б.Миркина
Ленин (Ульянов) Владимир Ильич, организатор большевистской партии, основатель Советского государства.
Лернер Исаак Моисеевич, ст. н. с., к. хим. н., руководитель химического отдела НИЛ-1 в ВМА
Лецинский Николай Адамович
Литвинов Борис Андреевич
Лофтин Дени Мак Артур, вице-консул Генерального консульства США в Ленинграде (1970-е)
Луканов П.П., член Верховного Суда РСФСР, председатель Кассационного суда (с 1990)
Лукашов Ю.А., член Президиума Верховного Суда РСФСР
Лукин Виктор Иванович
Любарский, капитан, знакомый семьи по Яранску
Любарский Кронид Аркадьевич, астроном, правозащитник, политзаключенный (1972-1977),
Председатель Московской Хельсинкской группы (МХГ), журналист, первый заместитель главного редактора журнала "Новое время".
Магдеев Роберт Билялович
Макашов Альберт, генерал, депутат ГД РФ
Маленков Георгий Максимилианович, советский политический деятель
Манучарян Александр Арамович
Марченко Анатолий Тихонович
Медведев Б.А, следователь УКГБ по Ленинграду и Ленинградской области.
Медунов Сергей Федорович, первый секретарь Краснодарского крайкома партии (1973-1982)
Мельников Александр Геннадиевич
Меркушев А.Е., член Президиума Верховного Суда РСФСР
Металиди Людмила Владиславовна, работник почты, свидетель на суде Б.С.Миркина
Мешко Оксана Яковлевна, одна из основательниц Украинской Хельсинкской группы
Мильштейн Илья, публицист, политолог.
Миркина (Лаговиер) Анна Абрамовна, сестра отца Б.Миркина
Миркин Абрам Иоселевич, дедушка Б.Миркина по отцовской линии
Миркин Игорь Романович, двоюродный брат Б.Миркина
Миркин Илья Абрамович, брат отца Б.Миркина
Миркин Роман Абрамович, брат отца Б.Миркина
Миркин Савелий Абрамович, отец Б.Миркина
Миркина Дина Романовна, двоюродная сестра Б.Миркина
Миркина Евгения Савельевна, сестра Б.Миркина
Миркина Софья Савельевна, сестра Б.Миркина
Миркина Фрума Сауловна, бабушка Б.Миркина по отцовской линии
Миркина (Бернштейн) Хася Шмуиловна, мать Б.Миркина
Михайлов Владимир, журналист многотиражной газеты «Красновыборжец»
Михайлов Олег Васильевич
Мкртчян Ишхан (Князь) Мкртичевич, участник армянского национального движения, член подпольной организации «Союз молодых армян».
Молотов Вячеслав Михайлович, министр иностранных дел СССР
Морозов Марк Аронович
Московцев Виктор Васильевич
Наджибулла Мухаммед, президент Афганистана
Назаров Гани Рауфович
Немелков Рудольф Петрович, член СПб. общества «Мемориал».
Непомнящий Николай Николаевич, писатель
Нессельроде Карл Васильевич, граф, министр иностранных дел (1816-1856).
Носатов Виктор, полковник погранвойск, ветеран Афганской войны, журналист
Носырев Даниил Петрович, генерал, начальник КГБ по Ленинграду и Лен. области
Норбутас Алексас Домо
Обухов Герман Викторович
Овсиенко Василий Васильевич
Огородников Александр Иоильевич

Орехов Виктор Алексеевич, бывший капитан КГБ, помогавший диссидентам.
Осин Николай Макарович, подполковник, начальник пермского лагеря ВС 389/35.
Осипенко, подследственный СИЗО КГБ
Осипенко И.Ф., член судебной коллегии Верховного Суда РСФСР
Офштейн, ст. лейтенант, начальник лазарета мотострелковой дивизии
Пащенко Владимир Иванович
Пестов Виктор Георгиевич
Перовский Василий Алексеевич, оренбургский военный губернатор (1833-1842), оренбургский и самарский генерал-губернатор (1851-1857)
Поздеев Виталий Михайлович
Попов, капитан, следователь УКГБ по Ленинграду и Лен. области
Попов П.П., начальник паспортного стола ГУВД Леноблгорисполкомов
Пореш Владимир Юрьевич
Постышев Павел Петрович, советский политический деятель
Пузанов Александр Михайлович, посол СССР в Афганистане (1972 - 26.11.1978)
Радченко В.И., заместитель председателя Верховного Суда РСФСР
Рогоза Сергей Львович, военный историк, публицист
Румянцев Алексей, слесарь завода «Красный выборжец»
Рыжков Николай Анатольевич
Рыков Игорь, участник войны в Афганистане, расстрелян за сдачу в плен
Рябова Ф.В., врач-психиатр
Савельев В.П., подполковник КГБ, следователь УКГБ по Ленинграду и Лен. обл.
Саттер Дэвид, журналист, писатель
Свердлов Владимир Ильич
Свиридов Ю.А., член Президиума Верховного Суда РСФСР
Сергеев Вячеслав Александрович, химик, к. хим. н.
Сергеева Н.Ю., член Президиума Верховного Суда РСФСР
Серебров Феликс Аркадьевич
Серяков В.И., подполковник, прокурор
Скудра Жанис Жанович
Словачевская Нина Михайловна, ст. н. с., к. хим. н., руководитель группы НИЛ-1 в ВМА
Слосман Илья Львович, химик, н.с. ВМА
Смирнов, прокурор Калининского района г. Ленинграда
Смирнов Валерий Аркадьевич
Соколов А. майор-летчик, участник Афганской войны.
Соня, см. Миркина Софья Савельевна
Стахов Дмитрий, журналист
Столетов Николай Григорьевич, российский генерал от инфантерии
Старовойтова Галина Васильевна, депутат ГД РФ
Стробыкин Георгий Матвеевич, генерал, руководитель подразделения ВМА
Стурманис Зинтаутс Петрович
Суслов Михаил Андреевич, советский политический деятель
Сычев Геннадий Дмитриевич
Табеев Фикриат Ахмеджанович, посол СССР в Афганистане с 26.11.1978
Тараки Нур Мухаммед, писатель, генеральный секретарь Народно-демократической партии Афганистана (1977-1979), президент Афганистана (1978-1979).
Тарасенко Виктор Иванович
Товкач Иван Петрович
Тонкопий Валерий Дмитриевич, врач, н.с. НИЛ-1
Топуридзе Н., журналист
Трубин Н.С., первый заместитель Прокурора РСФСР
Уваров Аркадий Васильевич
Ударцев Владимир Андреевич
Устинов Дмитрий Федорович, министр обороны СССР (с 1976)
Фельд Владимир Эмильевич, свидетель на суде

Филоненко Василий Тимофеевич
Хайбар Мир Акбар, член НДПА
Халецкий Авраам Михайлович, заведующий кафедрой фармацевтической химии ЛХФИ
Халфин Нафтула Аронович, писатель
Хлан Олег, участник афганской войны, расстрелян за сдачу в плен.
Холявка Александр Федорович
Хрущев Никита Сергеевич, Первый секретарь ЦК КПСС, председатель СМ СССР
Цаголов Ким Македонович, генерал-майор запаса, в Афганистане старший военный советник.
Цепова Нина Сергеевна, свидетель на суде
Черемных Владимир Петрович, генерал-лейтенант, бывший военный советник в Афганистане.
Чернобровкина, начальник паспортного стола
Чертинов Владлен, корреспондент «Комсомольской правды»
Чижиков Максим, журналист
Читава Вахтанг Амиранович
Чурганов Анатолий Петрович
Шагинян Мариэтта Сергеевна, писательница
Шеварнадзе Эдуард Амвросиевич, первый секретарь ЦК КП Грузии, президент Грузии.
Шефер Лев Григорьевич
Шир Али-хан, эмир Афганистана (1863-1866, 1868-1879) из династии Баракзаев.
Ширяев Валерий Геннадьевич, журналист.
Шмыров Виктор Александрович, историк, директор Мемориального центра истории политических репрессий «Пермь-36».
Штильбанс Виктор Иосифович
Щеболь Владимир
Эндрю Кристофер, английский исследователь, журналист
Юра, Лаговиер Юрия Львович, двоюродный брат Б.С.Миркина
Якуб Мухаммед, начальник Генерального штаба вооруженных сил ДРА.
Якуб-хан Мухаммед, эмир Афганистана (21.02-12.10.1879).
Якунин Глеб Павлович
Янова Тамара Ивановна, управляющая аптекой в Зеленогорске
Ярославцев В.Г., председатель судебной коллегии Ленгорсуда.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

К н и г и

- Агабеков Г.* Секретный террор. Записки разведчика. – М., Современник, 1996. С.122-127.
- Альбац Е.* Мина замедленного действия. Политический портрет КГБ СССР. – М., Русслит. 1992. С.193-197.
- Андогский А.И., Дроздов Ю.И., Курилов В.Н., Бахтурин С.Г.* Афган, снова Афган. – М., Военное издательство, 2002. С.27-78.
- Ваххабиты и масоны.* Тайны Востока и Запада. – М., 2004.
- Волков Е.В., Егоров Н.Д. и Купцов Е.В.* Белые генералы восточного фронта гражданской войны. М., Русский путь, 2003. С.66.
- Гордиевский О., Эндрю К.* КГБ – разведывательные операции от Ленина до Горбачева. М., Центрполиграф, 1999. С.577.
- Кирпиченко В.* Разведка: Лица и личности. Глава «Правда об Афганистане». – М., Гея, 1998. С.348-366.
- Млечин Леонид.* Особая папка. Зачем Сталин создал Израиль? М., Яуза, ЭКСМО, 2005. С.24-27.
- Непомнящий Н.* Тайны советской элиты. От Хрущева до Горбачева. – М. Вече, 2002. С.273-281.
- Новый энциклопедический словарь.* Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. СПб. Т.9.
- Рогоза С.Л., Ачкасов Н.Б.* Засекреченные войны. 1950-2000. М.–СПб., Полигон, 2004. С.332-390.
- Саттер Дэвид.* Век безумия. Распад и падение Советского Союза. – М., О.Г.И., 2005.
- Список политзаключенных СССР.* Выпуск 7 (по состоянию на 30.10.1985) и выпуск 8 (по состоянию на 30.10.1986). Редактор К.Любарский.
- Уголовный кодекс РСФСР.* М., Юридическая литература, 1983.
- Халфин Н.А.* Победные трубы Майванда. М., Наука, 1980. С.340-341.
- Халфин Н.А.* Заря свободы над Кабулом. М., Главное издательство восточной литературы, 1985.
- Шииты сунниты, дервиши: вечные тайны ислама.* – М., 2005.

Газеты и журналы

- Алексиевич С.* Цинковые мальчики. //Дружба народов. 1990, №7.
- Боровик А.* О революции, исламе, жизни, мире и войне. Беседа с Бабраком Кармалем. //Совершенно секретно. 1990, № 7. С.8-10.
- Дроздов Ю.И.* Операция «Шторм – 333». //Родина. 1999, № 2.
- Ершов М.* Свидетельствуют дети блокады. //Тайны XX века (Санкт-Петербург). 2004, № 17 (117). С.12.
- Жирнов Е.* Ход Афганом. //Труд. 1999, 28 декабря.
- Казачков М.П.* Евреи в ГУЛАГе. //Народ мой (Санкт-Петербург). 1991, 17 февраля, №3 (11). С.7.
- Коник В.* Прикрываясь именем бога... //Человек и закон. 1980. № 3.
- Мильштейн И.* На той войне неизвестной...//Огонек. 1994, № ?. С.15.
- Михайлов В.* Рядовая история рядового современника. // Красновыборжец. 1990, № 16.
- Михайлов В.* Трактат о доносе. Интервью с Б.С. Миркиным. // Красновыборжец. 1990, 25 октября, № 33.
- Носатов В.* В начале девятилетней войны. //Литературный Киргизстан. 1989, № 6. С.64-81.
- Операция по захвату длилась 6 секунд.* //Литературная газета – Досье. 1991. № 2. С.11.
- Соколов А.* [Свидетельство]. См.: Суд над «Цинковыми мальчиками». История в документах // Дружба народов. 1994. № 8. С.142.
- Стахов Д.* Маленькое послесловие к фотографиям.// Огонек, 1994, №?. С.26.
- Касаев А.* Живу и помню. Интервью с генералом Цаголовым.// Огонек, 1994, №?. С.16-20.
- Топуридзе Н.* После дебатов, после войны... Интервью с К.М. Цаголовым. //Комсомольская правда. 1989, 26 декабря.
- Чертинов В.* «Пьяный Бабрак Кармаль вешался мне на шею». Интервью с В.Черемных. //Комсомольская правда. 1999, 4 марта.
- Чижиков М.* Жизнь Амина КГБ оценил в 250 «деревянных» рублей. //Комсомольская правда. 1999, 25 декабря.
- Ширяев В.* Мину под Афганистан заложили мы. //Новая газета. 2002, 25-27 марта.

Архивное следственное дело Миркина Б.С. № П 77792. Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Лен. области.

Личный архив Б.С. Миркина.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Глава 1. Арест

Глава 2. Обитатели СМЗО КГБ.

Глава 3. Столыпинский вагон.

Глава 4. «Пермская обитель».

Глава 5. Зона.

Глава 6. Встречи.

Глава 7. Освобождение.

Глава 8. Реабилитация.

Глава 9. Знакомство с уголовным делом.

Лагерные рассказы.

Афганская война в моей жизни и судьбе. Эссе.

Стихи

Афганский цикл

Стихи, написанные в заключении

Более поздние стихи

Приложение № 1.

Приложение № 2.

Именной указатель.

Литература и источники.